
К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ЖЕНСКОГО СЪЕЗДА

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (49) — 2008

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Включен в список ВАК

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор*), **Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии*), **С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва), **В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет), **А. И. Евстратова** (Костромской государственный технологический университет), **Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет), **З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет), **Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет), **Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН)

Адрес редакции:
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иванове: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru

Журнал высылается по предварительной заявке
Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» 78462

ISSN 1992 – 2892

© «Женщина в российском обществе», 2008

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (49) — 2008

Russian Ministry of Education and Sciences

Ivanovo State University

Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

- O. A. Khazbulatova** (Editor-in-chief, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova (Women's Movement of Russia, co-chair of editorial board, Moscow),
S. G. Aivazova (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
V. N. Egorov (Ivanovo State University), **A. I. Evstratova** (Kostroma State University of
Technologies),
T. B. Ryabova (Ivanovo State University), **Z. H. Saralieva** (Nizhniy Novgorod State University),
N. B. Gafizova (Ivanovo State University), **N. A. Shvedova** (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences)

Editorial Office Address:
153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ISSN 1992 – 2892

© «Women in Russian society», 2008

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (49) — 2008

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина,*
О. Я. Литвак, О. А. Кручинина
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 30.10.2008 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.

Печать плоская. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»)
153002 Иваново, пр. Ленина, 47

От редакции

«Очерк женского движения в России» — одно из немногих публицистических произведений XX века, достаточно полно раскрывающих историю возникновения и развития отечественного женского движения. Его автором является Анна Николаевна Шабанова, потомственная дворянка, слушательница Высших женских курсов, первая женщина — детский врач, с 1889 года председательница Русского женского взаимоблаготворительного общества. А. Н. Шабанова внесла заметный вклад в развитие женского движения в России, встав у истоков общественно-политического движения женщин за избирательные права. Ей принадлежала идея о созыве Первого Всероссийского женского съезда, 100-летие со времени проведения которого общественность России отмечает в 2008 году. Анна Николаевна возглавляла оргкомитет по подготовке съезда, выступала на нем с основным докладом. Историческая заслуга А. Н. Шабановой заключается в том, что она выступила в роли не только организатора, но и теоретика женского движения. В труде «Очерк женского движения в России» ею отражена хронология развития женского движения, предпринята попытка разработать концепцию его либерально-демократического направления, подробно освещена работа по проведению Первого Всероссийского женского съезда. «Очерк женского движения в России» написан образным и выразительным языком, в нем удивительно емко передается энергетика многогранной деятельности женщин в начале XX века по повышению своего социального статуса.

«ОЧЕРК ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ»

д-ра А. Н. Шабановой

Женское движение в России может считать свое начало со второй половины XIX века — с этой поры оно вступило на твердую почву, но для своей полной характеристики оно требует исторических данных о положении женщины в России в более ранние периоды, которые я постараюсь изложить вкратце.

До Петра I русская женщина, лишенная просвещения и самостоятельности, мирно спала в запертом от всякого общения тереме, представляя из себя безличную рабу, всецело подчиненную своему владыке-мужчине.

Но если углубиться в седую старину, то, по свидетельству историков, женщина в древней Руси пользовалась (как и у первобытных славян) большой свободой и самостоятельностью. Она располагала своим имуществом, выступала лично на суде, честь ее

оберегалась строго, и обида, нанесенная ей, каралась более высокой пеней, чем оскорбление мужчины. В случае вдовства она делалась главой семьи и воспитывала своих детей; женщины ходили на войну, пользовались уважением и считались вещью силою. Эта докультурная эпоха была эпохой господства матриархата, предоставлявшего женщине выдающуюся социальную роль, когда женщина стояла высоко и обладала самостоятельностью. Так говорят историки.

В нашей древней истории известны даже такие женщины, которые прославились как умные правительницы. Типичной представительницей подобных женщин является Ольга (945—957 гг.), обладавшая государственным умом и бывшая, по выражению Шашкова, «великим мужем своего века». Ольга правила государством, распространяла христианство на Руси и вела войны, самостоятельно участвуя в них, и пользовалась в народе известностью как «мудрейшая из людей».

Но как только изменились социальные условия жизни, как только возникли общественные учреждения — семья и собственность, так постепенно из госпожи и хозяйки женщина стала превращаться в рабу.

И в следующую за первобытной эпоху, с развитием и наступлением патриархального родового начала, русская женщина, по достоверным историческим данным, постепенно теряет свою самостоятельность, превращаясь в исключительно рабочую силу и собственность главы рода — мужчины. Он взял на себя обязанности защищать и приобретать (война), ей предоставил производить детей и вести хозяйство, что и послужило основанием к водворению принципа: мир — дом мужчин, дом — мир женщин!

При господстве диких и варварских нравов и обычаев того времени, когда право сильного заменяло закон, женщина естественно должна была стать рабой, которая ценилась постольку, поскольку она была нужна для удовлетворения чувственности мужчины, для его удовольствия, для деторождения, для продолжения рода и для домашней работы.

Влияние византийской культуры, принесенной нам христианством, вместо возвышения женщины, еще более усилило ее подчиненное положение. Под этим влиянием утвердилось понятие о женщине как о существе греховном, нечистом и презираемом, которого нужно избегать, чтобы не впасть в искушение, держать в строгости и не давать воли. Христианское учение, бесконечно расширив человеку горизонт свободы, нанесло удар рабству, но не содействовало поднятию женщины на уровень развития мужчины, оставляя ей подчиненное место.

Апостол Павел говорит: «Не муж создан для жены, а жена для мужа», «Жена да не учит». И до сих пор архаическое «жена да боится мужа» проповедуется при исполнении таинства брака...

Водворение татарского ига, затормозившего надолго развитие общественной и политической жизни в России, отразилось самым неблагоприятным образом на положении русской женщины. Мусульманские воззрения на женщин как на низшие, пассивно подчиненные существа, мало отличающиеся от животных, не могли не проникнуть в строй русской жизни и не привести к признанию в женщине исключительно физической стороны. По господствовавшим азиатским понятиям женщину откармливали и покоили для сохранения в ней красоты тела, для чувственного наслаждения, требуя от нее рождения сыновей; дочери же ценились мало, число их должно было быть умеренное — лишь для продолжения потомства.

Результаты этих совокупных влияний: с одной стороны, взгляд на женщину как на греховное существо, с другой стороны — как на существо, служащее лишь для наслаждения мужчины, естественно должны были повести к удалению женщины из общества и к возбуждению презрения к ней. Всякий протест со стороны ее считался проявлением дьявольской силы, находящейся в каждой женщине и присущей ее индивидуальности.

Реальными формами, в которые вылились эти воззрения на женщину, обречшие ее на нравственное и духовное порабощение, явились терем и плетка Домостроя, которая учила повиноваться. Более ста лет держали русскую женщину в состоянии нравственного и умственного отупения, под замком, пока Петр Великий не положил конец затворничеству женщин, установив в 1718 г. ассамблеи и призвав женщин к участию в

общественной жизни.

Но, отворив терема, Петр не мог одним мановением руки уничтожить дух самодурства и деспотической тирании власти отцов и мужей над дочерьми и женами, не мог уничтожить общей невежественности, достигавшей изумительных размеров, не мог изменить грубости и дикой развращенности нравов.

В допетровское время громадное большинство женщин были безграмотны, только некоторые избранные единицы знакомы были со священным писанием и читали душеспасительные книги. Но изредка появлялись и среди них сильные и образованные по тому времени женщины, как, например, жена Бориса Годунова, Ксения, и его сестра Ирина, оказывавшие большое влияние на государственные дела.

Благодаря своей консервативности и стойкости убеждений, русские женщины XVII века играли немалую роль в истории раскола, проявляя поразительную энергию; так, приятельница Аввакума, богатая, знатная боярыня Морозова посвятила всю себя борьбе с Никоновским учением. Ее гнали, лишили имущества, заключили в тюрьму, подвергли пыткам, били плетью — она и умерла в заточении, оставаясь фанатично верной своим убеждениям. Такой же фанатичкой была и ее сестра. И таких сильных духом женщин было немало на Руси.

Еще более ярким примером энергии и самостоятельности является Софья, представляющая характерный исторический образ. Будучи образованной по тому времени (Софья училась у Симеона Полоцкого, знала иностранные языки), обладая красноречием, она свободно окружила себя мужчинами, властно подчинила себе стрельцов, поддерживая их традиции, и, овладев государственной властью, являлась как царь на суд и расправу, называя себя «самодержицей». Под ее главным влиянием вспыхнул стрелецкий бунт, чуть не отодвинувший надолго реформы Петра I. Софья-правительница представляется одной из выдающихся женщин, сбросившей с себя цепи и оковы окружающей жизни, но, к сожалению, все ее властные стремления были направлены только для достижения честолюбивых целей в борьбе с наступавшими реформами на заре новой жизни для женщины. Эти реформы ввел Петр, они подорвали родовое начало и патриархальную тиранию — он вывел женщину из терема и ввел ее в общественную жизнь. Девушка получила право выходить замуж по любви, по свободному выбору, а не по принуждению родителей, — это имело громадное значение; беременные женщины были освобождены от пыток, общее положение женщин улучшилось, их стали обучать грамоте и иностранным языкам (вместе с братьями), но умственное развитие их все еще оставалось в полном пренебрежении. Да и не могло быть иначе: вековое влияние темноты не могло сразу рассеяться — внутренний строй, окружающая невежественность и грубость нравов оставались те же.

Во время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, когда гуманные идеи европейской культуры стали проникать в наше общество, взгляды на женщину стали мягче, ее имущественное положение было улучшено, но проникшая вместе с культурой легкость нравов стала доходить до самого утонченного разврата. Русская женщина того времени, без развития, без образования, почувствовав некоторую свободу, могла проявить ее только в отношениях к мужчине, подчиняясь примеру французских нравов с той только разницей, что распущенность нравов у французов облекалась в утонченную форму, а у нас она проявлялась в безобразном, грубом виде. В первую половину царствования Екатерины II существовало всего только одно женское учебное заведение — Воспитательное общество благородных девиц, основанное ею как строгий интернат для обучения изящным искусствам, иностранным языкам и благородным манерам с целью изолировать детей от влияния грубой семьи и некультурного общества.

В это заведение попадали, конечно, немногие, да и просвещения получали мало.

Императрица Екатерина II, выдающаяся женщина, обладавшая государственным умом, находившаяся под влиянием философских идей Вольтера и Дидро, одушевленная просвещенными стремлениями, нападала на невежество современниц, осмеивая его в своих сатирах, но фактически для образования женщин ею сделано было мало; страстная в своих чувствах, увлекаясь государственными реформами, она предпочитала все мужское, и русские женщины мало приобрели во время царствования великой женщины.

Я не буду распространяться об Екатерине Великой, исторической личности, имевшей выдающийся ум и силу воли, совмещавшей в себе великие достоинства и все слабости нравов XVIII века и представлявшей исключительное явление в истории не только

России, но и Европы.

Ярой защитницей равноправия женщин в эпоху Екатерины II являлась ее сподвижница, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, прозванная Российской Минервой. Эта женщина представляется настолько замечательной, занимая выдающееся место среди русских деятельниц, что ее биографии следует уделить особое внимание. Она достигла в прошлом столетии¹ такого высокого положения, о котором сто лет позднее не могут и думать современные женщины.

Воспитанная на чтении Вольтера, Монтескье и других философов, она не подчинилась влиянию пошлой французской литературы того времени и, не отличаясь красивой наружностью, все стремления сосредоточила на приобретении знаний и на достижении славы. Честолюбивая и сильная, обладая обширным природным умом и солидным образованием, Дашкова заняла выдающееся место на политической арене, в атмосфере которой она с увлечением вращалась. Страстно преданная Екатерине II, она энергично помогала ей достигнуть престола, принимая значительное участие в заговоре, который обошелся без кровавых жертв, и заняла блестящее положение при дворе новой императрицы. Назначение Дашковой президентом академий наук и художеств было исключительным событием не только для России, но и для Европы. Как же воспользовалась своим высоким положением Дашкова? Она сумела объединить вокруг себя лучшие литературные силы, издавала журнал «Собеседник» (в числе сотрудников которого была и сама императрица), в котором, рядом с нападками на взяточничество, невежественность и с сатирами на многих вельмож, воскуривался фимиам самой «Фелице», издала сочинения Ломоносова и во многом преобразовала академию наук, которая при ней достигла блестящего расцвета. Дашкова открыто выступала в защиту прав женщин, но в то время восхваление способностей женщин было в моде, ввиду царствования женщины, и не встречало оппозиции, как сто лет спустя.

Но это блестящее положение Дашковой продолжалось не особенно долго: с одной стороны, властный характер и бестактность самой Дашковой относительно некоторых царедворцев, возбудившие мелочные дразги и наговоры, с другой — ревнивое чувство Екатерины к равной ей по уму женщине, которая вмешивалась в государственные дела и приписывала удачу заговора себе, повели к охлаждению, к распрям и в конце концов навлекли на «президента Российской Академии и кавалера» немилость «Фелицы», которая выбросила своего бывшего друга за борт. Оскорбленное самолюбие гордой женщины не позволило ей оставаться при дворе, она удалилась с надеждой на возвращение; но с воцарением императора Павла подверглась сильной неприязни, приведшей к полному отречению ее от всех должностей и изгнанию в деревню.

Хотя в наступившее затем царствование Александра I Дашкова и была опять призвана ко двору, но она уже была «старинной» и к новым веяниям не подошла. Последние годы Дашкова провела в полном одиночестве в деревне (она была в разладе со своей семьей), где она написала свои интересные мемуары.

На этой женщине можно видеть отражение всей современной ей эпохи с ее противоречиями и смешением понятий — крепостное право и проповедь гуманных философских идей, мудрый Наказ, составленный Екатериной, и ссылка Радищева в Сибирь, игра в любовь, фаворитизм, куртизанство и разумное правление. Она явилась одиноким светочем, вспыхнула и погасла, и не нашла себе последовательниц, не послужила примером для других — потому ли, что наступившая реакция при Павле оказала неблагоприятное влияние на всякую инициативу, или потому, что Дашкова была исключительной личностью, быстро поднявшеюся на недостижимую высоту и доказавшею, на что может быть способна высоко одаренная женщина. Сам факт, что государством и просвещением руководили женщины, составил в истории женского движения одно из блестящих доказательств справедливости требования равноправия. При таких условиях говорить о подчиненности женщин считалось немислимым. Со времен Екатерины II было предоставлено право женщинам занимать места воспитательниц и учительниц в женских учебных заведениях. Но контингент их был ограничен вследствие отсутствия подготовки. Где можно было тогда учиться? Императрица Мария Феодоровна явилась основательницей женских институтов в России. Обладая твердым характером, сильной волей и талантом, императрица Мария,

¹ В 1910 г. исполнилось сто лет со времени ее смерти (1743—1810).

ненавидя разврат предыдущей эпохи, направила все силы, чтобы создать из институтов рассадники добродетельных, чистых нравов патриоток для подготовки образованных матерей и гувернанток. Но вступление в жизнь, в семьи невежественных, жестоких рабовладельцев сотен девушек, воспитанных с идеалистическими стремлениями в строгих институтских стенах, сопровождалось мучительными разочарованиями, создавшими тип институтки-«жертвы», по выражению Гоголя — «голубки в черной стае воронов».

Институтское воспитание готовило чуждых действительной жизни барышень-невест; чувствительно-сентиментальные, начитавшиеся потихоньку Марлинского и французских романов, они под влиянием окружающей обстановки поневоле превращались в помещиц-деспотов, чиновниц-взяточниц или оставались непонятыми натурами, блуждавшими в заоблачных сферах.

Пушкин так характеризует женщин своего времени:

*По-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном.*

Тем не менее интерес к чтению постепенно возрастал, сначала в высших, а затем и в средних кругах, и влияние школы Карамзина и поэзии Жуковского вместе с институтским воспитанием вносили поэзию и романтизм, смягчавшие отношения полов. Громадное влияние на развитие и сознание свободы чувства оказала Жорж-Санд. Под ее влиянием пробудилось сознание о праве женщин свободно любить, свободно распоряжаться своей личностью, стремление приносить в жертву материальные блага высшим идеалам.

В начале XIX столетия женщины стали более интересоваться литературой, как отечественной, так и иностранной, и даже писать, несмотря на клички философок, педанток и синих чулков, семинаристок в шали, которыми их награждали.

Что русская женщина жила в то время больше сердцем и чувством самопожертвования, доказывает лучше всего исторический факт, когда жены декабристов, избалованные, богатые аристократки, пошли за мужьями в далекую Сибирь, перенесли все лишения: каторгу, поселение, унижения, поддерживая и спасая мужей от безумия или самоубийства... В общем женщина всюду играла роль безмолвной тени мужчины, считая своим долгом растворять свое «я» в личности любимого мужчины и жертвовать ему всем. Таковы героини: Татьяна Пушкина, Лиза Тургенева, Елена в «Накануне», долго служившие идеалами, пленявшими воображение целых поколений.

В 40—50-х годах, после темноты и придушенности мысли, когда прошли времена Аракчеева и Шишкова, наступило пробуждение общественного духа, которое не могло не отразиться и на русской женщине.

Идея освобождения крестьян, сознание позора рабовладения, постоянно захватывавшие лучшие умы, вносили освобождение и в жизнь женщины. Шаг за шагом отходили в вечность тирания над женами, розги и побои, торговля людьми, право первой ночи и другие ужасы крепостного права. Громадное влияние оказала литература. Под влиянием Искандера, Дружинина и в особенности Белинского в жизни русской женщины наступил умственный расцвет, сменивший жизнь исключительно сердцем. Белинский нанес страшный удар романтизму и был одним из первых учителей русских женщин, призывавший их к умственному развитию, к участию в сфере общественной деятельности и семейной жизни при равенстве прав и обязанностей с мужьями. Герцен пошел еще далее, явившись ярким партизаном равноправия женщин.

Эти писатели подготовили почву для 60-х годов, когда под влиянием светлых и смелых идей передовых учителей женщин — Добролюбова, Писарева, Михайлова и в особенности Чернышевского — русская женщина вступила на путь эмансипации.

Влияние освободительной эпохи, наплыв новых идей, призыв к новой жизни, падение крепостного права, изменившие экономические условия жизни, подняли дух женщины и повели ее к самостоятельному заработку и к исканию свободы. Но какие профессии были доступны в то время для женщины в России? Тяжелая, зависимая профессия гувернантки и узкая специальность акушерки... Переворот в экономических условиях

заставил женщину искать профессию, которая бы обеспечивала ее независимое существование, и для этого необходимы были знания и подготовка к труду.

Началась борьба с родителями и мужьями, ставившими препятствия на пути стремления женщин учиться, считавшими это стремление гибельным, вступлением в нигилистки и ступенью к разврату; но героинь, преодолевавших эти препятствия, становилось все больше и больше. Русские девушки вместо романов зачитывались Д. Стюартом Миллем, вместо заучивания стихов для писания в альбомы засели за математику и естественные науки.

Десятки молодых девушек того времени, чтобы вырваться из-под опеки семейного гнета, прибегали к компромиссу в форме фиктивного брака, получая от мужа тотчас после венчания отдельный вид на жительство, чтобы ехать учиться в заграничные университеты, за невозможностью доступа в отечественные. Но этот выход покупался иногда слишком дорогой ценой и приводил к печальным последствиям при неудачном выборе фиктивного мужа.

Во всяком движении бывают и отрицательные стороны — так и в женском движении 60-х годов, вместе с серьезным направлением, жадной самообразования, передовые женщины выражали протест старому строю тем, что усваивали мужские манеры, мужской костюм, что и навлекло название нигилистов, которым без разбора крестили всех женщин, стремившихся к образованию. Но это была мода, некоторый протест, внешнее наслоение из чувства подражания более развитому типу, которое скоро исчезло и сдано было в архив. Открытие женских гимназий (1-я Мариинская была основана в Петербурге в 1858 г.) как всесословных учреждений привлекло массу учениц (хотя вначале «привилегированные» родители сильно побаивались влияния «толпы»), которые по окончании курса стремились идти дальше. Но высшего образования не было для женщин. А жажда просвещения была так сильна, так охватила женскую молодежь, что никакие силы не могли ее уничтожить.

Образовывались кружки, группировавшие женщин, желающих учиться, собирались по всей России подписи для петиций о допущении женщин в университеты. В 1861—1862 гг. под давлением этого движения, Петербургский университет открыл свои двери для женщин, и даже предполагалось возбудить вопрос о допущении женщин во все университеты, но вопрос этот обошлись с наступившими студенческими беспорядками, и он погиб надолго — двери Петербургского университета скоро закрылись и стоят закрытыми для женщин и до сих пор. Первая женщина, явившаяся в Петербургский университет, была К.- И. Корсини, за ней последовали М. А. Богданова, А. П. Блюммер и Н. П. Сулова.

Одна из передовых женщин того времени Е. И. Конради, литератор-публицист, в 1867 г. внесла на 1-й съезд естествоиспытателей в Петербурге предложение о необходимости основания высших курсов для женщин. Съезд выразил сочувствие, но ходатайствовать перед правительством отказался.

Оставался один исход — частная инициатива. Объединенными усилиями выдающихся по энергии и преданности делу просвещенных женщин, М. В. Трубниковой, А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, неустанных борцов за женское образование, и некоторых профессоров университета были учреждены общеобразовательные курсы (Владимирские, Аларчинские и др.), которые привлекали массу слушательниц и послужили преддверием к открытию в 1878 г. Высших женских курсов в Петербурге как официального правительственного учреждения, в котором приняли участие все выдающиеся силы университета и куда сразу записалось 800 слушательниц.

Петербургские Высшие женские курсы, носившие название Бестужевских, по имени первого директора профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, не давали никаких прав, но удовлетворяли потребность в высшем образовании, чем и объясняется все увеличивавшийся контингент слушательниц. Многие из окончивших курсы посвятили себя научному труду и дали ряд серьезных исследований, большинство вступило на педагогическое поприще, многие отдались бескорыстной и тяжелой работе в звании сельских учительниц. В истории и деятельности этого первого женского университета принимали энергичное участие Н. В. Стасова, А. П. Философова, В. П. Тарновская и О. К. Нечаева². Но удовлетворить всех

² Желаящие подробно ознакомиться с историей возникновения Высших женских курсов в Петербурге могут прочесть очерк «Проздновение

эти курсы не могли, несмотря на их научное значение, тем более что они не давали медицинских знаний, к изучению которых обнаружилось особенное тяготение у женской молодежи. Поход в акушерки — единственной в то время доступной профессии для женщин — скоро прекратился вследствие отсутствия требуемых для этой специальности серьезных и общих знаний; двери медико-хирургической академии и университетов были закрыты; единственным выходом являлось учение за границей, где некоторые университеты Швейцарии (первый Цюрихский) предоставили не только свободный доступ для женщин, но и ученые степени. Первые русские, воспользовавшиеся этим правом, были Н. П. Сулова и М. А. Бокова, окончившие курс Цюрихского университета в 1867 году.

Пример этих пионерок вызвал сильное движение за границу для изучения медицины, русские проникли и в другие университеты (Берн, Кенигсберг, Гельсингфорс), но это были счастливые единицы, материально обеспеченные, для большинства же заграничные университеты представлялись мечтой, а отечественные под замком.

Единственное исключение было сделано для В. А. Кашеваровой (впоследствии Рудневой), которой по ходатайству ген.-губернатора Оренбургского края, стипендиаткой которого состояла В. А., разрешено было пройти курс медицинских наук в медико-хирургической академии. В. А. Кашеварова окончила курс в 1868 г. и в 1876 г. защитила диссертацию на доктора медицины. Это осталось исключением, и всем другим, желавшим воспользоваться этим примером, было отказано.

Между тем борьба за образование шла усиленным темпом, некоторые девушки сдавали экзамены за полный курс мужских гимназий, но никакие дипломы не двигали вперед вопроса. Однако усиленная эмиграция женской молодежи за границу, петиции женщин об открытии доступа в отечественные храмы науки, сочувствие профессоров образованию женщин обратили, наконец, внимание правительства и высшего медицинского мира. В 1872 г. были открыты при медико-хирургической академии в Петербурге, в виде опыта, Женские врачебные курсы (сначала под названием Курсы ученых акушерок), благодаря сочувствию бывшего военного министра Д. А. Милютина и начальника академии Н. И. Козлова. Средства для оборудования врачебных курсов — 50 000 руб. — пожертвовала ревнительница женского медицинского образования Л. А. Шанявская-Родственная.

Эти курсы составили эру в женском медицинском образовании и открыли путь к установлению равенства, — они были пробным камнем для испытания женских сил и сыграли большую роль в женском движении.

Много лишений, стеснений, ненужных строгостей выпало на долю первых слушательниц врачебных курсов, но желание учиться и получить права преодолевало все трения на этом пути.

В 1877 г. в России появились первые женщины-врачи *de facto*, но не *de jure*, потому что они не имели еще никаких прав; но, несмотря на бесправие, они тотчас начали свою деятельность в городских больницах, в земствах, в клиниках и в ученых лабораториях. К числу врачей первого выпуска принадлежат П. Н. Тарновская, А. Н. Шабанова, Р. А.

Павловская, Ю. И. Заволжская и др. Д-р П. Н. Тарновская не только принимала деятельное участие в открытии женских врачебных курсов, но и своими многочисленными трудами по антропологии приобрела известность в области научного мира. Половина выпускных слушательниц еще до окончания курса, по объявлению войны с Турцией, отправились на театр военных действий (В. Некрасова, Н. И. Драгневич, М. М. Мельникова и др.), где их самоотверженная деятельность и научная подготовка снискали себе должную оценку начальствующих лиц; другая половина выпускного курса осталась сдавать окончательные экзамены, которые были обставлены всевозможными затруднениями.

Женские врачебные курсы, состоявшие при военном министерстве, жили 10 лет, давая России ежегодно подготовленных врачей, но в 1881 г. были закрыты по распоряжению военного министра П. С. Ванновского. Министерство народного просвещения также отказало принять их в свое ведение, как и Министерство внутренних дел.

Опять началось движение, агитация, собирание средств, борьба с препятствиями за возобновление женского медицинского образования в России. В этой работе главное уча-

стие принимали женщины-врачи и бывшие профессора курсов. Вновь пришла на помощь делу семья Шанявских и много других сочувствующих лиц. На дело возобновления курсов откликнулась вся Россия, и за короткий период времени было собрано 700 000 руб. на эту цель.

Такое сочувствие русского общества делу женского врачебного образования, несмотря на противодействие сверху, находит свое объяснение в деятельности первых женщин-врачей. Пионеркам этого дела пришлось пробить твердую броню невежественности, предрассудков и недоброжелательности, чтобы доказать свою правоспособность. На войне, в земствах, в городах и в глухих деревнях женщина-врач работала наравне с мужчиной; она работала и на поприще науки, представив научные труды (Шабанова, Тарновская и др.), и на педагогическом поприще как преподавательница гигиены, и в качестве ассистентки при клиниках, и работала без прав и часто без всякого вознаграждения. Заслуги женщин-врачей были осознаны и правительством, признаны обществом, и земством, и народом, что и выразилось в единодушном протесте против решения военного министра закрыть женские врачебные курсы, состоявшие при военном министерстве. Опубликованное постановление было поколеблено, официальных поводов к отказу о возрождении курсов не находилось: с одной стороны, женщины-врачи доказали свою подготовку и заслужили общественное признание, с другой стороны, представлялось материальное обеспечение на устройство курсов. И после разных странствований «дела» по комиссиям, после кипы исписанных отношений, в 1897 г. был открыт Женский медицинский институт в Петербурге как государственное учреждение. И женщинам-врачам присуждены равные с мужчинами права на врачебную деятельность и на государственную службу (кроме прав по чиновному производству). Эта победа праздновалась всей культурной частью России, так горячо отозвавшейся на возрождение женского врачебного образования.

Я не буду перечислять всех существующих в настоящее время в России женских курсов, как медицинских, так и высших, — почти во всех больших центрах организованы или организуются эти рассадники образования для женщин, обязанные своим возникновением главным образом частной и общественной инициативе и влиянию женщин. Но, заканчивая очерк прошлого, не могу пропустить упоминания о нашей знаменитой ученой-математике Софье Ковалевской, имя которой известно в Европе, которая, не признанная в России, была избрана профессором Стокгольмского университета и прославила себя многими ценными научными трудами.

В последние годы в России начало развиваться профессиональное техническое образование женщин, появились сельскохозяйственные, политехнические, архитектурные женские курсы, и в настоящее время у нас насчитывается известное количество женщин агрономов, архитекторов, инженеров, и многие из них уже на практике применяют с успехом свои знания.

Одним из назревших вопросов является вопрос о допущении женщин к адвокатуре; женщина, добившаяся с большим трудом юридического образования, выдержавшая экзамен на доктора прав, как г-жи Подгурская, Баумштейн, Бубнова, Флейшиц и др., не допускается к адвокатуре. Почему? Только потому, что женщина не мужчина...

Первая в России женщина-юрист, окончившая курс в Лейпцигском университете в 1873 г. была А. М. Евреинова, посвятившая себя потом разработке научных вопросов.

Борьба русских женщин за образование, за знания, стремление к самосовершенствованию отняли много сил и времени и принесли результаты. Некоторые пути открыты, женщина может учиться и в некоторых областях прилагать к жизни свои знания. Поле ее деятельности и область приложения труда расширились. Но, достигнув частичной самостоятельности, добившись права учиться, русская женщина столкнулась с действительностью, поставившей ей преграды, и оказалась скованной нашим законодательством, лишаящим ее самых примитивных прав человека. Гражданские права женщины ограничены, политических прав она не имеет вовсе.

Выступив на арену общественной жизни, убедившись фактически в своем бесправии, в пониженной оценке своего труда, выросшая за последние годы русская женщина не могла не направить своих сил на борьбу с этими условиями и на отстаивание человеческих прав.

Так возникло так называемое политическое движение русских женщин, особенно ярко

выразившееся в последние годы, которые принесли с собой сильный подъем общественного самосознания. Борьба за образование сменилась борьбой за права.

Шедшие рядом с мужчиной в революционном движении женщины, как Перовская, Армфельд, Фигнер и многие другие, боролись за свободу; нелегальные, как и их товарищи мужчины, они сознавали себя равными с ними, равными в несправии, равными в совершении одной работы и равными при осуждении на каторгу или эшафот. В социалистических партиях, где требования ставились широко и требовались коренные социальные реформы, равноправие женщин признавалось само собой, как одна из потребностей.

Но большая часть женщин, работавшая в легальных сферах жизни, постоянно, на каждом шагу наталкивалась на заграждения, основанные на привилегии мужской личности над женской.

При подобных условиях естественно должна была возникнуть борьба за равноправие, борьба женщин за свои человеческие права — так называемое женское освободительное движение.

Это движение тесно связано с прогрессивными социальными вопросами нашего времени, и хотя результатов борьбы еще немного, но нельзя не признать, что в этом направлении русская женщина шагнула довольно далеко, приобщилась к общей культурной жизни и проявила свои силы в ней.

Сознание своего несправия, изолированности от общеполитической жизни страны, необходимости общими усилиями работать для достижения равноправия побудило женщин сплотиться и организоваться для общей деятельности. Такими организациями явились женские общества, союзы и женские клубы, которые были разрешены только в последние годы.

Первым и старейшим союзом женщин в России, сплотившим интеллигентных женщин, было Русское женское взаимоблагодарительное общество, разрешенное с большими затруднениями в 1895 г. Первые годы деятельности этого общества были посвящены объединению женщин, поддержке трудящихся, улучшению положения неимущих, самообразованию и культурным вопросам. По условиям того времени общество имело замкнутый характер и в свой клуб допускало только женщин. Но незаметно жизнь выдвинула и натолкнула общество на правовые, общие и политические вопросы, которые заняли скоро доминирующее место в его сфере деятельности.

В первую очередь были поставлены обществом требования освобождения женщин от паспортных стеснений, уравнения прав наследства, участия женщин в земском и городском самоуправлении, допущения в университеты и расширения области труда.

Общество обращалось и в административные учреждения, и в городские и земские самоуправления, и к ректорам университетов и собрало со всей России статистические сведения о службе и вольнонаемном труде женщин. Бюро по исследованию женского труда в России работало под председательством члена совета общества Е. В. Авилевой и собрало значительный материал по этому вопросу. Затем выдвинут был и вопрос об участии женщины в политической жизни страны.

В 1905 г. когда всю Россию охватило ожидание свободы, когда дух надежды окрылил все слои общества, председательница и одна из учредительниц Русского женского взаимоблагодарительного общества д-р А. Н. Шабанова внесла в общее собрание предложение, принятое единогласно, — возбудить ходатайство о привлечении женщин к участию в предстоящем «собрании уполномоченных» (земском соборе), по рескрипту от 18 февраля, в котором возвещалось «о привлечении достойнейших, доверием народа обличенных, избранных от населения людей».

Это первое в России требование для женщин равных политических прав с мужчинами было направлено советом общества в Комитет министров. Ответа не последовало, но его прочла вся Россия в опубликованном законе от 6 августа 1905 г., по смыслу которого женщины приравнивались к лицам несовершеннолетним, слабоумным и состоящим под судом. Это было *coup de fouet* для всех сознательных женщин. Совет женского общества по предложению А. Н. Шабановой решил сделать попытку объединить женщин России в петиции о даровании избирательных прав женщинам и петицию направить в создаваемую первую Государственную Думу. С этой целью были разсланы воззвания, призывавшие русских женщин к объединению и к отстаиванию своих прав.

Появился Высочайший манифест 17 октября 1905 г., распространявший права избрания

в Государственную Думу на те классы, которые были лишены этих прав. Ввиду этого совет женского общества обратился к графу Витте с запросом: причисляются ли и женщины к избирательным классам или половина населения России лишена прав голоса? Граф Витте отвечал, что при издании манифеста 17 октября вопрос о предоставлении женщинам избирательных прав не обсуждался. Тогда совет женского общества направил в Совет министров мотивированное ходатайство о необходимости распространить закон 17 октября и на женщин, но это обращение осталось без ответа. Итак, в силу законов 6 августа и 17 октября женщины были исключены из числа правоспособных граждан России, и все попытки официальных ходатайств остались без результата. Оставался один путь — обращение от имени русских женщин прямо в Государственную Думу. Этот путь был принят русским женским обществом, собравшим в три месяца более 5000 подписей под петицией следующего содержания:

**РУССКОЕ ЖЕНСКОЕ
ВЗАИМНОБЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО**

С.-ПЕТЕРБУРГ
Спасская, 18
3 мая 1906 г.

В Государственную Думу

В великий день открытия Государственной Думы, день, которого вся Россия ожидала с напряженным нетерпением, когда собрались первые избранники русского народа, среди них нет ни одной женщины и ни одного представителя, избранного непосредственно женщинами.

Правительственными актами от 6 августа, 17 октября и 11 декабря половина населения России лишена права голоса в общем для всех граждан деле, признана неспособной и отнесена к категории несовершеннолетних и бесправных существ.

Русское женское взаимноблаготворительное общество, неустанно служившее в течение 10 лет своего существования интересам женщин и поддержанное сочувствием нижеподписавшихся лиц, считает своей нравственной обязанностью во имя справедливости, во имя защиты человеческого достоинства женщины поставить на решение Государственной Думы вопрос о политическом равноправии женщин в России.

Русская женщина во всех областях труда и забот в деле развития и роста родины участвует наравне с мужчиной: в труде крестьянском, земледельческом, в работе фабричной, промышленной, на поприще науки, литературы и искусства, на службе в правительственных, общественных и частных учреждениях, в высоком служении врача и учительницы, в несении великих обязанностей воспитания будущих граждан. Она платит налоги и подати наравне с мужчиной и одинаково отвечает перед обязательным для всех граждан законом.

Являясь одинаковой плательщицей налогов, труженицей наравне с мужчиной, ответственной в одинаковой мере перед законом, женщина по справедливости должна иметь право на защиту своих интересов путем участия в законодательном собрании, решения которого так же близко касаются ее судьбы, как и мужчины.

К такому справедливому заключению пришли почти все возникшие за последнее время русские политические партии, внесшие в свои программы требования об избирательных правах «без различия пола».

К депутатам этих партий и ко всем представителям России в Государственной Думе обращаемся мы, русские женщины:

Избранники земли русской, вы призваны к великой созидательной работе на

пользу нашей родины, отнеситесь справедливо и беспристрастно к заявлению женщин, требующих уравниения прав, отзовитесь согласием на многочисленные голоса тех, кто твердо убежден в правоте своих требований, и, в числе реформ, обновляющих Россию, внесите обновление в жизнь женщин, признав за ними равные права для участия в служении родине.

*Председательница совета А. Шабанова
Секретарь Е. Чебышева-Дмитриева.*

Этот исторический документ — обращение женщин к представителям народа — был вручен председательницей совета женского общества А. Н. Шабановой и членами совета 3 мая 1906 г. в Государственной Думе депутатам Е. И. Кедрину и профессору Л. И. Петражицкому. Петиция эта послужила поводом к известной речи проф. Петражицкого 6 июня в Государственной Думе «Обоснования женского равноправия», в которой он настаивал, что интересы государства, общества и культуры требуют признания за женщиной избирательных прав. Много других речей было произнесено в этот день в Государственной Думе за и против предоставления женщинам избирательных прав, в числе защитников выступил даже представитель мусульман; в результате законопроект об уравниении прав женщин сдан был в комиссию и не увидел света, так как первая Дума скоро была распущена.

Но движение женщин в этом направлении не остановилось.

Русское женское общество обратилось ко всем существующим в России женским организациям и обществам и от имени этих объединенных корпораций, с присоединением 7000 подписей, обратилось во вторую Государственную Думу с коллективным заявлением о необходимости поставить вопрос об избирательных правах женщин на рассмотрение законодательного собрания.

Но и вторая Дума была распущена ранее, чем приступила к обсуждению этого вопроса...

Одновременно с деловой, хотя и горячей работой женского взаимоблаготворительного общества кипела работа и в только что народившемся юном Союзе равноправия женщин, возникшем в 1905 г., который вел также широкую агитацию, собирал съезды делегатов, издавал брошюры и всеми способами распространял идею равноправия. Но увлечение общей политической платформой того времени, смелые требования государственных реформ, все захватывавшая программа союза, отсутствие планомерности в организации, вместе с неблагоприятными внешними условиями, были причинами недолгого существования этого союза. Он распался, оставив по себе память увлекательного, горячего проблеска жизни, в котором женщины проявили массу энергии в защиту своих прав. Оглядываясь назад, на так называемый революционный период времени, нельзя не признать, что русская женщина обнаружила много энтузиазма в освободительном движении, как в активной, так и вспомогательной (партийной) деятельности. Она пошла и в ряды революционеров, участвовала в пропаганде, работала усердно в различных демократических партиях, посещала все митинги, председательствовала на них, участвовала в борьбе, жертвовала своей жизнью и шла в тюрьму, в ссылку и на эшафот наравне с мужчиной, горько сознавая, что только в минуты осуждения ей не отказывали в признании ее равноправия.

Общий подъем сил, страстное увлечение политическим движением не могли, понятно, не увлечь и не заразить женщину, но, когда прошло лихорадочное возбуждение и наступил подсчет, она должна была убедиться, что ее правовое положение ни на йоту не изменилось: гражданкой ее не признали и человеческих прав ей не присудили — она осталась по-прежнему у старого корыта, и рыбка золотая скрылась в глубинах синего моря. И в сознание русской женщины проникло настоящее стремление добиваться своих прав, добиваться самостоятельно, путем единения и организованной работы, как это давно уже сознано женщинами Запада.

Некоторые представительницы женского движения в России, побывав на международных женских конгрессах, ознакомились с серьезными и настойчивыми стремлениями своих заграничных сестер, вошли в сношения с ними и научились многому полезному.

Наступившая в России реакция после освободительного периода уничтожила массовое

оживление, стерла с лица некоторые организации, охладила порывы и энтузиазм, но не уничтожила идеи. Отдельные женские кружки продолжали свою работу. Открылось несколько новых женских обществ и клубов (в Киеве, Саратове, Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Тифлисе и др.), которые преследуют задачи равноправия.

В недавнее время образовалось в Петербурге общество под названием «Всероссийская лига равноправия» и Общество защиты прав женщин.

Уже в 1906 г. при Русском женском взаимоблаготворительном обществе в Петербурге образовался специальный отдел — отдел избирательных прав женщин, поставивший себе целью объединять женщин в завоевании прав. Кроме собраний отдела, на которых разбираются вопросы, относящиеся к жизни женщин, делаются сообщения о заграничных конгрессах и т. п., отделом, при содействии приглашенных членов третьей Государственной Думы, возбуждены для проведения в этом законодательном собрании заявления об уравнении наследственных прав, о раздельном жительстве супругов (оба вопроса возбуждаются вторично), об участии женщин в земском и городском самоуправлении и др. Заявления эти переданы в Государственную Думу. Обсуждался также вопрос, возникший по инициативе заслуженной ветеранки женского вопроса А. П. Философовой, об учреждении женского национального совета, который должен объединить все женские общества для участия в Международном союзе женщин.

Но главной заслугой отдела избирательных прав является, созыв 1-го Всероссийского женского съезда, который состоялся 10 декабря 1908 г. в Петербурге.

Мысль о созыве съезда деятельниц в России возникла еще в 1902 г. и принадлежит председательнице Русского женского взаимоблаготворительного общества д-ру А. Н. Шабановой. В личной аудиенции у б. министра внутренних дел В. К. Плеве она получила его принципиальное согласие на созыв женского съезда, который, после длительных и неустанных хлопот, был разрешен на 1 июня 1905 г., но перед самым съездом петербургским генерал-губернатором Треповым были поставлены организационной комиссии съезда такие стеснительные требования, которые заставили отложить это знаменательное событие в жизни русской женщины на неопределенное время. Последовавшие затем события поставили перед женщинами новые задачи, из них выдвинули главную — об избирательных правах, вследствие чего, когда отдел избирательных прав при женском обществе поднял вновь вопрос о созыве съезда, были увеличены и расширены как программа его, так и доступ желающих принять в нем участие.

1-й женский съезд в России поставил себе 2 главные задачи: содействовать объединению женщин в одном стремлении — завоевании прав и представить картину ее деятельности в сфере общественной, просветительно-научной и экономической.

Здесь не место касаться в подробностях картины и содержания съезда, они представлены в Трудах 1-го Всероссийского женского съезда, но нельзя не отметить, что этот первый опыт объединения женщин, привлечший с разных концов России более 1000 женщин, всколыхнул умы, внес возбуждение и привлек на себя внимание не только русского общества, но и заграничных культурных центров.

Русская женщина впервые получила возможность высказать все наболевшее, связанное с женской долей, и свободно обсудить в своей среде, что нужно сделать, чтобы снять с своих плеч вековое иго бесправия. Политические и гражданские права были главным лозунгом, под знаменем которого шли все доклады и прения на съезде. Большинство докладов (их было 150), затрагивавших самые разнообразные вопросы и больные места нашей общественной жизни, отличались серьезной подготовкой, идейным содержанием и большой жизненностью. Не только внутренняя сторона, но и внешняя картина этого кратковременного женского парламента, выразившаяся в отсутствии личных столкновений, в подчинении президиуму, в умении кратко высказываться, доказали на съезде полную подготовленность русской женщины к участию в представительных собраниях. Это впечатление не только вынесла публика, присутствовавшая на съезде, но подтвердила вся пресса. Деятельное участие в организации и ведении съезда принимали известная писательница О. А.

Шапир, заведывавшая редакционным бюро, и А. В. Тыркова.

Что касается резолюций съезда, то их было много, — мы приведем только общеполитическую, соответствовавшую желаниям и стремлениям большинства членов съезда. Эта резолюция следующего содержания:

«Работа 1-го русского женского съезда, посылно осветившая как политические и

гражданские запросы, так и экономические нужды современной русской женщины, привела съезд к глубокому убеждению, что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с остальными гражданами участии женщины не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны, доступ к которому окончательно откроется для женщины лишь при водворении демократического строя на основании всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности. Съезд ставит женщинам великою целью добывание этих прав как главного орудия для полного раскрепощения и освобождения женской личности.

Для практического осуществления поставленных перед нею задач женщина должна отдавать свою энергию как существующим уже общим организациям, так и созданию отдельных женских союзов, которые объединят и вовлекут широкие круги женщин в сознательную политику и общественную жизнь».

Съезд закончился провозглашением пожелания одной из участниц съезда об отмене смертной казни, пожеланием, которое было горячо приветствуемо присутствовавшими на последнем общем собрании съезда.

1-й Всероссийский женский съезд явился показателем настроения и подготовленности русской женщины к политической жизни. Она вошла в семью культурных женщин мира не в качестве отдельной личности, а в качестве общественной коллективной силы. Ее приветствовали как таковую все представительницы культурных стран Европы и Америки, и вся иностранная пресса следила с интересом за ходом этого нового для России выступления женщин на общественной арене.

Одним из больных вопросов, ставящих клеймо позора на все человечество, является проституция, жертвами которой выступают женщины. Борьба с этим злом, причины которого так сложны и разнообразны, не могла не войти в задачи женского движения.

Передовые представительницы этого движения горячо откликнулись на призыв Общества защиты женщин участвовать в организованном ими 1-м Всероссийском съезде по борьбе с торговлей женщинами и его причинами, состоявшемся в Петербурге 21 апреля 1910 г. Общество защиты женщин, существующее 10 лет, имеющее отделы во многих городах России, деятельно борется, под председательством Е. В. принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской, за улучшение положения одиноких женщин, могущих впасть в разврат, путем устройства общежитий, приисканием работы, расследованием и прочими благотворительными способами. В числе пожеланий и резолюций съезда по борьбе с торговлей женщинами достойна особого внимания резолюция, предложенная д-ром М. И. Покровской и принятая большинством, о необходимости отмены позорящего женское достоинство врачебно-полицейского надзора за проституцией, как не достигающего цели, а также резолюция, предложенная М. М. Боровитиным, — о закрытии публичных домов.

Главными и радикальными мерами борьбы с проституцией, причинами которой, кроме физиологических и психологических, являются экономические и социальные условия, могут служить: поднятие экономического положения и культурного уровня трудящихся женщин, охрана материнства, уравнивание заработка работниц с рабочими и устройство касс, обществ взаимопомощи и т. п. И пока не изменятся общие условия женского труда, пока заработок рабочей женщины будет стоять так же низко, проституция не перестанет привлекать своих жертв, предлагая заманчивое избавление от тяжелой жизни. Средством же добиться этого уравнивания может служить только достижение женщинами права голоса в выработке законов, права говорить о своих нуждах и возможность отстаивать справедливость своих требований. Так думают женщины, серьезно относящиеся к борьбе с проституцией, борьбе с социальным и экономическим злом, и в этом смысле они высказывались на съезде.

В последнее время русские женщины приняли активное участие в борьбе и с другим общественным злом, не менее грозным по своим последствиям, — с алкоголизмом. Кроме участия в смешанных обществах, борющихся с этим пагубным эксцессом, кружок женщин во главе с Е. А. Чебышевой-Дмитриевой образовал специальное общество для борьбы с алкоголизмом женщин и детей. Общество только начинает свою деятельность, результаты которой выяснятся в будущем.

Мой очерк не был бы закончен, если бы я не упомянула о работе женщин как благотворительниц.

Но эта единственная сфера, в которой женщине открыты все пути и в которой она гостеприимно принята, так широка, и русская женщина проявила в ней такое деятельное участие, что для этого потребовалась бы отдельная и обширная статья.

Благотворительность составляет для женщины и потребность, и возможность отдать свои незанятые силы и взамен получить известное нравственное удовлетворение.

Рядом с беззаветным и самоотверженным служением этому делу, в виде частной благотворительности, в форме забот и о женщинах, и о детях, и о больных и увечных, и о всех нуждающихся в помощи, женщина русская откликнулась и на все общественные бедствия: шла кормить голодных во время бедствия голода, вступала в ряды сестер милосердия во время войны, работала в качестве врача и фельдшерицы в борьбе с эпидемиями и горячо отдавала свои силы, где могла, на просвещение темного народа. Наши сельские учительницы, в ряды которых шли и идут по призванию женщины даже с высшим образованием, научили читать русский народ и заслужили столь почетную репутацию, работая в стеснительных и тяжелых условиях, получая грошовое вознаграждение, что их можно и следует признать идейными и самоотверженными просветительницами народа.

Городские первоначальные школы находятся почти исключительно в ведении женщин, которые, посвящая себя этой профессии, должны отказаться от радостей семейной жизни. По постановлению Петербургской городской Думы городские учительницы не имеют права выходить замуж. Против этого жестокого и бесосновательного постановления поднимали голос многие женские организации, но эти протесты остались без результата, и учительницы городских школ по-прежнему осуждены на безбрачие.

Много на Руси тружениц, которые незаметно содействуют женскому движению, работая на различных поприщах и прокладывая дорогу другим, но есть и громкие имена, особенно выделившиеся своей деятельностью на том или другом поприще. Нельзя не упомянуть о недавно умершей княжне Марии Михайловне Дондуковой-Корсаковой, которая всю свою жизнь посвятила облегчению нравственных страданий узников, страждущих в тюрьмах. Желание княжны проникнуть для этой цели в

Шлиссельбургскую крепость встретило со стороны властей отказ, и лишь после ее усиленной просьбы — заключить ее в крепость, ей разрешили навещать во всякое время заключенных, которым она доставляла радостные минуты своим чистым, истинно-религиозным духом и полным самоотречением. Ею же была основана в Псковской губернии община сестер милосердия из крестьянских женщин для облегчения борьбы с сифилитическими заболеваниями среди сельского населения.

В рядах замечательных русских женщин последнего времени, в течение 40 лет посвятившая себя изучению русской истории и напечатывшая много ценных трудов по исследованию общины, обычного права и положения женщины в крестьянской среде, преподавательница высших женских курсов в Петербурге А. Я. Ефименко, первая женщина в России, удостоенная звания доктора истории *honoris causa*. Это событие праздновалось торжественно 28 октября 1910 г. как слушательницами А. Я. Ефименко, так и всеми сочувствующими культурному и научному движению женщин.

Одним из вопросов, особенно горячо затронувших внимание и возбудивших сильное сочувствие русских женщин всех сословий, был вопрос о разоружении, о водворении международного мира. Когда в 1899 г. по инициативе Его И. В. Государя Императора Николая II приступлено было к созыву 1-ой Гаагской мирной конференции, кружок женщин в Петербурге образовал под председательством А. Н. Шабановой комитет лиги мира, который собрал под выработанной им резолюцией около 50 000 сочувствующих подписей, обменялся приветствиями с представительницами всех заграничных лиг мира и устроил 18 мая (в день открытия Гаагской конференции) грандиозную манифестацию в пользу мира в зале Петербургской городской Думы. Резолюция русских женщин была отправлена комитетом в Гаагу.

Это было первое объединение русских женщин с женщинами всех стран и первая попытка объединить женщин всех классов России одним общим лозунгом: «долгой оружие».

В числе подписей под резолюцией было очень много принадлежавших крестьянкам. Женская Русская лига мира выступала еще раз с обращением к королеве Виктории, во время войны с бурами, но затем была закрыта по официальным причинам.

Единодушное сочувствие, проявленное женщинами идее водворения мира, наводит на мысль, что, когда женщины добьются права голоса в законодательном собрании, одним из действительных требований, одним из настоятельных вопросов, который они поставят на очередь, будет вопрос о прекращении ужасов войны, о замене ее мирным арбитражем. Заканчивая краткий обзор деятельности русских женщин и женского движения, нельзя не признать, что количество выдающихся женщин увеличивается с каждым годом, но большинство женщин в массе относится еще довольно равнодушно к требованиям идущих впереди, к требованиям торжества справедливости.

Какие же главные препятствия предстоит преодолеть и какими путями следует идти, чтобы достигнуть идеала стремлений женщин — равноправия?

В числе препятствий одним из главных являются сами женщины, из которых одни, счастливые и благополучные, глухи к интересам их обездоленных сестер; запертые в клетке эгоистических интересов, они довольствуются этим положением и с насмешкой относятся к так называемой политике женского вопроса; другие — не сознательные, несущие молча и терпеливо ярмо своего подчинения и не думающие о протесте и освобождении; третьи — вполне индифферентные ко всем общественным вопросам, и, наконец, существуют и убежденные противницы женского равноправия.

Пробудить самосознание у таких женщин, привить им интерес к общей великой цели и приобщить их к женскому движению — в этом состоит одна из задач идейных женских организаций.

Вторым препятствием, тормозящим женское движение, является так называемый сильный пол. Не те просвещенные мужчины, друзья женщин, которые, веря в их силы и способности, идут с ними рядом в борьбе против ограничения прав одного пола перед другим и ратуют открыто за женщин, но то громадное большинство, которое признает женщину за низшее существо, не способное подняться до высоты служения общечеловеческим интересам.

Для того чтобы признать в женщине человека, равного себе, одни мужчины требуют от нее героических подвигов, другие — исполнения воинской повинности, третьи прикрывают свое отрицательное отношение галантными фразами, что женщины и без прав управляют мужчинами, четвертые относятся к этому вопросу с иронией и даже цинизмом.

В основе всех этих взглядов лежит предубеждение, ложное «мужское» самолюбие и предвзятое игнорирование фактов.

Среди женщин не мало было и есть борцов за общечеловеческие идеалы, женщина несет повинность деторождения, более тяжелую, чем воинская, а свой героизм русская женщина доказала, жертвуя своей жизнью за идею и самоотверженно отдавая свои силы общественным бедствиям, как война, голод, эпидемии...

Средством для борьбы с воззрениями мужчин может служить подготовка юношества путем воспитания в подрастающих поколениях сознания равенства всех людей, реформы семьи, а также неустанной борьбы с укоренившимися предвзятыми «мужскими» взглядами в процессе организованной серьезной работы.

На одном из международных женских конгрессов я была свидетельницей, как почтенные немцы, читая в газетах речи своих жен, выражали сильное изумление, они и не подозревали, что их жены такие умные.

В связи с отношением мужчин к так называемому женскому вопросу стоит наше законодательство, созданное ими. Наши русские законы лишают женщину даже в отводимой ей специальной области — семье — самых примитивных прав человека: права на свободное передвижение, права на труд, подчиняя ее всецело воле мужа. Такое же отношение нашего устаревшего законодательства проявляется и в наследственном праве, все преимущества которого предоставлены мужчине; вопросы брачного сожителства, о праве на развод, о принадлежности детей всей тяжестью обрушиваются на женщину. В правах гражданских она ограничена, политических она не имеет вовсе. Но, говорят женщины, требующие справедливости: если женщина русская не имеет голоса ни в местном самоуправлении, ни в политической жизни страны, если она не может избирать сама лиц, которым доверяет, лишена права обсуждения вопроса о войне, на которую она отдает своих детей, если заработок ее ценится ниже, чем мужчины, почему же ее обязывают платить те же налоги и подати, которые платит он, почему она

подвергается тем же наказаниям, взысканиям и карам, как обладающий правами гражданин?.. Равные обязанности должны сопровождаться равными правами, но этот нравственный принцип не применяется к женщине, на ней лежат только обязанности. Основной принцип общего учения о социальной справедливости состоит в том, что нормы права должны быть одинаковы для всех людей; отступления от этого принципа допускаются лишь тогда, когда это требуется во имя общего блага. Возможно ли допустить, что бесправное положение женщин вызывает нарушение этого принципа в интересах всего социального организма?

Женщины, добившиеся с большим трудом высшего образования, выдержавшие экзамен на доктора прав, получившие звание приват-доцента, к практической деятельности по их специальности не допускаются, как это доказывают недавние случаи с г-жами Данчаковой и Флейшиц.

Единственным средством для того, чтобы женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни, может служить организованное женское движение, объединение в стремлении к получению избирательных прав. Концентрация сил на одном стремлении является важным фактором каждого идейного и практического движения.

Только неумолкаемым, настойчивым напоминанием, постоянным требованием самого главного, а именно избирательных прав, можно добиться частичных уступок, на которых нельзя успокаиваться, следует продолжать работу дальше. Этот принцип должен быть в основе цели. Средством же для ее достижения может служить объединение сил в форме организации женских обществ, клубов, союзов, отделов, имеющих сношения между собой, на обязанности которых должно лежать — следить за успехами женского движения как за границей, так и в России и пользоваться удобными моментами для возвышения голоса в административных и общественных сферах. Связующим цементом всех однородных организаций в борьбе за права могут быть съезды, устраиваемые по мере возможности для этой цели.

Одни прекрасные слова не подвинут дела вперед, это может сделать только последовательная, основанная на ясном сознании работа, одухотворенная чистыми целями достижения справедливости если не в настоящем, то в будущем.

Но не следует закрывать глаза на величайшую трудность всякой работы, если она осложняется партийными разногласиями, которые разъединяют силы, но не объединяют их.

Принесенные нам с запада разделения на «феминисток», «буржуазных женщин» и «пролетарок» уже оказали свое вредное влияние на единство женского движения в России, обнаружившееся отчасти и на 1-ом Всероссийском женском съезде.

Как ни различны по своему положению представительницы этих наименований, но цели равноправия должны бы быть общими для всех женщин, каких бы убеждений они ни держались, к каким бы классам ни принадлежали: по идее женское движение не может быть ни буржуазным, ни пролетарским, оно — как свобода — необходимо для всех поработанных — и вокруг этой идеи должны были бы сгруппироваться все жаждущие освобождения. Женщины не должны повторять ошибок мужчин, но, наученные опытом «старших», проводить реформы не в исключительно партийном духе, а путем общепартийного соглашения. Борьба за право голоса, как орудие защиты прав женщины, должна рассматриваться не с точки зрения классового или партийного интереса, но как средство освобождения половины человечества.

Несправедлив упрек, часто раздающийся по адресу женщин, борющихся за равноправие, что их объединение ведет к обособленности от мужчин и что избирательные права составляют конечную цель их стремлений...

Обособленность женщин есть явление вынужденное, временное, вызванное условиями того особого положения, в которое поставлены женщины их бесправием; получение избирательных прав не составляет конечной цели, а послужит средством для участия на равных правах в общей культурной работе страны на пользу человечества.

Для того чтобы русские женщины пользовались одинаковыми условиями для участия в общественной жизни, все ограничения в гражданских и политических правах должны быть уничтожены, женщине должен быть открыт свободный доступ ко всем профессиям, к высшему образованию, и труд ее должен цениться по одной норме с мужским.

На это отвечают: женщины не подготовлены к участию в политической жизни страны.

Но кто же производил экзамен на их подготовленность? И разве все мужчины подготовлены?

Тем не менее в соседней нам Финляндии, где каждая женщина обладает избирательным правом и где дана возможность проявить самостоятельность женщине, число избираемых в сейм депутатов увеличивается с каждой сессией, и жалоб на их неподготовленность к политической деятельности не слышно.

В России вопрос о правах женщин представляется одним из печальных вопросов. Даже в минуты сильнейшего подъема духа, когда возбуждались самые живые и смелые вопросы, вопрос о правах женщин откладывался — его считали осложненным и несвоевременным. «Несвоевременность» осталась и может быть вечной, если сами женщины не вступят на путь широкой, организованной и солидарной работы, которая заключает в самой себе залог своего успеха.

Попытки в этом направлении уже сделаны, и первым шагом на этом сознательном пути явился 1-й Всероссийский женский съезд, девизом которого служило: «равные обязанности и равные права» и который дал могучий толчок женскому движению в России. Съезд оставил наследие — выполнение тех начертаний, которые он вынес в виде резолюций, как результат совместной работы. И эти постановления служат в настоящее время канвой для разработки вопросов, самых насущных в жизни женщины. К ним относятся в первую очередь: уравнение в правах наследства женщин с мужчинами, право раздельного жительства супругов, допущение женщин в университеты на равных правах с мужчинами, участие женщин в городском и земском самоуправлении.

Отдел избирательных прав при Русском женском взаимоблаготворительном обществе в Петербурге выработал законопроекты по двум первым вопросам, которые передал в Государственную Думу; общество кавказских женщин возбудило назревший вопрос об участии женщин в местном самоуправлении; женская прогрессивная партия присоединила свое ходатайство о допущении женщин во все университеты.

Как решатся эти вопросы в законодательном собрании при настоящем его составе и в наше неблагоприятное для всякой инициативы время — трудно предугадать, но женщина русская преодолела уже столько препятствий в своей борьбе за право учиться, за право жить человеческой жизнью, что раз начатое дело не может остановиться и разгоревшееся пламя трудно потушить.

Тяжкими, героическими усилиями отвоевала себе русская женщина некоторые права на самостоятельный труд и на право образования, и она не может остановиться на полпути и будет отвоевывать все то, что ей принадлежит как человеку.

Идея женского освобождения пустила уже глубокие корни в нашу почву, и хотя предстоит преодолеть еще громадные затруднения, но вера в грядущую победу придает борющимся так много крепости духа, что ее не могут сломить никакие внешние неудачи. На место одних, выбывающих с позиции, явятся другие, которые с тем же энтузиазмом будут продолжать дело своих предшественниц, начертав на своем знамени: «достижение или вечная борьба».

Послесловие

Много агитационного движения было проявлено со стороны Всероссийской лиги равноправия женщин и Отдела избирательных прав при женском обществе, когда в Государственной Думе обсуждался вопрос о реформе волостного земства, по поводу той части законопроекта, в которой шло дело о предоставлении женщинам права быть избираемыми не только в гласные, но и в должностные лица; в результате вопрос об избрании в гласные земства был решен в Государственной Думе в положительном смысле, за исключением допущения к занятию должностей. В какую форму выльется этот закон в Государственном Совете — трудно предсказать, но, по опыту предыдущих законопроектов, особых надежд на благоприятное решение возлагать нельзя.

Не меньшую агитацию со стороны женских организаций, действовавших самостоятельно, но одновременно, вызвал вопрос о допущении женщин к адвокатуре. Агитация велась широко и горячо: устраивались собрания с участием членов Государственной Думы, профессоров и женщин-юристок, произносились речи, направлялись обращения к фракциям и отдельным членам Думы с целью доказать справедливость требования женщин, получивших высшее юридическое образование, на

допущение их к практической деятельности. Государственная Дума в лице громадного большинства оправдала надежды женщин и решила в порядке спешности этот вопрос в благоприятном смысле, но его ждет еще санкция Государственного Совета, и ожидания решения этого важного в принципиальном отношении вопроса сильно волнуют не только контингент молодых юристок, но и всех сознательных женщин.

Из области законодательной сферы нужно упомянуть о благоприятном для женщин законе, разрешающем получение ими ученых степеней (магистра или доктора) по выдержании экзамена университетского курса и дающем право быть учительницами в средних школах, а также об уравнении женщин с мужчинами по службе в Академии наук. Вот те прерогативы, которых добилась русская женщина за последнее время.

На очереди стоит вопрос об участии женщин в городском и земском самоуправлении, вопрос не раз уже возникавший и беспокоивший правительственные сферы и наши законодательные учреждения. Частная законодательная инициатива Государственной Думы в лице демократических представителей высказалась за этот вопрос принципиально, поставив земские выборы на основах всеобщего избирательного права без различия пола и национальности. Но это мнение отдельных групп, как выражение благих стремлений, не могло повлиять на законодательство. С практической стороны интересен проект партии октябристов, признающий за женщинами, имеющими определенный ценз, активные права — выбирать гласных, но отказывающий в пассивных — быть избираемыми в гласные.

Это противоречие удивляет своей непоследовательностью: женщина может сама подавать голос за своего избранника, но чтобы быть избранной, она оказывается неподходящей. Почему? Вопрос неразрешим. Но, быть может, это только первый шаг, и жизнь потребует дальнейших более решительных шагов, когда будет проводиться этот вопрос в законодательном порядке. И женские организационные силы должны выступить против традиционных устоев седой старины и доказать необходимость привлечения женщин к культурной работе страны, которая так бедна культурными силами, и напомнить, что женщины, платя те же налоги и подати, подвергаясь тем же взысканиям, должны иметь и те же права, как мужчины.

О. А. Хасбулатова

ПРОБЛЕМЫ РАВНОПРАВИА ПОЛОВ В ТРУДАХ В. М. ХВОСТОВА (НАЧАЛО XX ВЕКА)

Профессору Московского университета Вениамину Михайловичу Хвостову принадлежит приоритет в постановке целого ряда исторических, правоведческих, культурологических проблем, связанных с повышением социального статуса женщин и становлением женского движения в России. Являясь преподавателем Высших женских курсов, ученый не только оказал существенное влияние на идейные убеждения лидеров женских организаций начала XX века, но и создал ряд фундаментальных трудов по женскому вопросу [1, 2, 3].

В отличие от приверженцев консервативно-патриархальной системы взглядов, признававших правомерной второстепенную роль женщин в обществе, В. М. Хвостов придерживался в данном вопросе либеральной позиции. Одной из центральных идей его трудов явилось обоснование права женщин на самоопределение, самореализацию, на равные права с мужчинами во всех сферах жизни общества.

В труде «Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу» ученый высказал не утерявшую своего значения мысль об отсутствии социальных условий для личностной самореализации женщин. Он писал: «Опыт приобретается вообще только практикой; не предоставляя женщинам доступа к этой практике, нельзя ожидать, что

они приобретут опыт, необходимый для разумного ее осуществления» [2, с. 27]. Основой взглядов В. М. Хвостова на женский вопрос стала мысль о том, что современная цивилизация в известной мере однобока. Она опирается на «мужские» ценности, считая их априори верными и подходящими для всего человечества. По мнению ученого, формулировка объективных норм и принципов морали всегда составляла дело мужчин, которые формулировали объективное содержание культуры главным образом применительно к воззрениям и вкусам своего пола и уже добытые результаты применяли к женщинам. Именно эта культура стала считаться общечеловеческой нормой. Определяя содержание женского вопроса, В. М. Хвостов отмечал: «Женский вопрос есть, конечно, по самому своему существу вопрос социальный. Речь идет о том, какое положение должна занимать женщина в обществе, соответствует ли положение, подносящееся в идеале, тому, которое сложилось в действительности, и если не соответствует, то какими причинами вызвано это несоответствие и какими средствами оно может быть устранено» [1, с. 235].

Из всех вопросов, связанных с перестройкой общественной жизни в России начала XX века, ученый считал женский вопрос «чуть ли не самым острым, важным и широким», поскольку им определялось «социальное положение целой половины человеческого рода» [1, с. 364]. По его мнению, вопрос политического устройства в значительной степени зависел от того, «в какой мере женщины будут допущены к участию в политической жизни; государственный строй лишь в том случае может быть квалифицирован как истинная демократия, если в нем женщины будут принимать столь же широкое участие, как мужчины. Вопрос социально-экономический также в значительной степени включает в себя проблемы женского профессионального труда и не может быть вполне разрешен иначе, как в связи с решением женского вопроса» [там же].

Поставив себе цель выявить истинные причины низкого статуса женщины в современном обществе, ученый опровергал характерные для того времени мифы о биологических предпосылках общественного неравенства полов, подвергал критике теории биодетерминизма и его авторов Мишле, Ницше, Шопенгауэра, Вейнингера [1, с. 371—373].

Оценивая российское законодательство начала XX века, В. М. Хвостов писал, что оно «определяло женщину как существо слабое, которое нуждается в особой защите, как существо не вполне разумное, нуждающееся во внешнем авторитете, существо порочное, которое надо поставить в определенные границы» [1, с. 383]. Он ввел понятие «женщина как недоразвившийся мужчина» («женщина как дополнение мужчине», «женщина как половой придаток мужчине») [там же], подчеркивая тем самым, что гендерное неравенство имело не биологическую, а социально сконструированную основу. В работах В. М. Хвостова содержится подробная характеристика законов, затрагивающих интересы женщин. Данной проблеме посвящен раздел в книге «Женщина и человеческое достоинство» [1, с. 228—383]. Констатируя ограниченные возможности женщин в получении образования и профессии, отсутствие гражданских и политических прав, высокий уровень эксплуатации женского фабричного труда, подчиненное положение в семье, ученый делает вывод, что «законодатели не смотрели на женщину как на существо, равноценное мужчине» [1, с. 383]. Среди мер, которые могли бы повысить социальный статус женщин, выдвигались такие, как предоставление женщинам права участвовать в политической жизни; реформирование женского образования «в духе большей подготовки к профессиям» [1, с. 390]; признание общественно значимыми функций материнства и воспитания детей; создание юридической базы для того, чтобы семья была союзом, «основанным на взаимопомощи входящих в него лиц, а не на властной опеке» [1, с. 472]; устранение системы полоролевого воспитания детей в семье и школе.

Научный интерес представляют методологические подходы В. М. Хвостова к разработке стратегии государственной политики по женскому вопросу. «Речь идет вовсе не о том, что между мужчиной и женщиной нет существенных различий и что роли обоих полов в социальной жизни должны быть тождественны, — отмечал ученый. — Речь идет о том, справедливы ли существующие ограничения женских прав, ставящие женщину в стесненное и подчиненное положение. Справедливы ли те нормы права, которые не дают женщине возможности свободно развивать все свои индивидуальные задатки и занимать в обществе то положение, которое она могла бы завоевать себе своими личными силами? Сторонники женского движения добиваются для женщины равных условий с мужчиной в социальной

деятельности. Для этого должны быть уничтожены специфические ограничения в гражданских и политических правах женщин, должен быть открыт путь женщине к полному образованию и ко всем профессиям» [2, с. 16—17].

На наш взгляд, не утратила актуальности аргументация, введенная В. М. Хвостовым в научный оборот с целью доказать, что женщина способна принимать полноценное участие во всех сферах социальной жизни [2, с. 21—34]. По его мнению, с психологической точки зрения она более вынослива и адаптивна, чем мужчина, более нравственна, имеет равные с мужчинами интеллектуальные способности. «Если среди женщин меньше гениев, — писал Хвостов, — то меньше и идиотов» [2, с. 24]. Причина, по которой женщины отсутствовали в политической, управленческой, научной элитах, заключается в том, что женщины «стояли в условиях, мало способных к появлению гениальных натур» [там же], поскольку «до сих пор вся культура, по преимуществу, создавалась мужскими руками» [2, с. 33]. Кроме того, далеко не все женщины имеют семью, поэтому их вклад в управленческую деятельность мог бы быть значительно шире. Та же часть женщин, которая имеет малолетних детей, также должна включаться в общественную жизнь, поскольку «мало социальная мать не может быть хорошей женой и матерью» [там же].

Принципиальными для формирования концепции женского движения явились взгляды В. М. Хвостова на сущность женского достоинства и процесс саморазвития женской личности. Ученый отмечал, что при рассмотрении женского вопроса «немыслимо игнорировать точку зрения свободы гражданина и личного достоинства каждого члена государства. <...> Именно пробуждение в женщине чувства своей личности и появление у нее стремления добиться признания своего человеческого достоинства в полной мере и является тем обстоятельством, которое придает особую остроту женскому движению и выдвигает его на первое место среди многих других вопросов современности» [1, с. 371]. «В понятии человеческого достоинства, — писал В. М. Хвостов, — по моему глубокому убеждению, лежит окончательное решение женского вопроса, как, в конце концов, и всех социальных вопросов» [1, с. 496].

Смысл понятия «человеческое достоинство» в трактовке Хвостова приближался к современному пониманию прав человека. «Человеческое достоинство» не было новым понятием в начале XX столетия. Новым было его применение в отношении женщины как полноценной личности: «Личность, сознающая свою ценность и представляющая нравственную самоцель, есть создание не природы, а культуры. А с этой точки зрения такой личностью-самоцелью является совершенно одинаково как мужчина, так и женщина. <...> ...Каждый человек, будь то мужчина или женщина, представляет из себя самостоятельную нравственную личность и каждое существо нуждается в свободе для того, чтобы самостоятельно служить нравственным идеалам» [1, с. 494].

Важнейшим условием раскрепощения личности В. М. Хвостов считал реформирование государственного строя с целью демократизации политического режима. В своем труде «Женщина и человеческое достоинство» он отмечал, что воззрениям времени «уже не соответствует тип полицейского государства, которое бы во всех отношениях опекало граждан и не оставляло места для их самоопределения» [1, с. 380]. «При рассмотрении женского вопроса, — писал В. М. Хвостов, — нельзя игнорировать точку зрения свободы гражданина и личного достоинства каждого члена общества. <...> Государство больше выиграет, чем больше разнообразия обнаружится в свойствах, силах и способностях граждан. Чем разнообразнее граждане, тем полнее, оживленнее будет деятельность государства» [1, с. 381]. Таким образом, выявлялась взаимообусловленность процессов широкого участия женщин в общественной жизни и перехода к истинной демократии. В качестве одного из основных прав выдвигалось право на самоопределение личности во всех сферах жизни общества.

В отличие от идеологов решения женского вопроса советского периода В. М. Хвостов рассматривал предоставление женщине равных прав с мужчиной не как регламентацию обязательного выполнения ею производственной, репродуктивной, общественной и семейной ролей. По его мнению, женщина, получившая «свободу, образование и доверие к своим силам и творчеству» [1, с. 485], вправе выбирать сферу приложения сил по своему усмотрению: государственное и общественное управление, образование,

социальная сфера, сфера производства или семья и материнство.

Ученый замечал: «Какими внешними делами будет заниматься женщина, получившая свободу, будет ли она по-прежнему преимущественно матерью и женой, потребительницей, а не производительницей абстрактной культуры, или же она займет еще какое-нибудь место в культурной жизни человечества, это уже вопрос второстепенный. Важно то, что она станет свободной нравственной личностью и без внешних препятствий будет пролагать свой путь к нравственному совершенству» [1, с. 495]. При этом он отдавал себе отчет в том, что в силу сложившихся полоролевых стереотипов, а также конкуренции на рынке труда женщины увидят в мужчинах «не друзей, готовых прийти им на помощь, но врагов и конкурентов, от которых им трудно ожидать правильной защиты их интересов» [1, с. 379].

В этой связи В. М. Хвостов признавал за женщинами право объединяться для защиты своих интересов в полном объеме. Рассматривая женское движение как часть освободительного движения России, он писал: «Русские женщины, если они хотят чего-нибудь достигнуть, должны организовать и стараться выработать в себе свойства, необходимые для общественной деятельности. Пока этого не будет, едва ли можно говорить о женском движении в России» [2, с. 90].

В своих произведениях, посвященных женскому вопросу и путям его решения, ученый подчеркивал, что целью самоорганизации женщин должны стать преодоление сложившегося в обществе и властных структурах представления о «природной неполноценности женщин» [1, с. 497], «уничтожение всех тех стеснений, которыми в настоящее время опутана женская личность» [1, с. 502]. То есть изначально, разрабатывая концепцию женского движения, В. М. Хвостов полагал, что оно должно быть оппозиционным, направленным на преодоление препятствий и ограничений, затрудняющих достижение поставленной цели. Данная концепция получила развитие в социальной практике российского женского движения начала XX века.

Анализируя эффективность деятельности женских организаций в борьбе за равноправие, ученый осознавал наличие классового антагонизма между либерально-демократическими и пролетарскими женскими союзами. Однако как представитель либерального течения он придерживался мнения, что «сознательная политика обострения классовой вражды» затрудняет достижение целей и данный антагонизм может быть временно преодолен «на почве интересов момента: требований политической равноправности с мужчинами и равного образования». При этом «буржуазные женщины должны были включить в требования ограждение условий труда работниц» [2, с. 48].

Определяя социальную ценность женского движения, В. М. Хвостов писал: «Я не придаю женскому движению значение восстания женщин против своего пола и свойственных ему от природы качеств. Смысл женского движения, как мне кажется, состоит в том, что женщина, сохраняя свою женственность, хочет стать свободной и самоопределяющейся человеческой личностью» [1, с. 497].

Ученый был глубоко убежден, что дело освобождения женщин от патриархальных оков в решающей степени зависело от их инициативы, уровня самосознания и призывал женщину «восстать против себя самой или, точнее, против тех недостатков, которые были ей привиты прежним ее несвободным положением» [1, с. 495]. Есть основания считать, что взгляды В. М. Хвостова о необходимости самоорганизации женщин с целью участия в общественной жизни и борьбы за свои права, которые содержались в его трудах и высказывались в ходе лекций на Высших женских курсах, стимулировали женскую общественную инициативу в начале XX века.

Выдающийся ученый и гражданин, В. М. Хвостов был глубоко убежден, что демократическое развитие общества невозможно без участия в этом процессе одного из полов. Он вошел в историю отечественной гуманитарной науки как ученый, который призывал женщин активно участвовать в «обновлении и укреплении духовной жизни всего человечества» [1, с. 497], в создании новой демократической культуры.

Завершая свою книгу «Женщина и человеческое достоинство», В. М. Хвостов писал: «...я счастлив сознанием, что мне привелось послужить движению, которое, в общем, я считаю одним из самых важных и ценных факторов человеческой истории» [там же]. Можно с уверенностью констатировать, что в течение всего XX столетия в России не было написано более фундаментальных с точки зрения методологии и охвата проблемы трудов по вопросу женского равноправия. Эти работы сохранили идеологическое и методологическое значение для современных гендерных исследований.

В. М. Хвостову принадлежит приоритет в постановке целого ряда исторических, правоведческих, культурологических проблем, связанных с повышением социального статуса женщин, развитием женского движения в России, разработкой концепции прав человека, а также возможности гармоничного использования мужского и женского потенциала в развитии цивилизации. По существу, он явился основателем нового направления в отечественной социологии — социологии пола.

Библиографический список

1. *Хвостов В. М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос.* М., 1914.
2. *Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу.* М., 1905.
3. *Хвостов В. М. I. Психология женщин; II. О равноправии женщин.* М., 1911.

С. Г. Айвазова

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЖЕНСКИЙ СЪЕЗД: ДИСКУССИЯ О РАВНОПРАВии

В 2008 году российское женское движение отмечает столетие Первого Всероссийского женского съезда. Этот съезд, состоявшийся в декабре 1908 года, был воспринят современниками как заметное событие в общественной жизни страны. Он собрал более тысячи участниц — делегатов от различных женских организаций, объединений, групп, от женских фракций в политических партиях. Среди приглашенных были члены Государственной думы, представители общественности и средств массовой информации. Его трибуна стала тем местом, где отечественная феминистская мысль впервые открыто заявила о себе во всем многообразии подходов, оценок, определений, — ведь вплоть до 1905 года Россия оставалась абсолютной монархией и феминистская критика формировалась здесь, можно сказать, в подполье. В ту пору в России шли интенсивные поиски подходов как к проблематике власти, так и к проблемам женского равноправия. В стране разворачивался медленный и трудный процесс модернизации, предполагавший в интенции радикальное преобразование отношений власти, в том числе ее разделение, а также перераспределение полномочий между государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами. В последние десятилетия на другом витке своей истории Россия вновь столкнулась со схожими вопросами и все еще не нашла на них убедительных ответов. Поэтому, мне кажется, имеет смысл разобраться в том, как изначально складывалась российская феминистская традиция. Такой возврат к истокам дает возможность точнее понять, что такое отечественное женское движение, в чем его сила и слабость. Естественно, что в качестве основного источника здесь будут использованы «Труды Первого Всероссийского женского съезда» [1, с. 151—313]. Это самый полный и репрезентативный документ по истории и теории российского феминизма дореволюционной эпохи. В дискуссии, которая развернулась на съезде, приняли участие все: и те, кто был занят благотворительностью или просвещением, и те, кто отстаивал право женщин на труд и социальную защиту, а также те, кто формулировал самые крайние лозунги гражданского и политического равноправия женщин. Предметом нашего анализа станет только та часть этой обширной дискуссии, в которой шла речь о природе власти, о характере социальных отношений между женщинами и мужчинами, а также о том, каким образом надлежит включать проблематику прав женщин в общий

контекст социальных преобразований в России.

Хорошо известно, что признание прав женщин в качестве неотъемлемой составной части прав человека происходило в несколько этапов. В странах Запада женщины впервые заявили о своих претензиях на роль полноценных гражданок в ходе буржуазных революций, которые можно назвать еще и революциями права, правосознания. Затем, в ходе промышленных революций, женщины в массовом порядке оказались втянутыми в общественное производство, что придало дополнительную весомость требованиям равноправия. Позднее наступило время культурных революций, изменивших отношение к репродуктивным обязанностям женщин, взгляды на любовь, рождение детей, семейную жизнь. Сегодня в разных странах дело обстоит по-разному, но женщины достигли определенной степени свободы и равноправия. Где-то существует прекрасно развитое законодательство о гендерном равноправии. Где-то женщины пробивались на вершины политического Олимпа. Где-то они добились таких социальных условий, которые позволяют им успешно совмещать карьеру и материнские обязанности, и т. д. Во всех случаях залогом побед в сфере равноправия была настойчивость и целеустремленность пионеров женского движения, объединявшихся для усиления своих позиций в группы и организации.

С этой точки зрения женское движение можно рассматривать как своего рода корпорацию, способную заявить об особых женских интересах и последовательно добиваться их реализации. А еще — как корпорацию, способную вопреки всему отстаивать свои собственные цели и задачи и в некоторых случаях даже проявлять определенный групповой «эгоизм», шокировать общество крайними лозунгами типа «войны полов» или крайними формами выступлений в виде штурма парламента или потасовок в нем. Этот своего рода корпоративный настрой оказался достаточно эффективным. В числе прочего он во многом спровоцировал тот переворот во взглядах на природу власти, который вызревал на протяжении всего XX века. В теории социального развития власть перестает рассматриваться как явление макроуровневого порядка или как надстройка над базисными отношениями. Современный подход к отношениям власти предполагает макро- и микроуровни анализа. Он принимает во внимание всю совокупность отношений между людьми — от государственной системы до семьи и повседневных связей человека. При таком подходе становится очевидным, что тот или иной тип или характер гендерного взаимодействия как некая матрица предопределяет и характер государственной власти. Так, традиционные гендерные отношения, выстроенные по принципу иерархии, подчинения одного пола другому, являются своего рода фундаментом авторитарных режимов, будь то власть вождя племени, абсолютного монарха или диктатора, «отца народов». Напротив, установка на партнерство женщин и мужчин обеспечивает устойчивую основу для современной демократии участия. Новый взгляд на проблематику власти утвердился в конце XX века во многом под воздействием массовых движений социального протеста. Его признание было по-своему обеспечено, в частности, теоретическими находками феминистской мысли начала этого века, в том числе и нашей отечественной, которая таким образом вносила свой вклад как в общую теорию социального развития, так и в идеологию гендерного равноправия.

Вместе с тем можно с полным основанием утверждать, что российский феминизм отличался «лица необщим выражением». Особенности развития страны, ее уклад и, в частности, сама выстроенность российского социума как «социума власти», в котором на протяжении всей истории государство фактически подминает под себя общество и действует как моно субъект политики, наложили свой отпечаток на отечественную феминистскую критику, обусловили своеобразие российского феминизма. Дело прежде всего в том, что довольно долго это государство отказывалось воспринимать импульсы к обновлению, шедшие из недр общества. Оно насильственно сдерживало утверждение буржуазно-демократических порядков, подавляло гражданские инициативы, препятствовало становлению самостоятельных, независимых индивидов, в том числе и женщин. Поэтому в идеологии отечественного феминизма сильнее, чем где бы то ни было, акцентировалась тема не столько собственно женского равноправия, сколько равноправия вообще всех людей перед законом, освобождения личности из-под репрессивной власти государства (а фактически рода),

автономизации, отделения индивида от родового начала. И в связи с этим — тема перехода от авторитаризма (абсолютной монархии) к современному правовому государству, к демократии.

Иначе говоря, нерешенность общих социальных задач, а точнее, задачи демократического переустройства страны поставила российский феминизм в более тесную зависимость от развития политического процесса в целом. Российских феминисток первого призыва, естественно, не могла не волновать тема неравноценного, иерархически выстроенного первичного разделения труда между полами. Но еще больше их занимала проблема перехода от авторитарного к демократическому строю, которую они тем или иным образом старались увязать с темой равноправия. И вот здесь-то как раз и возникла серьезная теоретическая и тактико-стратегическая проблема. Можно сказать, что в России идея борьбы за «общее» дело стала довлеть над внешне «частными» вопросами прав женщин. И в конечном счете на определенном витке истории поглотила эту проблематику.

* * *

Импульсом для развития дискуссии стало выступление на открытии съезда депутата первой Государственной думы, профессора права *Льва Иосифовича Петражицкого*, который имел к тому времени репутацию едва ли не самого рьяного поборника равенства прав женщин в российском парламенте. Л. И. Петражицкий посвятил свою речь проблеме исторического развития права и в этом контексте — правовому положению женщин [1, с. 176—178].

Для Петражицкого очевидно, что история права начинается с утверждения «абсолютной власти» или «грозного и строгого режима» главы патриархальной семьи, по выражению Петражицкого, «домовладыки», над всеми домочадцами — женой, сыновьями, внуками и т. д. Отцу семейства принадлежало право всевозможных наказаний членов семьи, включая право смертной казни. Петражицкий давал очень характерное для правоведа либеральной ориентации объяснение такого порядка вещей. Он доказывал, что предельная зависимость женщины от мужчины была составной частью общественного порядка, который покоился на «применении неограниченной карательной власти», а вовсе не на «естественном разделении труда» между полами, как до сих пор принято считать. Насилие мужчины над женщиной, главы семьи над ее членами, начальника над подчиненными для Л. И. Петражицкого суть звенья одной цепи. По его убеждению, естественным дополнением древнего режима грозной дисциплины и абсолютной покорности является безгласность и бесправие подвластных, ограничение или отсутствие их публичной правоспособности. И это относится не только к женщинам, но и к другим «подвластным». Решают общественные дела по традиционному праву «только старейшины — домовладыки». Иное положение подрывало бы авторитет «владыки», «подкапывало бы покорность и сознание своего ничтожества на стороне подвластных». Однако, как подчеркивал Петражицкий, в истории действует общий закон развития права. Этот закон заключается в том, что «по мере социализации и вообще улучшения человеческого характера» «степени подчинения и грозности режима» ослабляются. Сначала признается излишним и устраняется право смертной казни. Затем постепенно смягчаются и устраняются наиболее грозные из наказаний, включая телесные, право лишения свободы в виде продажи в рабство или заключения в темницу. Исключается пожизненность таких кар, допускается только «урочное» лишение свободы, причем сроки постепенно уменьшаются, и т. п. Затем идет процесс постепенного освобождения разных категорий домочадцев из-под власти и опеки «домовладыки». Общий закон развития права предполагает также и постепенный рост публичной правоспособности, в частности права участвовать в народных собраниях, права исполнять судебские и иные функции со стороны подвластных или бывших прежде подвластными, в том числе и женщин. Ведь развитие права, цивилизация естественным образом «делают социально лишней... дисциплинарную власть мужа над женой». Лишаются всякого смысла и прочие ограничения прав женщин, которые представляют собой «пережитки, держащиеся силой инерции и подлежащие быстрому устранению. Это лишние тормозы экономического и

инного плодотворного развития и общественного воспитания».

Л. И. Петражицкого с полным основанием можно зачислить в число провозвестников современной гендерной теории, которая рассматривает отношения мужчин и женщин не как некую природную данность, не как «естественные отношения», но как отношения социальные. Задолго до возникновения последней он формулирует ее ключевые постулаты: о социальной обусловленности мужского доминирования; о том, что мужской авторитет держится не на согласовании или договоре, а на самых жестких формах насилия; наконец, о том, что иерархически выстроенные социальные отношения мужчин и женщин образуют некую матрицу вообще всей системы отношений власти, которые принимают вследствие этого форму господства-подчинения. Как сторонник либеральной демократии и прогресса, Л. И. Петражицкий уверен в том, что, будучи социально заданной, эта система властных отношений эволюционирует в сторону «смягчения нравов». Постепенно общественный прогресс подводит человечество к идее о необходимости предоставления женщинам всей полноты прав человека. Подчеркнем, что для Л. И. Петражицкого не существует дилеммы: сначала — демократизация общества, потом — обеспечение прав женщин. Он увязывает эти процессы воедино.

Известная феминистка *Софья Калитратовна Исполатова*, по-своему развивая идею социальной заданности отношений между мужчинами и женщинами, в своем выступлении на съезде прямо определяет систему мужской власти, господства мужского авторитета как «патриархат» [1, с. 197—204]. Она согласна с Л. И. Петражицким в том, что мужской авторитет изначально покоится «на грубой силе». С. К. Исполатова также убеждена, что «началом всеобщего рабства было порабощение женщины».

С. К. Исполатова идет дальше и доказывает, что помимо грубой силы патриархат использует себе во благо еще и законы, науку, искусство, изобретения. Она считает, что законы патриархатного общества — это «плод деятельности большого властью мужчины». Не случайно все они имеют «запретительный характер» и направлены «на ограничение женщин в правах». На этом основании С. К. Исполатова определяет патриархат как «односторонний общественный строй», который не удовлетворяет не только подчиненных, но и господ. Последние, по ее словам, «неустанно дрожат за свою власть и вечно должны были заботиться, чтобы ими созданные учреждения в достаточной мере охранили их от рабов. Господа оказываются рабами своего господства, ибо как господство, так и рабство не что иное, как две разновидности одной и той же болезни».

В этой связи С. К. Исполатова подчеркивает: «Свободен может быть только тот, кто не господин и не раб; а так как во всю известную нам историческую эпоху одни властвовали, другие подчинялись, то, очевидно, никто не был свободен. Да и откуда могли взяться свободные личности, если все они рождались от матери-рабыни? Рабский источник может производить только рабов, и, чтобы очистить человечество от всеобщего рабства, необходимо начать с очищения самого источника». И поскольку началом всеобщего рабства было порабощение женщин, то началом всеобщего равенства обязательно должно быть освобождение женщины. Движение в сторону свободы и равенства всех людей перед законом, иначе говоря движение к демократии, по ее мнению, невозможно без активного участия женщин в этом процессе.

Серьезной преградой на этом пути, по убеждению С. К. Исполатовой, становится «самосознание женщины», сформированное стереотипами и традициями патриархатного общества: «Мужские законы и вытекающий из них всех общественный строй наложили на нее целую сеть запрещений. От пеленок до могилы она непрерывно находится в среде, враждебной ее стремлению к самостоятельности. Ей с детства внушают веру в превосходство мальчика над девочкой, мужчины над женщиной; она слышит, что мужественность — это достоинство, женственность же — это что-то неопределенное, слабое, ограниченное, узкое».

С. К. Исполатова очень ярко описывает воздействие традиционных представлений о должном «мужском» и должном «женском» как на общественное мнение, так и на повседневное поведение мужчин и женщин. И демонстрирует замечательный образец анализа мужского доминирования, основанного на триаде «пол — дискурс — власть». По ее мнению, например, значение таких слов, как «ум», «логика», всегда определялось «с чисто мужской точки зрения»: «Мужской ум, мужская логика — понятия

положительные, слова “женский ум”, “женская логика” — употребляются разве только в насмешку». И далее: «Во всей истории, вплоть до наших дней, под словами “человек”, “человеческие права” понимается мужчина, мужские права, а слово “всеобщее” относится только к мужчинам; зато слово “падшая” относится исключительно только к женщине. Падших мужчин не бывает».

Но самым удивительным, на ее взгляд, является значение слов «узкое» и «широкое». С. К. Исполатова обращает внимание на то, что «мужчины всех направлений в своих законопроектах требуют прав только для себя. Женщинам, по мнению одних, совсем не нужны права, по мнению других — давать им их еще “не время”. “Они получают их потом, когда настанет всеобщая свобода”... а пока только нам. Это широко. Когда же женщина прибавляет: также и нам — это узко. Итак: только мы — требование всечеловеческое, гуманное, широкое, также и мы — требование эгоистическое, узкое. Вот до каких курьезов можно дойти, если руководиться не общечеловеческой, а только мужской логикой». Эту аргументацию С. К. Исполатовой и сегодня можно использовать в теоретических и общественных дискуссиях. Российские законодатели или представители исполнительной власти буквально в тех же выражениях реагируют, например, на требования женских организаций закрепить норму гендерного представительства в избирательном законодательстве.

В своей речи С. К. Исполатова поднимала еще одну трудную и по-прежнему актуальную проблему — проблему обретения полноценной женской идентичности, или, как она определяла, полноценного женского «самосознания» в условиях господства мужской культуры. Вот как она говорила об этом: «“Вы рассуждаете чисто по-женски”, — утверждают мужчины, а за ними повторяют и “мужественные” женщины. И женщина, задетая этими оскорбительными словами, спешит поскорее сбросить с себя все женское, как что-то позорное, чтобы приобрести мужской ум и мужскую логику. В бессмысленном подражании мужчине она топчет в грязь свою духовную, творческую силу, свою волю, свою душу. Для определения своих природных свойств она пользуется мужской меркой, ибо собственная мерка не выработана. Она смотрит на себя мужскими глазами, а мысль ее — и та подчинена мужской цензуре».

Преодоление традиционных стереотипов и норм поведения, развитие «самостоятельной инициативы» женщин всех классов, их «индивидуального творчества» являются, с точки зрения С. К. Исполатовой, залогом радикального переворота во всех областях общественной жизни. Этот переворот «коснется самого корня жизни, а не ее внешних форм» и будет заключаться в том, что женщины обретут те же гражданские права, что и мужчины, и «своей самостоятельной деятельностью» «приведут оба пола в равновесие». В заключение С. К. Исполатова особо выделяла следующий тезис: «Борьба женщины за свои права и за свою свободу — это борьба за счастье обоих полов».

С. К. Исполатова принадлежала к числу тех российских феминисток, которые называли себя «равноправками» и последовательно добивались распространения на женщин всей полноты гражданских прав, в чем они видели залог истинной демократии. Однако совершенно очевидно, что в ее речи вольно или невольно возникает лейтмотив совпадения/разведения интересов «общего» и «частного», когда под «частным» подразумеваются права женщин, а под «общим» — российская демократия и ее судьба.

По мере развития дискуссии на съезде этот лейтмотив усиливался. Понятно, что отчетливее всего он звучал не в речах лидеров и активисток крупнейших женских организаций, а в выступлениях представительниц различных политических партий. И фактически разводил позиции тех и других, предвещая неминуемый раскол движения за права женщин. Сравним с этой точки зрения выступления А. Шабановой — председательницы съезда, лидера очень влиятельного в ту пору «Русского женского взаимно-благотворительного общества» с выступлениями А. Тырковой — члена ЦК партии конституционалистов-демократов (кадетов), С. Тюрберт — известного правоведа и убежденной сторонницы так называемого критического социализма и А. Коллонтай — знаменитой представительницы «пролетарского» подхода к решению женского вопроса. Анна Николаевна Шабанова, как и С. К. Исполатова, принадлежала к числу тех, кто был убежден в самостоятельной ценности вопроса о женском равноправии [1, с. 171—176].

Она последовательно доказывала, что ни о каком «царстве свободы и справедливости» не может быть и речи, пока женщины не обладают всей полнотой гражданских прав, и акцентировала внимание участников съезда на том обстоятельстве, что до тех пор, пока равноправие остается сюжетом «второго сорта», в стране не будет действительно серьезных перемен. А. Н. Шабанова, в частности, говорила: «В России вопрос о правах женщин представляется одним из печальных вопросов. Даже в минуты сильнейшего подъема духа, когда возбуждались самые животрепещущие и смелые вопросы, вопрос о правах женщин откладывался, он считался несвоевременным... “Несвоевременность” осталась и будет вечная, если сами женщины не возьмутся за организационную работу для достижения равноправия».

Отстаивая свою точку зрения, А. Н. Шабанова апеллировала к учению о социальной справедливости и утверждала, что его основной принцип «состоит в том, что нормы права должны быть одинаковы для всех людей», а значит — одинаковы для мужчин и женщин. «Справедливость требует, — заявляла А. Н. Шабанова, — чтобы женщины пользовались одинаковыми условиями для участия в общественной жизни». Что необходимо для этого? А. Н. Шабанова перечисляла: следует устранить ограничения для женщин в гражданских и политических правах, женщинам должен быть открыт свободный доступ ко всем профессиям, к высшему образованию, и труд их должен цениться по одной норме с мужским. Что препятствует утверждению норм равноправия? Стереотипы общественного сознания, в частности убежденность большинства в том, что женщины не подготовлены к участию в политической жизни страны. А. Н. Шабанова справедливо замечала: «Если женщина не имеет голоса ни в местном самоуправлении, ни в политической жизни страны, если она не может сама избирать лиц, которым доверяет, лишена права обсуждения в вопросе о войне, на которую отдает своих детей, заработок ее ценится ниже, почему же она обязана платить те же налоги и подати, как мужчина, почему же она подвергается тем же наказаниям, взысканиям и карам, как обладающий правами гражданин... Равные обязанности должны сопровождаться равными правами... но этот нравственный принцип не применяется к женщине, на ней лежат только обязанности».

А. Н. Шабанова не предлагала общих рецептов общественного переустройства. Она верила в то, что «единственным средством для того, чтобы женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни, должно служить организованное женское движение... объединение сил в форме женских обществ, клубов, союзов, специальных отделов, имеющих сношения между собой, на обязанности которых должно лежать следить за женским движением, как за границей, так и в России, и пользоваться удобными моментами для возвышения голоса в общественных и административных сферах». Иными словами, речь шла о повседневной кропотливой работе женских организаций во всех сферах жизни общества.

А. Н. Шабанова подчеркивала, что эту деятельность всерьез осложняют «партийные разногласия», разъединяющие сторонниц равноправия. Она видела в этих разногласиях едва ли не самую большую угрозу для женского движения. Она убежденно заявляла: «...цели равноправия должны быть общие для всех женщин, каких бы политических убеждений они ни держались, какую бы веру ни исповедовали, к каким бы классам ни принадлежали: женское движение не должно быть ни буржуазным, ни пролетарским — оно однодейно для всех женщин... подобно тому, как все клетки и ткани организма, производя различную работу, служат для выполнения одной жизненной задачи его, так и стремления женщин различных слоев и партий должны служить одной цели».

Понимая вместе с тем, насколько ее позиция последовательной защитницы женских прав в стране, где этих прав пока толком не имел никто, представляется сомнительной в глазах общественного мнения, А. Н. Шабанова вынужденно оправдывалась и заявляла: «Я не могу обойти молчанием того упрека, который часто раздается по адресу женщин, борющихся за равноправие, что объединение их ведет к обособленности от мужчин и что избирательные права составляют конечную цель их стремлений... Нет, обособленность женщин есть явление вынужденное, временное, вызванное условиями того особого положения, в которое поставлены женщины, — их бесправия, и получение избирательных прав есть не конечная цель, а средство для участия на равных правах в

общей культурной работе страны на пользу человечества». Очевидно, что для А. Н. Шабановой первоочередной целью являлось достижение равноправия, «общее» же дело она рассматривала как следствие, результат, возникающий от совместной деятельности множества культурных работников.

В выступлении *Ариадны Владимировны Тырковой* [1, с. 178—180] акценты в постановке задач меняются, правда, не слишком явно. Ведь она тоже доказывала, что «русская женщина, двигая дело своего освобождения, в то же время помогает и всему освобождению России, потому что освобождение женщины есть не только ее личное движение вперед, но оно накладывает печать на всю жизнь страны: только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь». Основные трудности на этом пути А. В. Тыркова также видела в гражданском бесправии русских женщин, в их полной оторванности от политической жизни. Особенно отчетливо это бесправие обнаружилось, по ее словам, после того громадного сдвига, который произошел 17 октября 1905 года, когда Николай II даровал Высочайшим Манифестом толику прав и свобод своим подданным. Но женщины гражданских прав не получили и, как говорила А. В. Тыркова, «оказались отброшенными от тех законодательных норм, которые обуславливают все наши интересы, которые вырабатывают те условия жизни, в которых должны существовать мы, наши дети, которые должны охранять и обеспечивать наши интересы».

А. В. Тыркова особенно настаивала на том, что женщины должны активно пользоваться не только правом избирать других, но и правом быть избранными в законодательную власть. В своем выступлении она предложила три аргумента в пользу этого требования. Первый — это необходимость артикулировать социальные интересы женщин и детей. А. В. Тыркова была убеждена в том, что мужчины-законодатели не могут в полной мере справиться с данной задачей. По ее словам, они даже «могут сочувствовать нам, но многого не в состоянии переживать и, следовательно, не в состоянии многого представить себе... То положение, в котором находятся работницы, брошенные на фабрике, особенно резко указывает на нашу полную невозможность отстоять себя. Те слабые несовершенные условия охранения труда детей, охранения интересов материнства, охранения беременных женщин показывают, что здесь голос женщины слаб».

Второй аргумент, который использовала А. В. Тыркова, заключался в том, что женщины-парламентарии способны изменить общее направление политики. Она доказывала, что «в общих законодательных предприятиях, если бы женщины могли давать свой голос, многого не могло бы произойти. Каждый из нас уверен, что парламент, избранный на таком праве, в котором женщина принимает участие, никогда не дал бы такого большинства, которое имелось при вопросе о смертной казни... При женском участии такой парламент невозможен». И, наконец, третий ее аргумент сводился к тому, что «весь строй жизни при участии всего населения неизбежно изменится». Для А. В. Тырковой бесспорно, что русские женщины представляют собой громадный социальный капитал, способный всерьез повлиять на судьбу страны. Однако эта общественная сила еще не проявила себя, не стала «сознательной». По ее мнению, этот процесс следует ускорить, ибо только тогда, когда женщина скажет: «Я хочу быть свободным человеком, и я хочу им стать», — в России возникнет свободная жизнь.

О необходимости подчинить движение за права женщин общим задачам борьбы за демократию гораздо более откровенно говорила *Софья Тюрберт*. Ее выступление на тему «Женский вопрос и политический строй» [1, с. 181—196] стало одним из самых заметных явлений на съезде. Оно вызвало оживленную дискуссию, встретив понимание у значительной части участниц съезда. Поэтому остановимся на нем подробнее.

С. Тюрберт сосредоточила свой анализ на предпосылках вызревания ценностей прав человека, включая права женщин. Она рассматривала его в духе либеральной теории права, которую пыталась применить к российской действительности. Сильнее всего ее занимал вопрос о том, как связаны между собой правовые нормы и массовое сознание: заставляет ли «зрелость массового сознания» принять определенные нормы права, которые оформляют ожидания масс, или сама юридическая норма формирует определенный тип гражданского поведения. Понятно, откуда возник этот вопрос. Как и

сегодня, на рубеже XIX—XX вв. российская общественность спорила по поводу способности России перейти от монархического, абсолютистского уклада к демократическому порядку. Кто-то уверял, что установление либеральных законов и норм чуть ли не автоматически обеспечит утверждение демократии. Кто-то доказывал, что традиционный уклад законами не победить, что для утверждения демократии нужны радикальные перемены в массовом сознании, которые не происходят в одночасье.

С. Тюрберт не разделяла позиций ни тех, ни других. По ее убеждению, «народное правосознание» и «действующий правовой порядок» находятся в непрерывном взаимодействии. Политические формы черпают свое содержание внутри «народного правосознания» и развиваются вместе с ним. Но, будучи однажды установленными, эти формы становятся самостоятельной силой, определяющей и направляющей «массовое правосознание».

Буржуазные революции, считала Тюрберт, поставили проблематику права во главу угла политической жизни тех стран, где они успешно совершились. «Упрочение конституционных начал» послужило «пробуждению политически отсталого человеческого сознания». В результате общественная жизнь этих свободных стран резко переменялась и стала являть собой «картину поразительно пестрой и широкой мобилизации до сих пор политически инертных слоев населения», которые превратились из обывателей в «сознательных и действенных граждан». Эти перемены привели, в свою очередь, к ускоренному развитию новых форм политической жизни общества.

Совершенствование правового сознания граждан сопровождается развитием у них «чувства социальности». Таким образом, происходит коренное переустройство всей системы отношений власти, которые превращаются из субъект-объектных отношений в отношения субъект-субъектные, из «власти над кем-то» во «власть для чего-то».

С. Тюрберт объясняла этот радикальный переворот следующим образом: «Когда верховенствующей в государстве силой взамен личной воли монарха становится безличная воля закона, когда человек перестает быть объектом несдерживаемого в правовых границах правительственного воздействия, когда прежнее неравное отношение сторон власти и подданного, покоившееся на принципе подчинения одной из них и личного усмотрения другой, превращается в правоотношение, построенное на началах взаимности обязанностей и прав, вчерашний подданный обращается в гражданина». Как говорила С. Тюрберт, «доступная всеобщей свободной критике власть становится гражданину понятнее и ближе». А государственная цель, которая отныне не сливается «с понятием о личной цели монарха» и определяется «совокупной деятельностью граждан», перестает быть им чуждой. Отчуждению обывателя от власти приходит конец, и этот обыватель превращается в гражданина. В атмосфере свободного обмена мнений и социального общения естественно вызревает массовое политическое мировоззрение всех без исключения членов общества, включая женщин. Обозначив задачу формирования «человека социального» в качестве основной для успешного перехода России от авторитаризма к демократии, С. Тюрберт выделила два важнейших фактора демократических преобразований. Первый из них — строгое соблюдение закона всеми без исключения гражданами и обеспеченное гарантиями правосудие. Именно оно формирует у граждан навыки «отстаивания своих прав, ведет к исключению рабских инстинктов и правовому воспитанию». Очень скоро граждане начинают испытывать на себе «воспитательное влияние тех благ свободного политического строя, которые доступны всем без исключения гражданам». Второй фактор — сознательная деятельность встающего на путь демократизации государства по «культурному возвышению масс до уровня ответственных и политически сознательных личностей». Тюрберт считала, что «с того момента, когда власть уже не сосредоточена в руках единого лица, а к ее осуществлению призваны общественные силы; с того момента, как государственная деятельность превращается в общественное сотрудничество, само государство заинтересовано в том, чтобы взамен прежней инертной и индифферентной массы ей противостояло свободное в выражении своего мнения и способное к выполнению возлагаемых на него обязанностей общество».

С. Тюрберт была убеждена в том, что «общество» такого типа и новое правовое

государство возникают лишь тогда, когда формируется «свободная и разносторонне развитая индивидуальность», или «человек социальный». Основой для возникновения гражданского общества, по ее мнению, должна явиться дифференциация общества на организованные социальные группы. Ведь изолированный индивид, противостоящий государственной власти, бессилён настоять на своей воле и политическом мнении. Но когда «живые и конкретные требования общества дифференцировались друг от друга, когда за каждым правовым мнением стоит сознательно объединенная группа, общество становится господином власти».

Но С. Тюрберт вовсе не входила в число апологетов либерального индивидуализма. По своей системе взглядов она принадлежала к немногочисленной в России породе социал-либеральных мыслителей, убежденных сторонников социальных прав человека. Она настаивала на значимости социальной функции государства. С. Тюрберт подчеркивала, что правовое государство обязано играть активную роль в проведении социальных реформ, используя методы регулирования договорных отношений, законодательной защиты труда, введения бесплатного всеобщего обучения, облегчающего доступ к благам просвещения и культуры. С. Тюрберт утверждала, что эти положения о социальной функции современного правового государства особенно важны для России, где личность «бессильна самостоятельно пробиться до высшего уровня культуры и материального благосостояния».

Вопрос о правах женщин, о развитии женского движения для С. Тюрберт вторичный, напрямую зависящий от развития процесса демократизации. С точки зрения С. Тюрберт, следует вести речь не о том, что демократия дает женщинам, а о том, что могут сделать женщины для демократизации государства и общества. По ее мнению, исключительные условия русской жизни ставят женское движение нашей страны в иные по сравнению с Западом условия. Западноевропейское женское движение действует в условиях свободы и развитой демократии. Поэтому оно может себе позволить добиваться лишь одной цели — завоевания гражданских прав для женщин. В России — ситуация другая: женское движение здесь «принуждено стремиться к созданию той политической обстановки, тех элементарных благ общественной жизни, при наличии которых оно получит возможность развернуть свои силы и действительно проявлять свою волю». И эти исключительные условия русской жизни задают женскому движению более широкие задачи борьбы за демократию. Тюрберт подчеркивала: «Никогда и ни при каких условиях групповой эгоизм не должен застилать в глазах отдельной социальной группы, связанной единством лично затрагивающих ее интересов, тех общих целей, которые довлеют над совокупностью смежных групп, а порой и объединяют их всех между собой». В женском движении С. Тюрберт видела в первую очередь один из потоков общедемократического движения или «организованных сил русского общества, предназначивших себе задачей культурное и политическое возрождение России». И призывала его участниц действовать во имя общей для всех поборников демократии цели. Тем самым, вольно или невольно, она выстраивала своего рода иерархию целей и задач женского и общедемократического движений, когда одна из этих целей признается первичной, а другая вторичной, менее значимой.

К подчинению общим целям во имя преобразования российской жизни открыто призывала участниц съезда и знаменитая социал-демократка *Александра Коллонтай*, стоявшая на иных позициях, чем С. Тюрберт. А. М. Коллонтай возглавляла на съезде группу делегатов от социал-демократической партии и выступала от их лица. Ее доклад был символично озаглавлен: «Женщина-работница в современном обществе» [1, с. 230—246]. Главной задачей доклада, по признанию самой Коллонтай, было решительное размежевание с «буржуазным феминизмом», противопоставление подходов «буржуазных феминисток» и «пролетарок» к идеям освобождения женщины. Коллонтай, как опытный публицист, начала свое выступление именно с этого противопоставления. Она решительно заявила: «Женский вопрос, — говорят феминистки, — это вопрос “права и справедливости”». «Женский вопрос, — отвечают пролетарки, — это вопрос “куска хлеба”». По убеждению Коллонтай, эта несовместимость взглядов возникает из разного понимания источника «женского вопроса». Если для «буржуазных феминисток»

возникновение этого вопроса связано с выступлением «сознательного авангарда борцов за женскую эмансипацию... в защиту своих попираемых прав и интересов», то с точки зрения «пролетарок» женский вопрос возникает тогда, когда «миллионы женщин властью всемогущего Молоха — капитала — оказались выброшенными на трудовой рынок, когда, послушно спеша на унылый призыв фабричного гудка, миллионы женщин стали толпиться у фабричных ворот, перехватывая заработок у своих собственных мужей и отцов... Этих женщин гнал из дома плач голодных детей, скорбные взгляды истощенных родителей, болезнь кормильца семьи, собственная необеспеченность, нищета... Все шире и шире раскидывал капитал свои сети. Стремительно бросалась женщина в гостеприимно открывающиеся перед нею двери фабричного ада...». Отсюда — и разница в определении целей женского движения. Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин, главным образом женщин определенной социальной категории, в современном эксплуататорском мире, мире «стонов и слез». Цель пролетарок — заменить старое, антагонистическое классовое общество новым «светлым храмом труда и братской солидарности».

Коллонтай подчеркивала, что «разбивая оковы капитализма, работница вместе с тем пробивает дорогу и для новой женщины — свободной возлюбленной, гражданки и матери». По ее словам, «пролетарский» подход к решению женского вопроса более совершенен и эффективен. Он способен обеспечить свободу и равенство всех женщин. Вот почему Коллонтай призывала: «Пусть же не зовут в свои ряды буржуазные феминистки женщин рабочего класса, пусть не рассчитывают их руками завоевать себе те социальные блага, что сейчас являются достоянием одних лишь мужчин буржуазного класса. Оторванные от своих товарищей, отказавшиеся от своих классовых задач, пролетарки перестанут быть социальной силой, с которой сейчас считается даже “реальная политика”... Только оставаясь в рядах своего класса, только сражаясь за общерабочие идеалы и интересы, сможет женщина-работница защитить и свои женские права и интересы...».

Коллонтай была уверена в том, что лишь победа пролетарской революции и преобразование общественной жизни «на новых трудовых началах» гарантирует всестороннее раскрепощение женщины «как личности и человека». Очевидно, что тема равноправия, связанная по преимуществу с проблематикой властных отношений, рассматривалась у Коллонтай, как у правоверного марксиста, преимущественно сквозь призму социально-экономических явлений, что существенно упрощало и искажало ее содержание. Кроме того, с предельной очевидностью выстроенная Коллонтай иерархия двух различных, несводимых друг к другу социальных вопросов — классового и женского, по сути, воспроизводила типичную для традиционной культуры иерархию «мужского» и «женского». И в данной парадигме обрекала на неуспех вопрос о женском равноправии, который она по существу квалифицировала как вторичный, неглавный, а потому — и несущественный.

С самой резкой критикой такой позиции выступила на съезде представительница радикального крыла в русском феминизме А. А. Кальманович. Центральная тема ее выступления — женское движение и отношение к нему со стороны политических партий [1, С. 205—220]. Фактически же А. А. Кальманович ставила вопрос глубже и говорила о необходимости последовательного отстаивания идеи равноправия при решении любых других социальных задач, о ее принципиальной несводимости ни к классовому, ни к любому другому социальному вопросу. А. А. Кальманович доказывала: «...мужчина всех слоев общества, всех классов слишком заинтересован в порабощении женщины, а главное, он слишком унижил ее, чтобы сразу решиться уравнивать ее в правах с собой. Женщина должна сама завоевать принадлежащее ей место и заставить уважать себя». Подкрепляя этот полемически заостренный тезис многочисленными историческими примерами, она утверждала, что во все времена и во всех странах правами и интересами женщин пренебрегали все мужчины, включая самых передовых. Даже тогда, когда они «ставили на своем знамени гордую декларацию прав человека» или боролись за «свободу, равенство и братство», «всюду разумели мужчину». «Услуги женщин, их труд, их жертвы, до эшафота включительно, принимались охотно, но претензии их делить с мужчинами

эти блага встречались с большим удивлением, негодованием, презрением, клеймились насмешливой кличкой — феминизм!».

А. А. Кальманович задавала риторический вопрос: что же называется на языке мужчин всеобщим избирательным правом? И однозначно отвечала на него: всеобщее избирательное право для мужчин. По ее словам, именно по этим причинам «для женщин, борющихся за то же право участия в общественной и государственной жизни, тяготы которой они несут, придумана новая насмешливая кличка — суфражисток и суфражеток и т. д.». Одновременно А. А. Кальманович подчеркивала, что «во все времена, всюду и везде были мужчины с ясной головой, с развитым чувством справедливости и пониманием общественных интересов», мужчины, «которые стояли за равноправие женщин». Но не они определяли, по ее словам, общее отношение к проблемам равноправия как в общественном мнении в целом, так и в отдельных политических партиях. Кальманович последовательно рассматривала в своем выступлении, как относятся к проблематике равноправия представители основных политических сил Европы — либералы, консерваторы и социал-демократы. Коротко остановимся на этом, потому что в ее анализе очень много верного и актуального, типичного для позиций лидеров нынешних российских политических партий. Разбирая отношение европейских либералов к вопросу о правах женщин, Кальманович отмечала, что они «эстетики ради, в виде украшения» вставили в свои программы положения о равноправии женщин. И вместе с этим «всюду, где только можно, они не допускают его осуществления, не находят это еще своевременным, так как все женщины, видите ли, поголовно консервативны и от этого может произойти одна выгода для консерваторов». В то же время и консерваторы выдвигают свои аргументы против фактического равноправия. В числе этих аргументов «священный домашний очаг, дети, штопанье носков». Но, как отмечает Кальманович, «про себя они думают другую думу. Предки их недаром сжигали ведьм. Они знают, что женский дух пытлив, прогрессивен, и не они, конечно, будут содействовать вмешательству женщин в излюбленный ими современный общественный строй». Особенно подробно А. А. Кальманович анализировала отношение к правам женщин со стороны социал-демократов. Ведь именно они претендовали в ту пору на роль подлинных защитников женского равноправия. В итоге Кальманович заключала, что и у социал-демократов лозунг равноправия «служит только украшением программы».

А. А. Кальманович была убеждена в том, что женщинам в принципе «не следует ждать свободы от мужчин», как бы они ни называли себя: либералами, консерваторами или социал-демократами. На ее взгляд, «пока мужчина будет иметь возможность угнетать и унижать женщину, он будет это делать». И причина тому — не чья-то злая воля, а определенная система отношений власти. Женщинам, как всем «бесправным» и «угнетенным», не следует ждать «великодушия ни от кого». Им нужно научиться защищать свои права, научиться «ограждать себя законами». А. А. Кальманович доказывала, что только женское движение способно «вывести женщину из угнетенного, унижительного состояния, в котором она находится. Только женское движение освободит женщину». Подкрепляя этот свой тезис, А. А. Кальманович произнесла на съезде во многом пророческие слова: «Если женщины будут теперь лишены возможности влиять на законы и изменять их, то грядущий социализм будет мужским социализмом и, следовательно, будет иметь для человечества немногим больше цены, чем теперешний социальный строй. Поэтому-то мы и боремся теперь с таким упорством».

История подтвердила правоту этих слов. Советский социализм действительно стал социализмом с «мужским лицом», хотя революции 1917 г. (сначала Февральская, затем Октябрьская) принесли женщинам всю полноту гражданских прав. Но только в формально-юридическом аспекте. Ранжирование «социального» и «женского» вопросов по принципу их соподчиненности, когда первый признается основным, а второй — побочным, позволило государству «решать» проблему равноправия полов, не посягая на мужской авторитет. Женщины были признаны гражданками, но не совсем полноценными, а «другими». Они имели право на труд, но общество осуждало тех из них,

кто как бы на мужской манер выстраивал карьеру. Они имели право на представительство в структурах власти, но им отвели квоту только в органах законодательной власти, в ту пору по большому счету чисто декоративной, и не пускали в «святая святых» этой власти — руководящие органы партии, ЦК и Политбюро. Такое решение женского вопроса не пошатнуло глубинных основ традиционной российской властной системы. Не случайно вопрос о модернизации, ставший ключевым для страны в XX в., понимается у нас по преимуществу как вопрос социально-экономический. Не случайно многие российские правозащитники по большому счету не считают права женщин составной частью прав человека. А в общественных дискуссиях разговор о правах женщин очень быстро сводится к проблеме секса [3]. Хотя на самом деле речь должна идти о возникновении совершенно новой, по определению современного мыслителя Б. Парамонова, «не-репрессивной культуры», которая, как он справедливо отмечает, стала «подлинной темой двадцатого века, вне всякого сомнения, переходящей в двадцать первый» [2, с. 66]. Ведь именно возникновение «не-репрессивной культуры» как бы венчает процесс «консолидации демократии» — включения в демократические процедуры всех членов общества, а значит, и женщин. Некоторые из участниц дискуссии, которая велась почти сто лет тому назад на Первом Всероссийском женском съезде, отчетливо понимали это, но, к сожалению, не сумели доказать правоту своих воззрений.

Библиографический список

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
2. Парамонов Б. Конец стиля. М., 1997.
3. Хакамада И. Секс в большой политике. М., 2007.

И. И. Юкина

ВСЕРОССИЙСКИЕ ЖЕНСКИЕ СЪЕЗДЫ КАК ТОЧКИ РОСТА ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Первый Всероссийский женский съезд описывается в отечественной и зарубежной историографии как яркая феминистская акция, как событие, которое продемонстрировало факт существования российского феминистского движения первой волны. По единодушному мнению всех исследователей, на первом съезде произошла «переключка сил», были продемонстрированы успехи движения и определены цели его дальнейшего развития. Но на съезде, как мы знаем, не была решена одна очень важная для развития движения проблема: создание общенациональной женской организации — Всероссийского женского совета.

Национальная женская организация, стоящая на феминистской платформе, позволила бы российскому феминизму выйти на новый уровень развития — открытие своих региональных отделений, распространение влияния на уже существующие женские организации, т. е. она помогла бы сплотить и консолидировать женское движение на основе феминистской идеологии. Кроме того, создание общенациональной женской организации дало бы возможность российскому феминистскому движению официально присоединиться к Международному женскому совету (International Council of Women), т. е. структурно интегрироваться в

международное феминистское движение.

Такая перспектива пугала правительство, которое старалось удержать движение в рамках институционализировавшейся женской благотворительности. Как это ни парадоксально, но усиления «буржуазного» феминизма не желали и социал-демократы, обеспокоенные ростом его влияния на «женский резерв пролетариата». Целью участия в работе съезда так называемой рабочей группы, созданной А. М. Коллонтай, в которую вошли работницы и «интеллигентки», разделявшие социал-демократические идеи, было противодействие феминисткам и демонстрация несовместимости интересов работниц и «буржуазок». На последнем общесекционном заседании съездовское большинство прислушалось к пропаганде представительниц рабочей группы и проголосовало только за «желательность создания Всероссийского женского совета». Таким образом, феминистское движение не вышло на уровень новых возможностей.

Что же происходило с движением после Первого съезда, как было преодолено поражение, полученное на съезде, и было ли оно преодолено? Какие проблемы решали женские организации в период после съезда, какова была стратегия достижения поставленных перед движением целей, почему движение так быстро сошло с исторической сцены — вот вопросы, которые еще недостаточно освещены в исторической науке и ответы на которые актуальны сегодня для современного женского и феминистского движения.

Помимо рутинной систематической работы по защите интересов женщин (деятельность разного рода организаций самопомощи, создание общежитий и детских «очагов»), по распространению идеи равноправия женщин (издание женских журналов, работа с депутатским корпусом), женские организации провели еще две крупные феминистские акции — два всероссийских женских съезда по актуальным для российских женщин проблемам. Это были Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами, состоявшийся 21—25 апреля 1910 года в Петербурге и Первый Всероссийский съезд по образованию женщин, который проходил там же с 26 декабря 1912 года по 4 января 1913-го.

Организатором съезда по борьбе с торгом женщинами выступило Российское общество защиты женщин, съезд по образованию организовала Российская лига равноправия женщин. Обе эти организации были феминистскими в том смысле, что переосмыслили проблемы женщин с феминистских позиций и тем самым формировали феминистскую идеологию.

Проблема образования женщин — одна из первых, которую начали осмысливать «организаторши» женского движения еще на начальном его этапе, поэтому российское женское движение первого этапа (1858—1905) благодаря своей деятельности по созданию системы высшего образования женщин и работе на поприще благотворительности в пользу женщин неимущих групп институционализировалось в общественном мнении россиян как благотворительно-просветительское.

Проблема женского образования была переосмыслена на новом феминистском этапе движения. Теперь речь шла не о более качественном выполнении образованной женщиной своей единственной в жизни роли матери, то, ради чего, по мысли первых идеологов движения, нужно было давать образование женщине. Проблема образования, с одной стороны, рассматривалась «организаторшами» съезда как основа равноправия женщин, с другой — как показатель уровня развития общества и ситуации в стране с равноправием женщин. Съезд был призван выявить проблемы в образовании женщин на всех уровнях и определить пути их решения.

Так же как и на Первом Всероссийском женском съезде, в работе этого съезда приняло участие около 1000 делегатов, среди которых были представительницы женских учебных заведений, женских организаций, представители профессорско-преподавательского состава высших и средних учебных заведений, учительская общественность, известные политические деятели.

Съезд резко выступил против существующей практики раздельного образования. Делегатки съезда констатировали проблему маргинализации женского, особенно высшего, образования. Съезд пришел к выводу, что пока «женский университет» отделен от «мужского», женщины реально отделены от научной деятельности, а поэтому,

несмотря на все достижения в сфере образования женщин, проблема их равноправия в образовании не решена. Съезд рекомендовал развивать науку в высшей женской школе. Наряду с обсуждением образовательных программ, обеспечивающих выравнивание курсов в женских и мужских учебных заведениях, делегатки предложили ввести во все виды женского образования юридический всеобщ с целью повышения правосознания женщин. Это очень важный момент, т. к. такая постановка вопроса демонстрирует нам стратегию равноправов — добиться рационального использования законов в повседневной практике женщин.

Также на съезде обсуждались проблемы дискриминации женщин в их профессиональной деятельности. Съезд оценил отсутствие равного государственного обеспечения женских и мужских средних и низших учебных заведений как препятствие к реальному равноправию полов; рассмотрел проблему прав выпускников школ всех уровней и многие другие вопросы и принял по ним резолюции, которые были восприняты современниками как «рискованные в политическом и социальном смысле» [5, с. 421]. Уже к концу XIX века женское движение достигло высокого уровня институционализации. Институционализация движения предполагает изменение политических институтов, т. е. включение движения и его организаций в социальные и политические институты общества и изменение общественного мнения — принятие широкой публикой его идей и форм деятельности, а также поддержание его целей со стороны людей, мнение которых имеет влияние на общество.

Идеи и деятельность начального этапа женского движения были позитивно восприняты обществом, а правительство вынуждено было признать структуры высшего женского образования легитимными, как и деятельность движения по их созданию. Таким образом, движение стало реальным субъектом социальных изменений уже в конце XIX века, а с развитием феминистской идеологии, которая так явно проявилась на Первом Всероссийском женском съезде в 1908 году, движение получило все возможности выйти на новый уровень влияния.

Проституция и помощь женщинам низших сословий — тема не новая для женского движения. Но если деятельность первых женских организаций в XIX веке строилась на основе христианского милосердия и принципа оказания помощи падшим, то в XX веке она была также переосмыслена.

На Первом Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщинами проституция рассматривалась как «явление экономическое, социальное и этическое». Съезд определил целью выявить причины ее существования и выработать меры по ее ликвидации. Данный съезд интересен тем, что впервые в движенической акции приняли участие представители власти. Это подтверждает вывод о том, что движение стало субъектом социальных изменений и транслировало проблемы женщин, в том числе и проблему проституции, на уровень принятия решений. На съезде присутствовали ответственные лица Министерства внутренних дел, иностранных дел, юстиции, торговли и промышленности.

В отношении проституции в России существовала государственная политика — политика регламентации, которую осуществлял Врачебно-полицейский комитет. Женское движение спланировало свои ряды под знаменем аболиционизма. Русский аболиционизм собрал в свои ряды многих известных врачей, юристов, писателей, общественных деятелей либеральной ориентации. Петербургский социолог И. А. Голосенко очень четко определил суть каждого направления: аболиционисты были сторонниками социологического объяснения проституции, а регламентисты — генетико-антропологического [1, с. 52—53]. Феминистское крыло аболиционистов, кроме того, переводило проблему проституции в плоскость прав человека, рассматривая регламентацию как правовую дискриминацию. Председательница Женской прогрессивной партии, санитарный врач и издательница журнала «Женский вестник» М. И. Покровская прямо называла регламентацию разновидностью гражданской смерти. Представительницы женских организаций на съезде составили организованную оппозицию государственным структурам регламентации. Они утверждали, что деятельность Врачебно-полицейского комитета усиливает общий социальный гнет,

дискриминирует женщин из «невладеющих общественных групп» и не только не препятствует росту проституции, но даже способствует ее развитию.

Феминистки в рассмотрении феномена проституции поднимали тему неравенства женщин, развивали идею сексуальной эксплуатации женщин. Ситуации вовлечения в проституцию они анализировали в терминах насилия над женщиной, ее дискриминации, а существование домов терпимости и регламентацию — как защиту государством корпоративного интереса мужчин и подрыв тем самым авторитета государственной власти. М. И. Покровская утверждала, что мужчины во власти не заинтересованы в уничтожении эксплуатации женского тела, а напротив, они дают разрешения на открытие притонов, где под надзором полиции и докторов «мужчины могут убивать тело и душу женской молодежи». Она рассматривала проституцию как увеличительное стекло, сквозь которое хорошо видна ситуация с положением прав женщин. «Проституция — самое яркое отражение современного положения женщин», — утверждала Мария Ивановна Покровская [3, с. 89].

Поэтому равноправки требовали безоговорочной отмены регламентации проституции, закрытия домов терпимости, установления «равности прав и ответственности» проституток и их клиентов, в частности относительно медицинского освидетельствования. Они поставили вопрос об ответственности мужчины — потребителя проституции, о грехе мужчины-христианина, о мужчине — потребителе проституции как разносчике венерических заболеваний. Таким образом, ответственность за грех проституции был снят с женских плеч и перенесен на мужские.

В качестве дополнительных мер воздействия на потребителей проституции равноправки предлагали называть посетителей публичных домов «проститутами» и ввести для них административные меры наказания.

Другая идея, продвигаемая ими, та, что «единая половая мораль», единые нормы поведения для мужчин и женщин в сексуальной сфере подорвут корни проституции. А реальное искоренение проституции возможно только в том случае, если к единым «половым нормам» добавится «полное равенство женщин и мужчин во всем остальном», т. е. в сфере образования, занятости и гражданских прав.

В резолюциях причинами проституции были названы бедность женщин, их невежество, юридическое бесправие, двойная мораль общества в отношении женщин. Съезд в своих резолюциях потребовал закрытия всех домов терпимости и притонов, создания системы учреждений поддержания падших женщин, законодательной охраны женщин от посягательств работодателя, борьбы с порнографией, административной ответственности должностных лиц, виновных в бездействии при осуществлении актов купли-продажи женщин; введения административных мер к потребителю проституции, уголовной ответственности лиц, вступающих в сексуальные отношения с девушками, не достигшими 17-летнего возраста.

Женские организации совместно¹ провели резолюцию с требованием ходатайствовать перед правительством и законодательными учреждениями о немедленной отмене регламентации проституции и ликвидации врачебно-полицейского надзора по причинам его «санитарно-профилактической неэффективности, деятельности, способствующей закреплению женщин в проституции и ее росту, деморализации населения, унижению и оскорблению человеческого достоинства женщин» [4, с. 119].

Также была принята резолюция, призывающая Российское общество защиты женщин ходатайствовать перед правительством о развитии закона «О мерах по пресечению торга женщинами» от 25 декабря 1909 года, с тем чтобы ввести в закон уголовное наказание за сводничество и притоносодержание.

¹ За резолюцию проголосовали: Клуб женской прогрессивной партии, Русское женское взаимоблагодарительное общество, Лига равноправия женщин, Московское отделение Лиги равноправия, Московский женский клуб, Общество охранения прав женщин, Союз польских женщин в Санкт-Петербурге, Общество взаимопомощи женщин-врачей, Тифлисское религиозно-философское общество.

Таким образом, старые для женского движения темы осмыслились теперь с позиций прав женщин. Решение практически всех проблем женщин русские равноправки связали с получением женщинами России избирательных прав, с развитием правового государства и правосознания самих женщин.

Равноправность по закону, вхождение женщин в органы власти и управления, принятие законов в интересах женщин, рациональное их использование женщинами всех классов, состояний и групп и слом на основе законов обычаев и традиций, репрессирующих женщин, — стали движущей идеей и требованием феминистского этапа движения. Это было возможно только в ситуации демократизации страны и развития гражданского общества. Поэтому тема получения избирательных прав для женщин, поддержка демократических преобразований и развитие гражданского общества явились, по сути дела, стратегией движения.

Для реализации этой стратегии феминисткам нужно было решить две серьезные проблемы. Первая — сформировать устойчивые нравственно-этические нормы, закрепляющие право женщин на личный рациональный выбор, в том числе политический. Конечно, регулятивная роль традиций в жизни городской женщины ослабла, но разрыв между предписаниями традиционного общества и реалиями жизни городской женщины начала XX века оставался, как и проблема давления на женщину архаичных норм и ценностей. Нужно было работать над распространением и укоренением новых ценностей в отношении женщин, как в среде мужчин, так и женщин. Этот вопрос решался через развитие, распространение и популяризацию феминистских идей.

Вторая проблема — признание различными государственными и политическими структурами легитимности женской политической активности и развитие политической культуры, в которой женщина была бы полноценным политическим актором. В этом вопросе женские организации взяли курс на интеграцию в политическую систему страны.

Городские митинги и шествия, работа с рядовыми членами партий, их лидерами и партийными фракциями в Государственной думе, организация дискуссий в прессе и т. д. — вся эта терпеливая систематическая работа привела к тому, что в стране сложились конкретные институциональные формы взаимодействия женских организаций с парламентом, партиями, местными законодательными и исполнительными органами власти.

В непродолжительный период реального парламентаризма в России (1905 — октябрь 1917 г.) женское, феминистское движение стало реальной силой изменений. Его массовые акции и давление на Временное правительство привели к тому, что на очередном этапе трансформации политической системы страны россиянки получили избирательные права без ограничений по сословному или конфессиональному признаку. 15 апреля 1917 года женщины России получили избирательные права на местном уровне — на выборах в городские думы², а 20 июля 1917 года — в высший орган власти страны — Учредительное собрание³.

В этот же период была решена проблема, намеченная Первым женским съездом, — создание Всероссийского женского совета. Реализуя постановление апрельского совещания 1916 года⁴, женские организации (Взаимноблаготворительное общество, Женская прогрессивная партия, 1-е Женское общество потребителей, Общество вспомоществования

² Постановление «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г.

³ Закон о выборах в Учредительное собрание. Официальное положение, утвержденное Временным правительством 20 июля 1917 г. Вступил в силу 11 сентября 1917 г.

⁴ В совещании 23—25 апреля 1916 г. в Москве приняли участие делегатки женских организаций Москвы, Петербурга, Киева, Харькова и Симферополя. На совещании согласовывались формы работы женских организаций по вопросам равноправия.

сельскохозяйственным курсам, Харьковское общество трудящихся женщин и др.) подали на утверждение устав Всероссийского женского совета, открытого для всех легально существующих женских организаций и учреждений. 5 марта 1917 года Министерство внутренних дел утвердило его устав [6, с. 4]. 21 марта 1917 года в Петрограде в помещении Взаимноблаготворительного общества состоялось учредительное собрание новой организации. Главной целью совета определялась агитация населения по вопросу женского участия в выборах в Учредительное собрание [2, с. 64].

Пропагандистская деятельность русских феминисток имела своей целью формирование женщины-гражданки, ответственной за свой политический выбор, способствовала развитию коллективной женской идентичности. Коллективные акции также были направлены на поддержание процесса вхождения женщин в гражданство, на овладение новыми социальными ролями и навыками политического участия. Диспуты в женских организациях, на предприятиях, в учебных заведениях, городские митинги, шествия, школы политической грамотности и др. вошли в репертуар русского феминизма в бурном 1917 году.

Переход женского движения на феминистскую платформу, обозначившийся на Первом Всероссийском женском съезде, и разработка феминистской идеологии применительно к российскому культурному контексту в ходе работы двух последующих всероссийских женских съездов способствовали формированию прагматической культуры среднего класса и развивали ее в отношении женщин. Эта культура была основана на идеологии индивидуализма и поддерживала идею самодостаточной и достигающей женской личности, расширения гражданских прав и свобод женщин в экономической, культурной, общественной и семейной сферах.

Российские равноправки в своих выступлениях на всероссийских женских съездах переосмыслили проблемы женщин с феминистских позиций. Благодаря этому российский феминизм переформулировал, что есть женщина, провозгласил новые «женские» ценности, утверждал новые нормы поведения для женщин, создавал новую женскую идентичность, пересматривал традиционные женские роли и тем самым медленно, но верно менял структуру гендерных отношений и положение женщины в обществе.

Стратегия решения проблем женщин базировалась на идее становления сознательных гражданок своей страны. Для этого создавались политические и «неполитические» женские организации, которые поддерживали женщин разных социальных групп и работали по широкому спектру женских проблем. Тем самым равноправки разрушали сословную идентичность и корпоративность российского общества, развивали идеи женской солидарности и создавали новую коллективную женскую идентичность.

Феминизм первой волны решил проблемы получения женщинами России трех групп прав — политических (избирательное право), социально-экономических (право на образование и труд) и в сфере брачно-семейных отношений и репродуктивных прав. Последней группы прав добился советский феминизм в 1920-е годы.

Причины успеха видятся в том, что «буржуазное» феминистское движение, с одной стороны, сумело создать, выпестовать коллективную женскую идентичность, распространяющуюся в том числе и на женщин «невладеющих групп», во всяком случае, в столицах и крупных промышленных городах. Именно поэтому работницы Петрограда в марте 1917 года поддержали манифестацию равноправок с требованием избирательных прав для женщин, придав ей размах и массовость.

А с другой стороны, оно активно формировало срединную прагматичную культуру женщин среднего класса, в которой, в отличие от культуры традиционного (архаичного) общества, женская личность обрела несомненную ценность и женщина получила право на свой осознанный рациональный выбор.

Быстрая утрата завоеваний феминистского движения, забвение его идей о ценности женской личности, о правах женщин, о женской солидарности, разрушение выработанной женской коллективной идентичности, на наш взгляд, произошли в силу того, что в советское время началась девальвация универсалистских ценностей, которые уже пришли на смену традиционным в эпоху реального парламентаризма в России

(1905 — октябрь 1917 г.), но не успели еще как следует укорениться. Начался обратный процесс — возвращение к ценностям коллективным, подчинению интересов индивида интересам коллектива.

Библиографический список

1. *Голосенко И. А.* Отечественная наука о возникновении, функционировании и ограничении проституции (середина XIX — начало XX века) // Голосенко И. А., Голод С. И. Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб., 1998.
2. Женский вестник. 1917. № 4.
3. *Покровская М. И.* Единая половая нравственность // Там же. 1910. № 4.
4. *Покровская М. И.* Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами // Там же. 1910. № 5/6.
5. *Толстой И. И.* Дневник, 1906—1916. СПб., 1997.
6. *Шабанова А. Н.* О международных женских конгрессах. Пг., 1917.

Н. А. Шведова

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

1908 год оказался богатым на события, которые серьезно повлияли на судьбы человечества: положено начало эре автомобиля, авиации, Арктики, олимпиад. Тогда же Томас Эдисон (Thomas Edison), великий изобретатель, произнес фразу, ставшую лейтмотивом XX и начала XXI века: «Возможно абсолютно все!»

Именно в тот год 10 декабря среди множества заметных событий произошло знаковое для России — был торжественно открыт Первый Всероссийский женский съезд, выступая на котором, восьмидесятилетняя Анна Павловна Философова назвала его «одним из самых светлых дней», потому что стала «свидетельницей освобождения женщин». Сам съезд был подготовлен кропотливой работой и борьбой российских женщин (среди которых целая плеяда выдающихся блестящих просветителей и общественных деятельниц — Мария Васильевна Трубникова, Надежда Васильевна Стасова, учителя пионерок женского движения, и многие другие) за освобождение в течение более полувека женского просветительского движения. Его непреходящее историческое значение состоит в том, что он стал «первой попыткой самостоятельной организации женщин, выступающих не для борьбы с мужчиной, для защиты своих прав — “за права и справедливость”» [6, с. 171—174].

Анна Николаевна Шабанова, председатель Организационной комиссии Первого Всероссийского женского съезда, так обозначила самую серьезную задачу съезда как

© Шведова Н. А., 2008

Статья подготовлена на основании исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социально-экономический и общественно-политический статус женщин в России и США: сравнительный гендерный анализ», проект № 07-03-02050а.

выразителя женского движения: «Пробуждение самосознания женщин, борьба с предрассудками, упрочившими за женщиной ее подчиненное положение в семье и государстве, и объединение сил для совместной работы... Единственным средством для того, чтобы женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни, должно служить организованное женское движение...» [6, с. 171—174]. Она предложила и тактику — создание коалиций женских самоорганизующихся групп, которые взаимодействуют друг с другом и сотрудничают с женским движением за границей. «Цели равноправия должны быть общие для всех женщин, каких бы политических убеждений они ни держались, какую бы веру ни исповедовали, к каким бы классам ни принадлежали». Она подчеркивала, что получение избирательных прав женщинами есть не конечная цель, а «средство для участия на равных правах в общей культурной работе страны на пользу человечества» [6, с. 175].

На съезде звучало требование предоставить женщинам возможность пользоваться одинаковыми условиями для участия в общественной жизни, для чего должны быть уничтожены ограничения в гражданских и политических правах, открыт свободный доступ ко всем профессиям, к высшему образованию и «труд ее [женщины] должен цениться по одной норме с мужским».

Встречаем до боли знакомый современный аргумент противников равноправного участия женщин в политике, который четко подметила Анна Николаевна Шабанова: «Отвечают: женщины не подготовлены к участию в политической жизни страны. Но кто же производил этот экзамен на ее подготовленность? И разве все мужчины подготовлены?.. В России вопрос о правах женщин представляется одним из печальных вопросов... он считается осложненным и несвоевременным» [6, с. 175].

«Первый съезд много сделал для поднятия женского самосознания. <...> Раскрепощение женщины должно и может совершиться только ее собственными силами — ее натиском», — подчеркнула в своем выступлении Ольга Шапир. И далее она справедливо уточняет: «Идея человеческого равенства поднимает, сближает, объединяет женщин всех культурных стран с быстротой, присущей только идейным подъемам. Фактор же экономической необходимости парализует сопротивление господствующего пола со всей неумолимостью экономики... Но в наше время большинство мужчин даже и привилегированных классов должно вовсе отказаться от семьи, если жена не будет вносить своего заработка... Моральное воспитание людей должно быть очищено от тех вековых тенденций, которые подготовили в ребенке женского пола существо иной разновидности, приспособляемое к потребностям, вкусам и воззрениям мужчины» [6, с. 307, 310].

Конечно, прошедшее столетие было отмечено многими прогрессивными преобразованиями, в том числе пониманием необходимости гендерного баланса в обществе. Не случайно борьба за гендерное равноправие, против дискриминации по признаку пола, за повышение статуса дискриминируемой части общества, в частности женщин, снискала широкую поддержку мировой общественности, в том числе Организации Объединенных Наций и правительств большинства стран мира.

Полагаю, что в настоящее время в политической культуре России равенство полов не является приоритетом. Как представляется значительной части правящей элиты, своего решения ждут более срочные проблемы. Между тем реальное положение женщин требует серьезного внимания и безотлагательных действий по снижению сложившегося гендерного дисбаланса.

Нужно ли России гендерное равенство?

Этот вопрос с отрицательной коннотацией все чаще поднимается открытыми или скрытыми противниками гендерного равенства, продвигающими идеи «особого пути

развития» России и «особого российского менталитета». Сторонники гендерного равенства представляют обоснованные и достоверные аргументы, включая количественные и качественные индикаторы, а «дискриминаторов», как справедливо замечено, «нельзя убедить — у них своя особая логика, свой способ отбора и интерпретации информации» [7]. Зададимся вопросами:

- Где люди в целом удовлетворены своей жизнью?
- Где женщине наиболее безопасно быть матерью?
- Можно ли достичь прогресса (устойчивого развития) без соблюдения равенства полов?

Опираясь на авторитетные научные исследования (в частности, Всемирную «карту счастья», которая подготовлена Эдрианом Уайтом, английским ученым из университета Лестера, на основе данных из 178 стран и 100 исследований международных организаций (ООН и ВОЗ), было опрошено 80 тыс. человек со всего мира¹), обнаружим, что Дания — самая счастливая страна, а Северная Европа — самый счастливый регион на планете. Россия по самочувствию граждан занимает 167-е место. Из бывших советских республик более несчастными, чем россияне, себя чувствуют грузины (169-е), белорусы (170-е), туркмены (171-е), армяне (172-е), украинцы (174-е), молдаване (175-е место). Еще одно исследование было посвящено выявлению «страны для матери», где женщинам наиболее безопасно быть матерью². Оно базировалось на учете **таких** параметров, как риск материнской смерти, число детей, интервалы между рожденьями, наличие квалифицированной помощи при родах, здоровье женщины в целом, уровень подготовки персонала, участие женщин в политическом руководстве страны (показатель доли женщин в законодательных органах власти) — ведь женщины, участвующие в работе органов власти, могут защищать специфические интересы женщин и детей.

По данным этого исследования, в полной безопасности чувствуют себя матери в Швеции (1-е место), Дании и Финляндии (2-е место), Норвегии, Австрии, Германии, Великобритании. У США — 10-е место.

Россия заняла 27-е место. Ближайшие к ней соседи — Молдавия, Мексика и Колумбия, с одной стороны, и Ямайка, Казахстан и Венесуэла — с другой.

Всемирный экономический форум (*World Economic Forum*) в ежегодном докладе о равноправии полов в мире (2007) (*Global Gender Gap Report*) анализирует социально-экономические показатели 128 стран мира (90 % населения Земли). Наибольшее равноправие между полами обнаружено в Швеции, Норвегии, Финляндии и Исландии. Россия заняла 45-е место [2]. Им же был составлен рейтинг экономик 58 стран мира. Ставился вопрос о том, как отдельные государства используют таланты женщин. Рейтинг был составлен на основе пяти критериев [4]:

- «экономическое участие» (сколько женщин принимают участие в экономической деятельности);
- «экономические возможности» (какая роль уготована женщинам на работе);
- «политическая власть» (насколько влиятельны и многочисленны женщины в политической и общественной деятельности);
- «образование» (доля женщин с высшим, средним, профессиональным и пр. образованием);
- «здоровье и счастье» (существуют ли различия между мужчинами и женщинами в качестве жизни, доступе к системе здравоохранения и пр.).

¹ Учитывались основные факторы: здравоохранение, благосостояние и образование.

² Исследование было проведено в 2008 г. известной организацией «Спасите детей» (Save the Children).

Исследователи пришли к выводу о том, что наилучшие условия для раскрытия талантов и способностей женщин существуют в трех странах: Швеции, Норвегии и Исландии.

Россия находится на 31-м месте из 58.

В число «комфортных» вошли страны, где действует государственная политика гендерного равенства, созданы условия для развития демократии. И это не случайно.

Современное общество столкнулось с терроризмом, военными конфликтами, которые заставляют мировое сообщество задуматься о зыбкости мироустройства, о том, что мир обречен на выбор: либо с эволюцией будет покончено, либо необходимо искать новую философию сосуществования. Новая философия существования — это партнерство, этика взаимоотношений, основанная на принципах гуманизма, гендерного равенства и гармонии.

Демократия в новой России и статус женщин и мужчин — две проблемы, которые часто рассматриваются как отдельные темы. Однако они имеют глубинную взаимосвязь. Логика их взаимозависимости очевидна: будущее российской демократии зависит от того, в какой мере проблема гендерного равенства, или равенства мужчин и женщин в обществе, будет решена.

Ситуация в России

Гендерная асимметрия затрагивает интересы всего общества, потому что приниженное положение женщин в макромире, в общественно-политической, экономической областях бумерангом возвращается приниженой ролью мужчин в микромире — семейной сфере. Наиболее острые проблемы в России для женщин — это бедность (среди взрослых бедных большинство — женщины); конфликт сочетания профессиональной и семейной жизни (в российских семьях преобладают традиционные гендерные роли, возлагающие ответственность за дом и воспитание детей главным образом на женщин. Так, известно, что в начале 90-х гг. XX в. отпуск по уходу за ребенком до 3 лет был трансформирован в родительский. Однако мужчины его почти не используют, воспользовались им лишь 2,3 % из общего числа. В результате женщины, перегруженные домашними обязанностями, становятся менее привлекательными на рынке труда). Остаются актуальными горизонтальная и вертикальная сегрегация женщин на рынке труда; растущая стоимость образования, затрудняющая доступ к нему женщин; насилие в отношении женщин³; широкое распространение сексизма.

По представительству женщин в высшем законодательном органе страны Россия занимает 83-е место, это уровень Гвинеи-Бисау и Камеруна [1]. В исполнительной власти практически отсутствует организационная структура по осуществлению задач гендерного равенства — существует лишь одно подразделение Министерства здравоохранения и социального развития, которое в сфере своей компетенции включает некоторым образом и проблемы женского населения.

Среди позитивных тенденций целесообразно отметить увеличение числа женщин на ответственных должностях Администрации Президента РФ, создание при Комитете по вопросам семьи, женщин и детей Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Экспертного совета по вопросам гендерного равенства как канала обратной связи с научной общественностью и женскими НПО.

Возникает закономерный вопрос: почему прогресс в улучшении статуса женщин во всех сферах жизни не становится реальностью?

³ В 2006 г. 90,7 % женщин считали насилие в семье очень острой проблемой для России, 82,3 % респондентов-мужчин — актуальным вопросом для России (Насилие в семье — насилие в обществе: Отчет о проведении исследования, июль — декабрь 2006. М., 2007).

Очевидно, целый ряд факторов обуславливает комплексную гендерную дисгармонию российского демократического переустройства, среди которых выделим самые важные, на наш взгляд:

- отсутствие политической и государственной воли по реализации целей, намеченных в документах, принятых на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995 г.), и подтвержденных на специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке» (Нью-Йорк, 2000 г.), и в последующих международных документах 2005—2008 гг.;
- слабость женского движения;
- отсутствие движения за эмансипацию мужчин — т. е. за освобождение мужчин и общества от идеи превосходства (сексизм), от незаслуженных привилегий, которые подрывают духовность и профессионализм в обществе;
- отсутствие реального национального механизма по вопросам продвижения интересов женщин как гендерно дискриминируемой общности;
- резкая гендерная диспропорция в представительстве на уровнях принятия решений;
- широкое распространение сексистских предубеждений.

Дискриминация по половому признаку долгое время считалась в основном женской проблемой. На самом деле это и проблема мужчин, которые рассматривают себя как представителей рода человеческого. В результате *идея превосходства*, более высокого положения по отношению к женщинам, является общей для мужчин практически во всем мире.

Еще в 1993 г. Генеральный секретарь ООН отмечал, что невозможно добиться никакого устойчивого роста без существенных изменений роли как мужского, так и женского пола. *Выгоды для мужчин, поддерживающих идею равенства между мужчинами и женщинами, можно сформулировать следующим образом:*

- равенство предусматривает возможность порвать с дискриминацией, которая влияет на оба пола. Например, отцы могут стать ближе к своим детям, подняв на более высокую ступень человеческих ценностей престиж отцовства;
- мужчины и женщины могут сотрудничать более конструктивно, чтобы использовать потенциал каждой личности в полной мере, что в целом неизбежно приведет к развитию более гармоничного общества.

В начале XXI в. международное сообщество начало артикулировать важность и значение ролей мужчин и мальчиков в создании гендерного равенства, пользу и выгоду от которого испытывают и мужчины и женщины. Впервые в рамках ООН Комиссия по положению женщин на своей 48-й сессии (март 2004 г.) специально акцентировала внимание на теме «Роль мужчин и мальчиков в достижении гендерного равенства».

Вовлечение мужчин и мальчиков в решение задачи достижения гендерного равенства является актуальным именно в настоящее время, поскольку во всем мире наблюдается рост рискованных условий жизни, ухудшение соотношения полов, глобальная перестройка экономики, ВИЧ/СПИД-пандемия.

Мировой опыт

Мировой опыт парламентаризма показал, что если в законодательном органе менее 10 % мест принадлежит женщинам, то это затрудняет принятие законов в защиту детей. Если в парламенте страны будет 20—30 % мест принадлежать женщинам, можно надеяться на более быстрое и реальное проведение в жизнь программ, отражающих интересы женщин, семьи, социальной политики в целом.

Ведь не случайно сегодня ООН придерживается главного организационного принципа: без полного участия и наделения властными полномочиями женщин мира не может быть найдено устойчивых решений в обществе, которому угрожают социальные, экономические и политические проблемы.

«Цели развития тысячелетия», документ, который был одобрен на Саммите тысячелетия в 2000 г. 147 главами государств и правительств и стал сегодня повесткой дня для мирового сообщества, определил 8 целей по конкретным областям развития, среди них цель №3 — борьба с дискриминацией в отношении женщин и обеспечение гендерного равенства.

Как увеличить представительство женщин на выборных постах? (Квотирование)

Сегодня важно понять: какую выгоду может извлечь общество в целом, создавая государство с политическим управлением, основанном на партнерстве мужчин и женщин в политике? Ответ прост: партнерство мужчин и женщин в политике является источником более полной и представительной демократии, поскольку создаются реальные возможности учета многополюсных интересов в обществе.

Проблема квот — тема, которая широко обсуждается в мире как мужчинами, так и женщинами. Относительно эффективности системы квот, ее справедливости и последствий ее применения мнения различаются.

Многие рассматривают систему квот как многообещающую с точки зрения увеличения женского представительства. В то же самое время система квот поднимает ряд серьезных проблем и в некоторых случаях вызывает сильное сопротивление.

Главная идея квот — привлечь женщин на уровень принятия политических решений и не допустить их изоляции от политической жизни. Использование системы квот для увеличения женского представительства на выборных должностях — это метод количественного скачка женщин в политику. В основе квот лежит современная концепция равенства женщин и мужчин. Таким образом, с точки зрения гендерного равенства для женщин квота означает смену одной концепции равенства на другую.

Классическое либеральное представление о равенстве включало понятие состязательного (конкурентоспособного) равенства. При этом предоставление женщинам права голоса рассматривалось как единственно существенное. Остальное было возложено на индивидуальную женщину (на индивида). Иными словами, первоначально считалось, что равенство может быть достигнуто посредством предоставления женщинам и мужчинам тех же самых (одинаковых) возможностей, т. е. посредством устранения лишь формальных барьеров. Считалось, что это принесет одинаковые результаты. Однако было обнаружено, что одно и то же отношение (обращение) не обязательно приводит к равным результатам. В течение последних десятилетий под сильным воздействием феминизма получила широкое распространение и поддержку другая концепция равенства. Суть ее состоит в том, что акцент делается на возможностях достижения «равенства результата». Равные возможности не появляются только потому, что формальные барьеры устраняются. Комплекс скрытых барьеров, так же как и прямая дискриминация, не позволяющая женщинам добиваться своей справедливой доли политического и иного влияния.

Сегодня понятие равенства признает, что различное отношение к женщинам и мужчинам необходимо для создания равных (одинаковых) возможностей для достижения равных результатов, потому что, во-первых, существуют различные жизненные условия для женщин и мужчин, и, во-вторых, необходимо преодолеть наследие исторически сложившейся дискриминации в отношении женщин. Квота, как и другие формы позитивных мер, является, таким образом, средством достижения равных результатов.

Аргумент основан на мировом историческом опыте, который убедительно продемонстрировал, что невозможно достигнуть цели гендерного равенства средствами лишь формально равного обращения. Если существуют реальные особые барьеры, то необходимы и реальные особые, т. е. специальные, меры, по сути компенсационные, для

обеспечения равных возможностей достижения равного результата.

И это полностью согласуется с международными документами, под которыми Россия как правопреемница СССР поставила свою подпись, а значит, обязалась выполнять. Речь идет о Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и всех последующих документах, принятых в развитие этой «Женской Конвенции». Это документы Пекинской конференции (1995) — Платформа действий и Декларация, фактически подтвержденные на Генеральной Ассамблее ООН 2000 г. Идея состоит в том, что введение квот не только не противоречит международным документам, а приветствуется как мера, способствующая исправлению гендерного дисбаланса в политике.

Система квот нацелена на обеспечение «критического меньшинства» в 30—40 %. Она означает, что бремя продвижения женщин во властные структуры возлагается не только на индивиду-женщину, но и на тех, кто контролирует процесс подбора политических кадров. Система квот может применяться как временная мера до тех пор, пока не будут устранены «сверхбарьеры» на пути женщин в политику.

Следует иметь в виду, что квоты могут быть представлены как гендерно-нейтральные и означать, что они нацелены на корректировку представительства обеих полов. В этом случае система квот отстаивает и интересы мужчин, особенно в тех областях, где занято большинство женщин.

В ООН входят 192 государства-члена, в 182 из которых имеется парламент, в 173 женщины представлены в высшем законодательном органе, а в 98 странах (51 % от 192 или почти 56,6 % от 173) использованы или предложены квоты.

Вряд ли можно уповать на универсальное и единственное средство, способное умножить женское представительство в парламенте страны. И все же мировой опыт показывает, что система гендерных квот, используемая для создания партийных списков кандидатов, и «дружественные» (благоприятные) женщинам электоральные системы (в частности, пропорциональная) дают позитивные результаты с точки зрения женского представительства.

Задачи момента

России необходима гендерная стратегия, под которой понимается совокупность государственных мер и мероприятий, отраженных в соответствующем политическом курсе и направленных на восстановление гендерного баланса в обществе, прежде всего в общественно-политической сфере.

Задача момента — работа над созданием национального механизма гендерного равенства, который объединяет несколько компонентов: систему законодательных актов, систему органов власти, ответственных за разработку и проведение в жизнь государственных программ во всех сферах жизни, наличие в государстве стандарта гендерного обучения населения.

Необходимо работать в рамках реальных политических структур и органов политической власти, поскольку они имеют реальное влияние на жизнь женщин. Особая роль принадлежит сегодня женскому движению, перед которым стоит несколько целей. «Нужно все напряжение воли, ума и труда, для того чтобы двигаться по пути частичных реальных завоеваний, но еще больше сознательных усилий требует работа над духовным раскрепощением. ... Полностью осознать и искать пути для иного, независимого самоопределения. Надо верить в то, что женщина достаточно созрела, чтобы сознательно и неотступно стремиться к нарушенному равновесию сил...

Задача, встающая перед современной женщиной, не исчерпывается самой целью достижения равноправия, как ни велика эта цель. ... Еще никогда не был использован весь запас творческих сил, присущих человечеству... Равенство при различии не только может вполне удовлетворить чувство справедливости, но именно оно-то и должно дать впервые полноту и гармонию в проявлениях двуликой человеческой души» [6, с. 311—312].

И как своевременны слова, прозвучавшие век тому назад, обращенные к современницам начала XX века! С грустью кажется, что и не было этих ста лет...

Нельзя допустить, чтобы историки вынуждены были вынести суровый и печальный вердикт началу XXI века: «Потерянное поколение. Упущенные возможности. Забытая цель равенства

прав и возможностей мужчин и женщин». Нет выбора для современного российского демократического женского движения в России, кроме как стремиться стать достойным памяти и чести своих предтеч — гордых и достойных женщин России, положивших начало и сделавших прорыв в освобождении женщин, а значит, всей страны. Дорогу преодолевает идущая и дерзающая...

Библиографический список

2. <http://www.prian.ru/news/5876.html>
3. <http://www.un.org/russian/events/women/violence/2006/facts1.shtml>
4. **<http://www.washprofile.org/?q=ru/node/5819>**
5. <http://www.washprofile.org/ru/node/7256>
6. Труды I Всероссийского женского съезда, 10—16 декабря 1908 года, г. Санкт-Петербург // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
7. *Ходырева Н.* Кризисный центр для женщин. СПб., 2007.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Т. Л. Михайлова

ЖЕНСКОЕ МОЛЧАНИЕ КАК БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ МУЖСКОМУ ВЛАСТНОМУ ДИСКУРСУ

Известное высказывание Ж. Делеза о том, что полов существует не два, а столько, сколько индивидов, шокирующее научное сообщество своей нестандартностью и оригинальностью, сегодня воспринимается спокойно и не кажется чем-то из ряда вон выходящим, как, впрочем, и предполагается в рамках постмодернистской культуры. Постмодерн как явление усталой культуры приемлет и принимает все... Признание же факта полицентричности окружающего мира стало, как известно, альфой и омегой постмодернистских и постструктуралистских течений. Ж. Деррида отмечал: «...с одной стороны, очень важно представить собственно говоря, саму множественность голосов, само многоголосие, а вот с другой стороны, открыть пространство для различий пола... то, каким образом проблема пола принижалась, подавлялась и вообще преподносилась во всем западном мышлении, является, если угодно, центральной для всей концепции деконструкции» [9, с. 15]. Осознание этого инициирует изучение гендерных отношений, вычленение их как самостоятельного раздела социологии. Это, с одной стороны. С другой стороны, лингвистический поворот коммуникативистики, предполагающий анализ не только речевого, но и неречевого дискурса, детерминировал исследование различных аспектов языка как главного инструмента коммуникации. Коммуникация, с точки зрения теории коммуникации, — это не только передача сообщений, но и отсутствие сообщения. В этом смысле пауза, молчание — это тоже коммуникация, взятая в горизонте истории. Поэтому представляется важным с целью извлечения смыслов «взломать» текст молчания, что предполагает использование определенного инструментария. Кстати, чем незаметнее работает коммуникация, прячась под покровом слов или их отсутствия, тем теснее соучастие и приглашение к необычной интерпретации женского молчания как вселенского молчания мира в его первозданной глубине и девственной чистоте. Используя язык семиотики, можно сказать, что женское молчание является маркированной формой гендерной идентичности и как всякая маркированная форма вызывает повышенный интерес и желание извлечения новых смыслов и глубин универсума.

Мы не ставим задачи обзора учебной и монографической литературы, географии феминистских организаций, занимающихся гендерной проблематикой. Наша задача — исследовать молчание как другое, осуществив рефлексию вокруг того, что именуется женской субъективностью, выявив призму, которая коррелирует с постмодернистской эпистемологией. Именно она позволяет проблематизировать женскую субъективность, обнаружив новую философскую конструкцию — гендерно маркированную субъективность в отличие от бесполой классической субъективности. Это связано не только с интересом или модой, скорее это обусловлено, кроме перечисленных выше причин, стремлением преодолеть антитегическое противопоставление бинарных оппозиций. Инициация интереса к данной проблеме и может быть объяснена как раз через призму эпистемологии постмодерна, соскальзывающей в русло нетрадиционных гносеологических схем.

Женская субъективность в культуре может быть репрезентирована через анализ практик речевого дискурса, которые сопряжены с концепцией власти Мишеля Фуко. Итак, в

качестве методологического инструментария предполагается использование эго-документов (под этими документами обычно понимают автобиографии, письма, литературно-художественное творчество). В нашем случае это будет женская поэзия начала середины 90-х годов XX века как разновидность эго-документов. Причем мы выбрали не большую поэзию, а то, что может быть охарактеризовано как «вот-поэзия», или поэзия повседневности, в которой преломляется бытие нашей современницы, ее восприятие мира. Поэтому мы сознательно кое-где не указываем автора; соблюдение анонимности, думается, позволяет уйти от того властного дискурса, который невольно проявляется в указании на количество опубликованных сборников, стихов. Здесь мы следуем за Элен Сиксу и Люси Иригарэй, которые ввели понятие *женское письмо*, позволяющее раскопать женскую идентичность. Женское письмо – это место, в котором женщина обретает себя. Поэтому «женщина должна вложить себя в текст — как в сущий мир и в человеческую историю — совершив самостоятельное движение» [26, с. 799]. Далее Элен Сиксу отмечает: «Наконец-то женщины возвращаются из дремучего далека, где все и всегда “как положено”, они идут из вересковых пустошей, где ведьмам дозволено выжить, из застенков “культуры”; из своего детства, которое мужчины отчаянно заставляют их забывать, обрекая его на вечный покой» [там же, с. 801]. Этот метод анализа женского письма (дискурса) весьма продуктивен, ибо «язык — волшебное зеркало, в котором заключены человеческие миры... Мы пленники своего языка» [28]. Именно через язык женщина была изгнана из текстов, составленных мужчинами. «Практически вся история литературы базируется на традиции разума, чем одновременно обеспечены поддержка, результат и алиби. И это проистекает из древней фаллоцентрической власти. Это все тот же феномен самолюбования, самостимуляции, самодовольного фаллоцентризма» [26, с. 803]. Итак, мужской дискурс — это властный дискурс, дающий имманентно присущее мужчине право на привилегии и выбор. Иначе говоря, за языком скрыты определенные стратегии власти. Мишель Фуко отмечает: «Власть — это не некий институт, некая сила, которой кто-то был наделен. Власть — это имя, которым называют стратегическую ситуацию в данном обществе» (цит. по: [22, с. 302]). Кроме сугубо теоретического интереса, обусловленного во многом той «суетой», которая ведется вокруг постмодерна вообще как культурного феномена, как типа общества, как определенного этапа, есть интерес сугубо практический, связанный с действительным положением женщины в современном мире. Женщина и мир... Мир, в котором мы живем, — это мир мужской культуры, мир мужских ценностей. Так было из века в век. Социокультурные особенности пола недооценивались в рамках западноевропейского мышления, которое реализовало себя в рамках классического рационализма. Ориентация на единый, общий для всех людей универсальный разум, независимый от личностных и социально-культурных характеристик его обладателей, добывающих всеобщую и необходимую истину, не способствовала фиксации разнообразия. Традиционная парадигма классического рационализма, достигшая своего логического завершения в системе Р. Декарта, корнями уходит в древнегреческую философию, сущностью которой является поиск постоянного нечего, упорядочивающего мир изменчивости. Это упорядочивающее первоначало досократовской философии, тесно связанное с принципом происхождения вещей, приводит к господству линейного принципа причинности, в центре которого модель однонаправленного мира. Такая модель нуждается в главенстве трансцендентального принципа, дисциплинирующего порядок. Этот дисциплинирующий принцип, отмечает С. С. Аверинцев, соответствует движению сверху вниз, квинтэссенция которого «есть прежде всего техника силлогизма, т. е. дедукции – иерархического движения сверху вниз, при котором общее мыслится первичным по отношению к частному: первичным прежде всего гносеологически, т. е. более познаваемым, более достоверным, но по большей части и онтологически, т. е. более реальным» [1, с. 11]. Этот логико-риторический, или дедуктивный, рационализм есть «первый тип европейского рационализма, который был подготовлен досократиками, шумно и с вызовом заявил о себе во всеуслышание у софистов и окончательно выяснил собственные основания в творчестве Аристотеля, затем сохранял фундаментальное тождество себе до времен Декарта и далее, до зари индустриальной эры» [там же, с. 10]. Что из этого следует? В самом общем плане можно сказать, что проекция этого типа

рациональности на человеческое общество привела к признанию отношений властвования и подчинения не только как необходимых, но и полезных. Иначе говоря, мужское начало — субстанциальная форма, логически возведенная над акциденцией, женским началом (Аристотель). Итак, существующая система иерархии полов, ядро которой состоит в господстве мужчины над женщиной, тесно связана с маскулинизированным типом экономического господства. Властвование мужчины над женщиной — это исторически первая форма господства, из которой вытекают различные формы насилия и унижения женщин в обществе.

Корнелия Клиггер в статье «Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях» отмечает: «Спустя почти целое столетие после формального допуска женщин к академическому образованию и обучению мы все еще далеки от равного представительства полов во всех областях и на всех ступенях научных структур» [15, с. 101]. Естественно, в данном случае возможны возражения относительно доступности образования, численного состава женщин, имеющих ученые степени и т. д. Но суть замечаний Корнелии Клиггер сводится к тому, что картина мира, которую предлагает наука, не является всеобъемлющей, следовательно, объективной [там же, с. 103]. Эта картина мира отражает целый ряд ограничений, связанных с фиксированной точкой зрения, ибо создавалась с позиций классического типа рациональности, характерных только для одного пола. В феминистских исследованиях такого рода ограничения обозначаются понятием андроцентризма. Принцип андроцентризма базируется на восприятии социальной жизни с точки зрения мужчин, логическим следствием чего является отсутствие понимания или описания поведения женщин. В патриархальной структуре языкового и культурного порядка символом знания и власти, согласно Ж. Лакану, является привилегированное положение фаллоса. Феминизм подвергает критике лакановский фаллоцентризм (логоцентризм). Люси Иригарэ отмечает: «...то, что хочет считаться универсальным, равняется на мужской идиолект, на воображаемое мужское, на мир, разделенный по признаку пола, в котором нет половой нейтральности» (цит. по: [15, с. 109]).

Люси Иригарэ выделяет девять признаков этого мужского идиолекта:

- «— размещение мира перед собой...
- навязывание миру модели...
- притязание на отчужденность от модели, желание доказать, что модель строго объективна;
- доказательства стабильности модели...
- доказательство устойчивости модели благодаря использованию инструментария, задействованию техники, которая отделяет субъект от объекта;
- создание идеальной модели (в смысле идеи и идеала), модели, независимой от физического и психического облика ее создателя;
- доказательство универсальности модели, ее принадлежности к единому и всеобщему миру;
- учреждение этой универсальности посредством протоколов экспериментов...
- доказательство, что открытие эффективно, продуктивно, рентабельно, может с успехом применяться... и поэтому означает прогресс» [там же, С. 110].

Нетрудно увидеть в этих девяти признаках мужского идиолекта тождество с признаками рациональности в науке, задающей вектор — ориентиры и другим сферам деятельности.

Удерживая в сознании эти девять принципов, выделим самое существенное в них:

- 1) принцип бинарности, т. е. оппозиция субъекта и объекта;
- 2) экспансионистский непрерывный «захват» мира.

Именно оппозиция субъекта и объекта в ее разнообразных ипостасях долгое время олицетворяла рациональность, являющуюся базовым основанием научности. Эта оппозиция является основой существующей в течение веков в европейской культуре традиционной субъект-объектной гносеологии. Для этого периода характерно было антитетическое противопоставление бинарных оппозиций — «мужское — женское». Неполнота, неральность, несоответствие этой теории как «виртуального конструктора» действительным событиям и процессам человеческой деятельности привели к

необходимости отрефлексировать новые способы понимания и видения познания [18, с. 29]. Представляется, что альтернативные феминистские эпистемологии в их различных вариантах [11, с. 174—196] внесут свой вклад в «неклассические теории познания».

Отметим, что феминистские теории, соглашаясь с постмодернистским подходом, противостоят традиционной гносеологии (или «позитивистской эпистемологии»). Отказавшись от критериев научной объективности, феминистки утверждают, что предпонятия, эмоции, предрассудки задают рамки исследования. Их нельзя не учитывать. Здесь они, безусловно, на верном пути, ибо, прежде чем вести экспансионистский захват мира, как это было свойственно всей эпохе модерна с ее типом мужской культуры, человек должен быть сам «захвачен этим миром» [6, с. 73], а потом уже вести тотальный захват мира. Иначе говоря, познание невозможно без переживания субъектом этого мира. Субъект-субъектное отношение — обязательное условие нетрадиционных гносеологий, куда можно отнести и альтернативные феминистские эпистемологии. Более того, последние с их принципом доверия субъекту коррелируют и с модной сегодня эволюционной эпистемологией (К. Лоренц, Г. Фолмнер, Д. Кэмпбелл), которая приоткрывает новые сферы и особенности предметно-деятельностных механизмов в познании. Человек принадлежит природному миру; вся его жизнь, само приспособление к этому миру предстают как процесс познания. Таким образом, сама эволюция представлена как познавательный процесс, обусловленный многими факторами, среди которых фактор принадлежности полу занимает отнюдь не последнее место. И это надо учитывать в гендерно ориентированной гносеологии. Сделаем промежуточные выводы.

1. Проецируя парадигму классического рационализма на общество, мы пришли к заключению, что властвование мужчины над женщиной — это исторически первая форма господства. Мужской дискурсу есть тот властный дискурс, который вытесняет женщину через язык из текстов. Если молчание — это тоже текст, то в условиях антитетического противопоставления бинарных оппозиций («мужское — женское») женское молчание как текст не может быть прочитано до конца. Как поведенческий стереотип такого рода молчание свидетельствует о знании, которое не может быть выражено, будучи абсурдным, является неопределенно истинным, претендуя на некую мифологичность. Тогда «в целом молчание как бы а priori содержит в себе ответственность выбора и игру случая, предначертанность судьбы и неопределенность будущего» [7, с. 177].

2. Так как наука структурирована с позиций андроцентризма (восприятие социальной жизни с точки зрения мужчин), то категории научного мышления имеют корни в характере мужского пола. Не случайно отмеченное выше сходство признаков мужского идиолекта и признаков рациональности в науке.

3. Если наука и рациональность идентифицируется с мужественностью, то тогда попытки интегрировать женщин в науку отклоняются как не имеющие смысла.

4. Следовательно, на долю женщин остается критика эпохи модерна с центрированной позицией науки в ней. Стержень этой критики — рефлексия вокруг принципов традиционной субъект-объектной гносеологии и, соответственно, выдвижение альтернативных феминистских эпистемологий, коррелирующих с неклассическими теориями познания.

Согласимся, наука — удел мужчин. Здесь нужна логика. Именно ее отсутствие во все времена мужчины ставили женщине в упрек. Итак, в науке женщине нет места. Тогда, может быть, ее удел — искусство как образное отражение действительности и выражение себя?

Оказывается, по мнению Л. Нохлин, «женщинам был закрыт доступ к институциональной художественной практике. Сначала они вообще не допускались к обучению в художественных академиях, а затем, к концу XIX века, им все еще запрещалось посещение класса рисунка с обнаженной натуры. Вследствие этого женщины не могли обладать одной из важных предпосылок так называемого высокого искусства — умением изображать человеческое тело» (цит. по: [12, с. 94]). Линда Нохлин в своей статье «Почему в истории нет великих художниц» выявила практику художественных институтов, которая способствовала вытеснению женщин из

художественного процесса. Кстати, само обозначение «художница» служит стереотипом для а) отграничения женского искусства и б) вытеснения его как вторичного в область скромных жанров (цветочного натюрморта, например) в отличие от «большого», мужского искусства. Вообще, изображение природы и практическое рукоделие считались занятиями для женщин в силу отнесения их к сфере природного как того, что соответствует выполняемой ими функции размножения. Если удел женщин — принадлежность миру природы, то о полете духа не могло быть и речи. Гениальность, трансцендирование — это удел мужчин. Итак, Беате Зентген показывает, что женщины почти не могли влиять на язык и официальные коды искусства. «Коды изображения в западноевропейском искусстве формировались на оси мужского желания» [12, с. 88]. Результатом этого является общий для нашей культуры феномен — «маскулинизация» зрительской позиции. Лаура Малви как теоретик кино и феминизма исследует это явление в своей статье «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф». Женщине как зрителю навязываются правила «чужой» игры — получение мужского типа удовольствия от рассматривания женского тела (вуайеристский тип удовольствия). Идентифицируя себя с объективом камеры, зритель «одалживает» ту идеологическую позицию, которую камера как субъект видения олицетворяет. Так идеология участвует в формировании конструирования субъективности индивида, женской, естественно, в том числе. Причем заимствование мужского взгляда, приятие идеологии патриархального социума происходят на уровне бессознательного [17, с. 280—296]. Поэтому и выявить это значительно сложнее. «Это как раз тот случай, когда идеологические эффекты производятся в самих концептах и через их посредство, когда дискурс исполняет, как то делает доминирующий кинематограф, политическую функцию, служа культурному доминированию» [16, с. 747]. Вывод из всего этого неутешителен. Несмотря на то что женщины постоянно присутствуют в фильмах, они не имеют значения сами по себе, а только в связи с тем, что они репрезентируют. На долю женщины, таким образом, выпала функция экспоната, который является пищей для фантазий мужского зрителя. Молчащий экспонат — такова длительная роль женщины в истории.

Итак, как в науке, так и в искусстве женщине нет места. Правда, в искусстве, особенно с начала XX века (появление кинематографа) происходит конструирование женской субъективности. Это, на наш взгляд, коррелирует уже с другим типом рациональности — неклассическим. Выделение основных черт неклассического типа рациональности не входит в задачу данной работы. Здесь важно отметить, что «неклассику от классики отделяет пропасть, мировоззренческий, общекультурный барьер, несовместность качества мысли. Замещение классики неклассикой поэтому основательнее понимать в смысле повсеместного и интенсивного реформистского процесса тектонического порядка, который, отбирая из тогдашней духовной среды созвучные ему далеко идущие параметры, шквалом обрушился на традицию и смял ее, утверждая на ее обломках причудливый, неведомый тип ментальности» [13, с. 69]. Для становления этого типа ментальности значимы были, кроме открытий в естествознании, такие явления, как модный в начале века психоанализ с его признанием непрозрачности субъективного, феноменология с ее акцентуацией на идее конструирования действительности, модернизм с его интенцией на ревизию вечных истин, ницшеанский волюнтаризм с его индивидуализацией ценностей и подрывом канонов. Естественно, это совершенно другое «качество» мысли, другой способ «думания», не мог не повлиять на вечную проблему отношения полов. Кстати, в русской философии начала века проблемам пола много внимания уделяли Н. Бердяев, В. Розанов, Вл. Соловьев. В поле как точке пересечения двух миров скрыта, по Н. Бердяеву, тайна бытия [5, 24, 27, 30].

В контексте нашего изложения значимым является то, что именно в это время женщине выпала участь выполнять в культуре роль Другого. Причем этот Другой конструируется мужчиной, постоянно контролируется мужским дискурсом. «Женщина конструируется как основание для репрезентации, зеркало, подносимое мужчине» [16, с. 741]. Женщине выпала участь быть Зеркалом в культуре, причем зеркалом, созданным мужчиной для своих целей и нужд. Отношения в системе «Я (Мужчина) — Другой (Женщина)» могут быть охарактеризованы как функционально-ролевые. Это означает, что мужчины и

женщины создаются, ими не рождаются. Иначе говоря, биология не есть судьба. Если сравнить с позициями классического рационализма, с точки зрения которого биология женщины детерминирует ее жизнь, центральное событие которой – деторождение и забота о детях, то здесь, в рамках неклассического типа рациональности, зафиксировано некоторое продвижение, знаменующее отказ от биологического детерминизма. Мы же осмелимся пока на такое предположение: неклассическая рациональность, спроецированная на систему иерархии полов, может быть рассмотрена как коммуникативная рациональность. Для нее характерно возникновение особой сферы «между» (М. Бубер), которая заново конструируется или исчезает «по мере человеческих встреч и предстает носителем человеческой событийности» [18, с. 47]. Молчание не обходится без Другого. В опыте молчания распознается реальность Другого. Поэтому взаимоотношения Я и Другого есть одновременно конфликт и диалог, где молчание есть необходимое условие, конституирующее пространство коммуникации.

Коммуникативная рациональность обычно связывается с диалогом. «Быть — это, значит, общаться диалогически» [4, с. 160]. В идеале это так. Но коммуникация — прежде всего однонаправленный процесс передачи информации; в данном случае — от мужчины (означающее) к женщине (означающее). Выше было рассмотрено на примере кино, как происходит в культуре «маскулинизация» зрительской позиции. Как результат этого «женщина в патриархальной культуре занимает место означающего маскулинного Другого, ограниченного символическим порядком, в котором мужчина может лелеять свои фантазии и наваждения посредством лингвистической власти, направляя их на молчаливый образ женщины, все еще привязанной к своей функции носителя значения, а не его создателя» [17, с. 282]. Кстати, «быть другим в современной культуре зачастую означает позицию “фундаментального необладания”, т. е. политической маргинализации и дискриминации» [10, с. 52]. Так что до диалога, как представляется, в такой ситуации «молчания женщины» далеко. Истинный диалог предполагает равноправие его участников, а это возможно, когда каждая сторона осуществила обязательную, необходимую операцию рефлексии-в-себя, которая и есть условие истинного диалога. В результате чего становится возможной рефлексия-в-другое. Онтологической основы для такого диалога нет, ибо «то, что называется “мужским голосом”, самодостаточно и исключительно и, таким образом, находится вне влияния “женского голоса”, который происходит от “мужского голоса”, зависит от него и является низшим по отношению к нему. До тех пор, пока “мужской голос” зиждется на своих собственных условиях, он продолжает стандарт, по которому вместо того, чтобы уметь терпеть “женский голос”, он осуществляет контроль над ним. При таком режиме невозможно взаимодействие и примирение. Первичность и строгое превосходство одного над другим исключает плодотворное взаимодействие между ними» [23, с. 98]. Резюмируем рассмотренное.

1. Проецируя неклассический тип рациональности на общество, мы пришли к выводу, что конструирование женской субъективности мужчиной — это продолжение господства мужчины над женщиной в более утонченной форме культурного доминирования.
2. Социальное конструирование предполагает, что все мужское и женское создано в разных контекстах (мужиной и женщиной не рождаются, а становятся).
3. Женская субъективность конструируется по правилам патриархального социума. Поэтому женщина выполняет в культуре роль Другого. Женское молчание как поведенческий стереотип, как текст может быть декодировано, обнаружив новые неожиданные смыслы. Оказывается, подмена разговора молчанием — это одна из игровых попыток перехитрить судьбу. В этом смысле молчание как другое оказывается неким непредметным условием реальности, которая революционизирует историю. Аккумулятивные смыслы молчания на длительном промежутке истории — это хороший материал для понимания современного женского бытия, вобравшего в себя негативный опыт господства мужского дискурса, предполагающего антитетическое противопоставление бинарных оппозиций.
4. Отношения «Я — Другой» актуализируют проблемы диалога. Поэтому мы назвали неклассический тип рациональности коммуникативной рациональностью.
5. В результате мы пришли к выводу о том, что онтологической основы для диалога не сложилось, так как отношения «Я (Мужчина) — Другой (Женщина)» могут быть

вскрытые вены,
горящие книги,
пламя души одинокой...
Краснота динамичная —
очень трагичная;
Краснота краха —
красными красками жизнь рисует,
начало ее конца предсказует.
Нити страха — ПУСТОТА,
ПУСТОТА — не ничто,
ПУСТОТА — полотно.
Мастер тклет из нитей:
Белых,
Красных,
Черных —
Черное и белое,
Красное и черное,
Белое и красное —
Выбери пару себе на забаву.
Смелее, Маэстро, не бойся,
Выбирай! Жизнь начинай!!! [19].

Страх представлен в трех ипостасях: «страх-монах», «страх, полицейский пристав», «страх в гостях». Триада страха. Центральный «страх» по имени «полицейский пристав», пожалуй, самый серьезный персонаж. Именно на его долю приходится функция внутреннего цензора. То ли я сказала, так ли я думаю? Имеют ли мысли право на существование? Не слишком ли быстро они «бегут»? Невозможно догнать: «Стойте, мои мысли, или вы уже не мои?» Невольный беглый анализ этого стихотворения инициирует диалог с Элен Сиксу: «Каждая женщина знает, чего стоит мучительная попытка встать и сказать. Как колотится сердце, уходят слова и почва из-под ног – так отчаянна эта попытка, так велико преодоление страха для женщины – просто встать и сказать то, что хочешь, публично. Вдвойне попытка и свершение, потому что, даже если она смогла сказать, ее слова попадают всегда лишь на оглохший слух маскулинности, привыкший слышать лишь то, что сказано в мужском роде» [26, с. 805].

Показателен конец стихотворения, содержащий обращение к Маэстро: «Смелее, Маэстро, не бойся, выбирай! Жизнь начинай!» Автор этим обращением-ободрением признает за Мужчиной первенство и, может быть, ответственность за весь устоявшийся «душный» порядок, признает первичность его дискурса и начинаний. Хотя в этих строках сквозит, возможно, едва уловимая ирония, проявляющаяся в подталкивании Мастера («смелее», «себе на забаву»). Ирония — это хорошо. С одной стороны, это здоровое чувство понимания происходящего вокруг. А с него, как известно, все и начинается. С другой стороны, это обязательный момент, присущий постмодернистским текстам.

Итак, благодаря Элен Сиксу, ее отточенному эмоциональному эссе «Хохот Медузы», сыгравшему роль инициации погружения в пространство авторского стиха, мы попали в лоно постмодернизма с его интенцией на индивидуальность, постоянной ускользаемостью от однозначных дефиниций и принципом бесконечной игры.

Постмодернизм выражает «дух времени», когда «в эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством» [14, с. 203]. Постмодернизм, критикуя принцип бинарности как основной принцип модернистской эпохи, утверждает концепции радикальной плюральности. Учет множественности голосов, звучащих из разных точек пространства, и признание в полифонии голосов самого тихого, женского, голоса — это требование философии Жака Дерриды. Чтобы это произошло, то есть тихий

голос стал громким, услышанным, нужно иначе подойти к «полярностям», которые не должны выстраиваться по принципу иерархии, или субординации. Они должны быть равноправны: «Речь идет не о том, чтобы означаемому предпочесть означающее, превратить его в трансцендентальную сущность» [2]. Речь идет о равноправии означающего и означаемого. Жак Деррида же фактически перечеркивает сам принцип первичности. Иначе говоря, он утверждает, не перевертывая отношений (то есть привилегия отдается означаемому вместо означаемого), уничтожение самой идеи первичности. Вместо оппозиционного различия он вводит понятие различения, то есть сосуществования множества равноправных смысловых инстанций. Возможно, именно это модное в начале 90-х годов XX в. понятие «различение» (différance), как и сама форма произведений этого интересного теоретика, создателя метода деконструкции, инициировало стихотворение «Параллельно сосуществующие миры».

ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ —

Привычность:

В комнате — вселенский хлам,

В облике — аристократический

срам,

В глазах — обалденная тоска,

В действиях — грациозная суета,

В мыслях — удивительная

пустота,

В пространстве —

всепоглощающая

мечта

НИ О КОМ И НИ О ЧЕМ —

Желание НИЧЕГО не менять,

НИКОГО не терять,

Остаться в СВОЕЙ СКОРЛУПЕ

ДО ПОЛНОЙ ПОТЕРИ В ПУСТОТЕ!!!

[19].

ОДИНОЧЕСТВО МУЖСКОЕ —

Обыкновенно:

В комнате — идеальная

чистота,

В душе — потрясающая

пустота,

В голове — завидная чехарда,

В желаниях — сплошная суета,

В жизни — обалденная маята,

В пространстве —

бегущая строка

из образных знаков:

КАК МОЖНО БОЛЬШЕ УСПЕТЬ!

КАК МОЖНО МЕНЬШЕ СТАРЕТЬ!

КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ВЗЯТЬ!

КАК МОЖНО МЕНЬШЕ ДАТЬ!

И наконец —

набирающая скорость

энергетическая волна:

ВСЕЛЬ МИР ПОКОРИТЬ!

ВСЕХ ЖЕНЩИН ПОЛЮБИТЬ!

НЕПОВТОРИМЫМ БЫТЬ... и

ВЕЧНО ЖИТЬ!!! [19].

Объект исследования — одиночество, весьма популярная тема в женской лирике. Но здесь присутствует попытка совместить в пространстве одного «кадра» два феномена одиночества, выявив их атрибуты. Ирония, которая сквозит при описании мужского одиночества, — это ирония удивления от неожиданного понимания... Удалось проникнуть? Пространственно мужскому дискурсу отводится больше места, что свидетельствует о бессознательно фиксируемой привилегии этого второго, чуждого мира. Возможен и другой подход к женской субъективности. Он присутствует в концепции французского философа, одной из ярких фигур в современном феминизме, Люси Иригарэ. Занимаясь поиском логических оснований женской дискурсивной репрезентации в культуре, Люси Иригарэ выявляет логический конструкт истерички (для обозначения децентрированного, отличающегося от мужской субъективности, голоса). Телесный истерический симптом — это не только форма преодоления патриархатной Я-идентичности, но и одновременно отказ от того, что от нее ожидается. Форма истерии — это нарушение границ традиционной Я-идентичности, определяемой с помощью мужских характеристик воли и сознания. Таким образом Люси Иригарэ пытается изобрести новую линейку измерения, согласно которой женщина реализует себя в ситуации истерии как активный субъект не в противостоянии мужчине (не с телом «другого»), а в ситуации

своеобразной рефлексии-в-себя. Истерия — это не сущностная характеристика женского, а пародия на то, что от нее ожидается. Истеричка, иначе говоря, удовлетворяет свои собственные требования [10, с. 58]. Поэтому истерия может трактоваться как молчание, ибо в этой ситуации теряется связь между означаемым и означающим: означаемому ничего не противостоит, кроме опыта своего «Я», имманентно содержащего паравербальный опыт доязыкового коммуницирования.

Приведем выдержку из стихотворения как своеобразную иллюстрацию данной теории:

Это не Я орала,
 Это действительность
 ВЫПОЛЗАЛА
 из всех щелей и углов,
 покусанная толпами клопов...
Мой ОР — это ЖИЗНИ СОР...
Вымести мне его не под силу —
 Надсадишь свою жизненную силу...

Теоретические конструкции и эмоциональный взрыв имеют общее основание: бытие женщины в современном мире маскулинизированной культуры, где каждый ее шаг контролируется. Следствие этого тотального контроля — истерия как внезапное проявление активности. Парадокс — истерия как пробуждение, истерия как молчание. Нельзя не отметить, что совпадение теоретического конструкта и данного стихотворения, написанного задолго до знакомства с данной теорией, вызвало удивление и уверенность в том, что есть нечто общее, тождественное в нетождественном. Когда общее фиксируется, то ум приходит в состояние спокойного умиротворения: наука продолжается. Кризис научной рациональности, о котором много пишут и спорят ученые, лишь укрепил ее позиции. Кризис научной рациональности отчасти связан с проблемой языка. Можно согласиться с Натальей Автономовой, которая полагает, что «невозможно описать свой опыт через категории Лакана или Делеза, не разобравшись в том, зачем им самим те или иные понятия, откуда они взялись, какие задачи они позволяют решать и могут ли быть перенесены в новый мыслительный и культурный контекст» [3, с. 102]. Но согласившись, все-таки решили идти от невозможного. И обнаруженные выше совпадения нашего опыта с теоретическими конструкциями постмодернистов (некие общие «фреймы»), думается, вполне объяснимы: за ними одни и те же реалии. Реалии, уводящие в прошлое и репрезентирующие настоящее маскулинизированного типа культуры, везде возводящего прочные и незыблемые иерархии. Женщина и мир... Напряженный поиск гендерной идентичности, то внимание, которое уделяется проблеме взаимодействия феминности и маскулинности как гендерных характеристик субъективности, — это тот индикатор, который свидетельствует об изменяющемся мире. Мы живем в мире, в котором возрастает вероятность маловероятных событий. Да, мир становится другим. И этому другому миру нужна женщина в нетрадиционных ее ролях: женщина-политик, бизнесмен, военный, дипломат и т. д. Аргументы в пользу этого «зачерпнем» из Ее Величества Науки, ибо все-таки нельзя, несмотря на критику, не признать господствующим порядок, освященный Разумом. С точки зрения синергетики, исследующей кооперативные эффекты в сложноорганизованных системных объектах, в точках бифуркации предсказание дальнейшего развития системы затруднительно. Сценарий нелинейного развития проблематизирует задачи, стоящие перед исследователем. Традиционный же классический тип рациональности, в большей степени соотносимый с мужским типом рациональности, как известно, коррелирует с состоянием стабильности и воспринимает мир по линейному сценарию.

Нелинейный сценарий развертывания открытых систем «схватываем» женским типом рациональности, включающим в себя и интуицию, и логику здравого смысла, и эмоциональный подход к решению проблем. Видимо, каждодневная жизнь женщины представляет ситуацию «бытия на грани». Непредсказуемость, принципиальная

непрограммируемость в повседневных делах приводит женщину к действиям на основе внерациональных факторов, что способствует, кстати, и «освоению» неоднозначной логики. Данная логика необходима сегодня при решении задач антикризисного управления, например. Неоднозначная логика необходима там, где применяется новый тип социального действия, предполагающий новое видение действительности, задаваемое такими категориями, как «выращивание», «проращивание», «выслушивание», «самоопределение», «совместные действия» [25, с. 24]. Перечень данных категорий позволяет прийти к выводу, что данный тип социального действия будет способствовать становлению истинного (полифонического) диалога, основанного на личностно-смысловом общении. Как свидетельствуют научные данные, «...мальчики стремятся к независимости: они утверждают свою индивидуальность. Девочки предпочитают взаимозависимость: они обретают индивидуальность в социальных связях» [21, с. 286]. Согласимся, как важно последнее в нашем быстромеменяющемся взаимозависимом мире. Важно для всех нас, хотя мужчины часто «...единственной формой “успеха” считают личные достижения. Озабоченность женщин вопросами взаимоотношений с другими людьми рассматриваются мужчинами скорее как слабость, а не сила, чем она часто является» [8, с. 163]. В учебнике с необычным названием «Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты» автор пишет: «Прогресс цивилизации постепенно снижает ценность специфических мужских преимуществ (например, физической силы) и повышает ценность женских качеств. Даже современная война перестает быть прерогативой “сильного пола”: с современным сложным интеллектуальным оружием легче справляются женщины благодаря выносливости, хладнокровию и вербальным способностям» [21, с. 285]. И далее — «...более развитые вербальные и логические способности женщин позволяют рассматривать XXI век как век женской политики. В современных условиях традиционные мужские качества (агрессивность, способность к самоутверждению) играют меньшую роль в политической деятельности, чем вербальные способности, позволяющие прекрасному полу легче овладевать иностранными языками, быстрее и полнее понимать представителей других наций и культур. Именно такие качества важны для политических лидеров начинающегося столетия, когда необходимо обеспечить гармоническую коэволюцию разных частей человечества вопреки разделяющим барьерам» [там же, с. 287].

Воздержимся от комментариев. Те, кто хотят вернуть женщину в дом, забывают, что Дом (с большой буквы) тоже уже сегодня с нетерпением ждет ее. Как совместить дом и Дом? Это надо решать вместе, и тогда в известном лакановском выражении «Женщины не существует» — частица «не» постепенно будет растворяться в потоке Времени. Актуализация этого положения предполагает исследование женского молчания как текста, ибо именно погружение в текст позволяет встать на тропинку понимания, даже если этим текстом будет молчание. Смыслонесущая роль паузного молчания заключается в организации множественности потенциализируемых молчанием смыслов. Если язык содержит в себе стратегии власти, то молчание является оппозицией власти, причем даже истерика, как выше отмечалось, есть молчание. Женское молчание по структуре напоминает отсутствующую структуру У. Эко: «Если Последняя структура существует, но она несказуема, потому что нет такого метаязыка, который мог бы ее схватить, а если она только сквозит в языке и его оборотах, то она — не Последняя, ибо в тот самый миг, когда она начинает вырисовываться, она утрачивает те качества, которые делают ее Последней, т. е. способность отступать в тень, порождая другие проявления» [29, с. 457]. Получается, что эта структура наделена смыслом, как и молчание, отсылая нас к Другому.

Современная женщина эпохи постмодернизма получает удовольствие от ситуации игры, будь то выстраивание карьеры, самолюбование собой, эстетическое совершенствование своего тела — только вот поймет ли Другой как немаркированный элемент этой вечной бинарной оппозиции, тоже упоенный своей игрой во власть, основной message коммуникации. Способен ли он раскодировать, услышать голос женского молчания, если это молчание тождественно вселенскому молчанию мира. Вряд ли представляется возможным найти тайный код этого молчания, имманентного молчанию мира. Эхом

отзывается пустота...

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Два рождения европейского рационализма // *Вопр. философии.* 1983. № 3.
2. *Автономова Н. С.* Археология знания // *Современная западная философия: Словарь / Сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов.* М., 1991.
3. *Автономова Н.* Философия и филология: (О российских дискуссиях 90-х годов) // *Логос.* 2001. № 4.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
5. *Бердяев Н.* Смысл творчества. М., 1989.
6. *Бибихин В. В.* Свое, собственное // *Вопр. философии.* 1997. № 2.
7. *Богданов К. А.* Очерки по антропологии молчания. *Nomo Tacens.* СПб., 1997.
8. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
9. *Деррида Ж.* Московские лекции. Екатеринбург, 1991.
10. *Жеребкина И.* Феминистская теория 90-х годов // *Введение в гендерные исследования.* Харьков; СПб., 2001. Ч. 1: Учеб. пособие.
11. *Здравомыслова Е, Темкина А.* Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Там же.
12. *Зентген Б.* Схема рамок // *Пол. Гендер. Культура.* М., 2000.
13. *Ильин В. В.* Теория познания. Эпистемология. М., 1994.
14. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
15. *Клинггер К.* Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // *Пол. Гендер. Культура.* М., 2000.
16. *Лауретис Т. де.* В зазеркалье: женщина, кино и язык // *Введение в гендерные исследования.* Ч. 2: Хрестоматия.
17. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // *Антология гендерной теории.* Минск, 2000.
18. *Микешина Л. А.* Философия познания. М., 2002.
19. *Михайлова Т. Л.* Онтология страха // *Саксагань: Лит. альманах.* Кривой Рог, 1994. № 2.
20. *Михайлова Т. Л.* Параллельно сосуществующие миры // *Лирическое отступление: Сб. стихов и прозы политехников.* Н. Новгород, 2008.
21. *Олескин А. В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты, М., 2001.
22. *Пушкарева Н.* Гендерная проблематика в исторических науках // *Введение в гендерные исследования.* Ч. 1.
23. *Роджерс Т. Эймс, Холл Д.* Китайский сексизм: пропедевтика // *Феминизм. Восток. Запад. Россия.* М., 1993.
24. *Розанов В.* Уединенное. М., 1991.
25. *Розин В. М.* Философия и политика // *Вопр. философии.* 1996. № 1.
26. *Сиксу Э.* Хохот Медузы // *Введение в гендерные исследования.* Ч. 2.
27. *Соловьев В.* Смысл любви. М., 1990.
28. *Тер-Минасова С. Г.* Межкультурная коммуникация. М., 2000.
29. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 2004.
30. *Эрос в русской философии.* М., 1989.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Т. Ю. Забелина

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ «ЛИЧНОЕ ДЕЛО»?

Оценить масштабность любого общественно значимого явления помогают данные социологических исследований. Не исключение и проблема домашнего насилия (ДН). Однако сведения, имеющиеся на сегодняшний день в Российской Федерации, фрагментарны; единой системы мониторинга, которая отражала бы реальную ситуацию, не существует. Отсутствует процедура сбора официальной статистики и регистрации соответствующих случаев, данные по бытовым преступлениям, собранные МВД, являются гендерно нейтральными. Такое же положение дел и в сфере здравоохранения, что практически обуславливает невозможность оценки экономических последствий ДН. Некоторые шаги к систематическому сбору информации о насилии в отношении женщин были предприняты в 2003 г. Государственный комитет по статистике Российской Федерации принял положение о сборе данных о лицах, которые обращались за помощью в государственные центры помощи семье. Они предоставили центрам специальные формы для документирования гендерно дифференцированных статистических данных о количестве обращений пострадавших от сексуального насилия. Формы были разработаны и утверждены Госкомстатом в 2005 г. Ответственным за сбор статистики является Министерство здравоохранения и социального развития РФ. Доступ к этим данным имеют лишь заинтересованные в такой информации организации и лица; для ее получения они обращаются в министерство с запросом. Сведения от Минздравсоцразвития и МВД иногда поступают в ходе семинаров и конференций с участием представителей этих министерств [17].

Проблема статистики по теме ДН характерна не только для России. Как отмечалось в докладе статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, большинство стран по-прежнему не располагает установившейся системой подготовки статистики в области насилия в отношении женщин. В настоящее время сбор официальных данных по этой проблеме на международном уровне не ведется, что затрудняет разработку программ борьбы с рассматриваемым явлением и отслеживание прогресса в их реализации [3].

Сопоставление данных из различных российских источников показывает, что преступления, связанные с насильственными действиями, но совершаемые дома, направлены преимущественно против женщин (именно они становятся жертвами в 52,4 % случаев). Если насильственное действие было совершено против супруга, то потерпевшим «супругом» в 81,6 % случаев также оказывается женщина [1, с. 211]. Дополняет картину анализ информации кризисных служб: 86 % из тех, кто звонит по телефонам горячих линий, — женщины, и большинство звонков обусловлено именно проблемой домашнего насилия. По сведениям информационного буклета Национального центра по предотвращению насилия «Анна», за время его работы с 1993 г. более 26 тысяч женщин обратились в центр за психологической и юридической помощью. На линию доверия поступает более 200 кризисных звонков ежемесячно. Пережившие насилие могут получить помощь как в государственных учреждениях, так и в учреждениях, созданных женскими неправительственными организациями. Около ста НПО работают по этому направлению в тесном контакте с органами исполнительной

власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Десять из них в 2006 г. получили поддержку Администрации Президента РФ по рекомендации Общественной палаты. Наиболее ценное в кризисных центрах — межведомственная модель реагирования на случаи насилия, которая требует повсеместного внедрения. Именно эта модель способствует развитию сотрудничества различных государственных учреждений, НПО, экспертов, включая совместное использование информации, проведение исследований, выработку рекомендаций, коллективное принятие решений о мерах обеспечения безопасности в конкретных случаях.

Несмотря на всеобщее признание и заверения официальных лиц, в течение последних двух лет из-за отсутствия финансирования и поддержки со стороны региональных властей прекратили деятельность 35 общественных организаций, которые специализировались на оказании помощи женщинам, страдающим от насилия со стороны своих близких. Только за 2005 г. закрылись восемнадцать подобных организаций [9, с. 3].

По данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, на начало 2005 г. в России 23 государственных кризисных центра для женщин и один кризисный центр для мужчин оказывали помощь пострадавшим; действовало 97 кризисных отделений для женщин. Сопоставив эти цифры и данные за 2006 г., размещенные на сайте министерства [14], можно убедиться, что количество кризисных служб сократилось. На январь 2006 г. в ведении органов социальной защиты населения действовали 22 кризисных центра для женщин, 1 — для мужчин и 78 кризисных отделений в учреждениях социального обслуживания разных типов, где оказываются психологические, юридические, медицинские, педагогические, социально-бытовые услуги женщинам и девочкам, попавшим в трудную жизненную ситуацию или подвергшимся насилию. В качестве положительного явления следует отметить работу таких учреждений, как социальные гостиницы для женщин с детьми (по сведениям Минздравсоцзащиты — 12 учреждений). Однако подобных служб для женщин явно недостаточно: в РФ на 9 млн населения, по данным Международной амнистии, приходится только 1 место в убежище для женщин. На момент написания доклада Международной амнистии («Российская Федерация: некуда бежать. Домашнее насилие над женщинами», 14 дек. 2005 г.) в России насчитывалось около 300 телефонов доверия, однако лишь некоторые из них работали круглосуточно. Следует также иметь в виду, что помощь большинства государственных убежищ (социальных гостиниц) лимитирована местом прописки (постоянной регистрации) пострадавшей женщины: место в убежище предоставляется только тем, кто зарегистрирован на данной административной территории, поскольку финансируется из ее бюджета.

Еще одна проблема — нежелание большинства женщин выдвигать обвинения против своих партнеров, применяющих насилие, обращаться в правоохранительные органы. В докладе федерального уполномоченного по правам человека (2003 г.) говорится, что только 5—10 % женщин, подвергающихся домашнему насилию, подают заявления в органы милиции. Лишь немногим более 3 % дел о домашнем насилии в российских семьях рассматриваются в судах [3, с. 49]. Причинами этого являются как недостаток инструментов воздействия для реагирования на случаи ДН, отсутствие соответствующих навыков у правоохранительных органов, так и неверие пострадавших в возможность поддержки со стороны государственных учреждений. Это подтверждается и данными социологических исследований.

Опрос, проводившийся социологами МГУ с участием более 2100 человек (1076 женщин и 1058 мужчин) из городской и сельской местности, показал: только 26,7 % женщин и

23,3 % мужчин считают, что, если жену избивает муж, она должна обратиться в милицию. Большинство опрошенных согласилось с ответом «Пусть подумает, в чем она виновата» [2, с. 82]. Не особенно надеются женщины на чуткость, отзывчивость и профессионализм сотрудников государственных служб и ведомств — не только милиции, но и адвокатов, медиков, педагогов, социальных работников, причем обоих полов. Почему это происходит? Вот типичные высказывания, зафиксированные в ходе интервью с жителями г. Рыбинска Ярославской области: «На милицию никто теперь всерьез не надеется»; «Да и кто же нынче верит в милицию? То и плохо, что милиции теперь боятся не воры, а обычные люди»; «Я часто ночью поздно хожу — приходится с работы поздно возвращаться. И очень боюсь иногда, но в милицию, если бы кто-нибудь на меня напал, не пошла бы. Я их тоже боюсь»; «Да неужели я пошла бы туда (в милицию)? Только лишнее горе наживать...» [5, с. 162].

При этом 56 % респондентов-женщин либо получали угрозы применения физического насилия, либо были жертвами насильственных действий со стороны своих мужей, как минимум, один раз. Из них 50 % подверглись хотя бы одному случаю физического насилия со стороны мужей и 3 % сообщили, что мужа избивают их один раз в месяц или чаще. 23 % женщин пережили насильственный секс или сексуальное насилие со стороны мужей. Почти 80 % женщин назвали, как минимум, один случай психологического насилия со стороны мужей, включая оскорбления, критику, запреты на определенные виды деятельности, различные формы контроля или угрозы [2, с. 13—19].

Региональные мониторинги масштабов ДН также подтверждают остроту проблемы. Так, в Приволжском федеральном округе с ДН сталкивались не менее 84 % семей, опрошенных в 2004 г. [4, с. 275].

От насилия в семье страдают женщины из различных социально-экономических групп, с различными этническими и религиозными корнями, с разным уровнем образования. В ходе исследования, проведенного в рамках кампании ЮНИФЕМ «Жизнь без насилия» (2001—2002 гг.), выяснилось, что 87 % мужчин и 93 % женщин признают наличие ДН и осознают серьезность его последствия. Многие говорили о том, что женщины подвергаются насилию не только со стороны своих мужей, но нередко и партнеров, а также взрослых сыновей [8, с. 40]. Для них велик риск быть вовлеченными в уголовно наказуемую деятельность или стать жертвами торговли людьми. Эксперт по тюремной реформе Людмила Альперн сообщила, что от 65 до 80 % женщин-заклученных были в прошлом жертвами насилия. Судя по отношению к проблеме ДН, государственные органы, ответственные за предупреждение домашнего насилия, не осознают существования этой зависимости [7, с. 131]. По всей видимости, не осознаются и масштабы экономического ущерба, «цена» ДН как для переживших его, так и для государства. Попытки провести соответствующие подсчеты делаются во всем мире, но не в РФ. Высокий уровень домашнего насилия и серьезность его последствий в значительной мере связаны с отсутствием в России системы ранней профилактики и комплексного подхода к проблеме домашнего насилия. Мнения экспертов и россиян, опрошенных в ходе различных исследований последних лет, подтверждают: проблему ДН не поставить под контроль без совместных усилий государства и общественности. Свой вклад в освещение масштабов этого явления вносят исследователи из бывших советских республик. Результаты опроса (2003 г.) Харьковского центра женских исследований показали, что в 19 % семей имеют место враждебность и оскорбления, а в 10 % — физическое насилие, причем направлено оно в подавляющем большинстве случаев на женщин. Присутствие физического насилия было отмечено в 80 % семей, где ежедневное употребление алкоголя стало нормой [13].

46 % из 1200 жительниц Армении, опрошенных Центром независимых социологических исследований «Социометр» в 2004—2005 гг. подвергались насилию в семье. Почти половина пострадавших от бытового насилия не предпринимали никаких шагов для преодоления кризисной ситуации. На развод решились менее 1 % опрошенных. Важным в контексте данной статьи является тот факт, что женщины в Армении, как и в РФ, не верят в то, что правоохранительные органы способны их защитить [16].

В 2006 г. организацией Human Rights Watch было проведено исследование ситуации с

насилием в Кыргызстане. Были опрошены как женщины, пострадавшие от насилия, так и чиновники, юристы, врачи, сотрудники органов внутренних дел. Особое внимание было уделено таким аспектам проблемы, как формы насилия, последствия жестокого обращения для здоровья женщины, а также возможным путям ее решения. И в этой стране большинство женщин не надеются на чью-либо помощь, назвав развод радикальным способом выхода из ситуации насилия. В то же время из-за финансовой зависимости женщины испытывают страх перед этим шагом (см. материалы организации «Кыргызстан: примирение с насилием» за 2007 г.).

Оценочное исследование Совета Европы, проведенное в 2006 г., дало следующие результаты: на всей территории европейских стран от 20 до 25 % женщин по меньшей мере один раз в жизни подвергались физическому насилию и свыше 10 % стали жертвами сексуального насилия; около 45 % женщин подвергались насилию в той или иной форме; большинство актов насилия в отношении женщин совершалось мужчинами из их непосредственного социального окружения, чаще всего партнерами или бывшими партнерами; от 12 до 15 % всех женщин старше 16 лет состояли в отношениях, при которых они подвергались домашнему насилию [12].

Как подчеркивается в углубленном исследовании о насилии в отношении женщин (2006 г.), проведенном по инициативе бывшего в тот момент Генеральным секретарем ООН Кофи Аннана, проблема «требует приоритетного отношения и выделения ресурсов, необходимых для того, чтобы противодействовать этому злу решительно и результативно». В документе ставится вопрос об обязанностях государств в области предотвращения и ликвидации всех форм насилия в отношении женщин, а также об их обязанностях предоставлять женщинам защиту от насилия и обеспечивать возмещение ущерба пострадавшим. Отмечается необходимость учитывать важную роль специалистов в разных областях знаний при организации работы по профилактике и искоренению насилия над женщинами. В исследовании подчеркивается крайняя потребность стимулирования процесса сбора информации для укрепления базы данных по всем формам насилия в отношении женщин, важных для выработки политического и стратегического курса [19]. Эта рекомендация в высшей степени актуальна и для РФ. Действенным инструментом в борьбе с ДН является продуманное законодательство и жестко контролируемая правоприменительная практика. В 89 государствах действуют законодательные положения, в которых конкретно говорится о бытовом насилии. Шестьдесят из этих государств приняли специальные законы о бытовом насилии; семь государств имеют законы о насилии в отношении женщин; одно государство имеет гендерно нейтральный закон о насилии; в четырнадцати государствах действуют конкретные положения о бытовом насилии, содержащиеся в их уголовных кодексах; пять государств разработали гражданские процедуры, согласно которым виновных удаляют из дома; в законодательстве о бытовом насилии двенадцати государств содержатся ссылки на насилие в семье. В 102 государствах не приняты специальные положения о домашнем насилии. В двадцати странах проекты законов о бытовом насилии находятся на стадии разработки, еще четыре государства выразили намерение разработать законодательство или законодательные положения о бытовом насилии [10]. Согласно оценкам экспертов, расходы на предупреждение насилия в отношении женщин гораздо выгоднее бездействия. Так, в США принятие Закона о насилии в отношении женщин в 1994 г. принесло, по экспертным оценкам, чистой выгоды порядка 16,4 млрд долл. [11].

Инвестиции в предотвращение насилия и в защиту женщин дают высокую и эффективную с точки зрения затрат отдачу и имеют важное значение для реализации обязательства по Декларации тысячелетия «создать условия... благоприятствующие искоренению нищеты» [11]. Деятельность в этом направлении довольно активно ведется на постсоветском пространстве. Так, например, 1 марта 2007 г. Парламент Республики Молдовы принял во втором (окончательном) чтении Проект закона о предупреждении и пресечении насилия в семье. Это стало возможным благодаря усилиям неправительственных организаций и ряда государственных структур при поддержке международных организаций: Миссии ОБСЕ в Молдове, Бюро Фонда ООН в области

народонаселения (UNFPA) в Молдове, Фонда Сороса в Молдове и др. В *Украине* закон о предупреждении насилия в семье принят Парламентом в 2001 г. Но юристы считали, что закон недоработан и применить его на практике практически невозможно. Главное, что ожидалось от закона, — это пункт о юридической ответственности. Ему в законе отведено всего две строки, где не сказано ничего конкретного. Сейчас обсуждается ряд возможных поправок к закону. Среди предложенных изменений — введение корректирующих программ для лиц, совершивших насилие в семье, принудительное лечение от алкоголизма для лиц, которые совершили насилие в семье в состоянии алкогольного опьянения. *Кыргызское* законодательство в области борьбы с насилием в семье является одним из самых передовых в регионе. В Кыргызстане закон «О социально-правовой защите от насилия в семье» был принят в 2003 г. Однако, по мнению экспертов в области семейного насилия в Кыргызстане, вышеназванный закон и применимые положения УК не работают и, соответственно, не выполняют задачи по обеспечению ответственности. Семейное законодательство *Азербайджана* содержит ряд статей о недопустимости бытового насилия. Парламент этой страны сейчас готовит проект закона «О борьбе с бытовым насилием».

В 2006 г. Национальная комиссия по делам семьи и гендерной политики при президенте Республики *Казахстан* предложила принять закон о бытовом насилии. Законопроект о бытовом насилии ранее неоднократно вносился на рассмотрение, но отправлялся на доработку. Инициаторы законопроекта рассчитывают, что закон будет принят в 2007 г. Международное сообщество энергично поддерживает законодательные инициативы по противодействию домашнему насилию на постсоветском пространстве. Оценивая текущую российскую ситуацию с законодательством о домашнем насилии, специальный докладчик Генсека ООН по правам человека и проблеме насилия над женщинами Якин Эртюрк призвала Россию принять закон, направленный против насилия в семье. В своем докладе о ситуации в России (он был представлен в Комиссии ООН по правам человека в 2004 г.) она напомнила, что насилие, особенно домашнее, ежегодно продолжает разрушать и калечить жизни тысяч российских женщин, однако не находит должного отражения в повестке дня правительства [18].

Законодательная база Российской Федерации содержит в себе различные нормативные акты, регулирующие социальную защиту населения, в том числе и граждан, столкнувшихся с проблемой насилия как в семье, так и в других сферах жизни. основополагающим документом всей правовой системы России является Конституция РФ. Российская Федерация, ратифицировав международные правозащитные соглашения, взяла на себя обязательства по защите женщин от насилия, совершаемого как государственными, так и частными лицами. Положения, закрепленные в Конституции РФ и международных правовых документах, конкретизируются в ряде нормативных актов, таких как Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Трудовой кодекс, Кодекс об административных правонарушениях и др.

Наряду с этим в России неоднократно предпринимались попытки внести законопроекты о домашнем насилии на рассмотрение в Государственную думу. Последний проект Федерального закона «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» в соответствии с решением Совета Государственной думы от 29 марта 1999 г. (выписка из протокола № 198, пункт 53) снят с рассмотрения «в связи с отзывом авторами» (депутатами Государственной думы С. В. Грущаком, Е. А. Костериным, В. К. Кошевой, Д. А. Митиной, П. Г. Свечниковым, Л. Б. Нарусовой, Л. Н. Швец, Э. А. Памфиловой). Снятие с рассмотрения, подчеркнула Е. Ф. Лахова, в то время председатель Комитета Госдумы РФ по проблемам женщин, семьи и демографии, означает, что у Государственной думы нет оснований для дальнейшей работы над данным законопроектом и, следовательно, она не может вернуться к его рассмотрению.

Вместе с тем в 1999 г. группой депутатов Государственной думы второго созыва были внесены на рассмотрение четыре законопроекта («О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации”», «О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», «О внесении дополнения в статью 11 Закона Российской Федерации “О милиции”», «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации

и в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»), в которых содержались нормы, направленные на предотвращение насилия в семье, оказание помощи жертвам домашнего насилия и привлечение к ответственности лиц, совершивших такое насилие. К сожалению, по различным причинам ни один из этих проектов так и не стал законом. Некоторые положения, содержащиеся в указанных законопроектах, были учтены при внесении поправок в Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации.

Однако на деле даже существующие вполне радикальные законы не всегда соблюдаются. Часто представители исполнительной и судебной власти оправдываются тем, что нет закона о домашнем насилии, и потому они не могут защитить потерпевших. Необходимо реформирование, совершенствование законодательства РФ и правоприменительной практики. В частности, используя успешный зарубежный опыт, следует облегчить процесс дачи показаний в суде для переживших насилие, освободив их от ряда унижительных формальностей. Представляется необходимым введение повсеместной практики сопровождения в суд женщин, пострадавших от насилия, обученными сотрудниками социальных служб или кризисных центров («социальными адвокатами»). Отдельные попытки такого рода в России уже предпринимались, но они расцениваются юристами-профессионалами как «нежелательная самодеятельность» и по возможности пресекаются.

Рекомендуемые меры могли бы войти в качестве дополнений (поправок) в Уголовный (УК) и Уголовно-процессуальный (УПК) кодексы РФ наряду с другими необходимыми мерами по обеспечению защиты граждан от насильственных посягательств. По такому пути пошли многие страны, например Канада, где так же, как и в России, нет общенационального Закона о насилии в семье. Подобный путь является достаточно эффективным при условии, что каждый участник процесса добросовестно делает свою часть работы: федеральное правительство «отвечает» за разработку законодательства, а региональные и местные власти (в тесном взаимодействии с федеральными) — за отправление правосудия. Кроме того, в регионах возможно включить в местные правозащитные системы акты или междисциплинарные протоколы о защите жертв домашнего насилия, создать специальные суды по случаям насилия в семье. В РФ есть правовая основа и для принятия областных законов, постановлений (губернатора, областного министра, мэра и т. д.) о насилии в семье.

Условием успешной жизнедеятельности указанной правоохранительной системы всех регионов могла бы стать приверженность единому принципу «нулевой терпимости» ко всем проявлениям насилия (что означает полное его неприятие). Полицию и суды следует обязать действовать решительно и быстро. При этом «предписания» не должны оставаться на бумаге, как это зачастую происходит в России. Их следует подкреплять постоянными тренингами, проводимыми для сотрудников правоохранительных органов, судей, и осуществлением строгого контроля за выполнением поставленных задач. Очень многое зависит от руководства МВД, РОВД, ГУВД, судебных инстанций: если они будут демонстрировать серьезное отношение к проблемам семейного насилия, то так же будут вынуждены действовать и их подчиненные. Наряду с подобными масштабными мероприятиями весьма важным представляется привлечь к действию объединения граждан, например комитеты общественного самоуправления (КОСы), народные дружины, товарищества собственников жилья и т. п.

В ходе просвещения и образования различных групп государственных служащих, законодателей, медиков, социальных работников, юристов необходимо, в частности, заявлять не только о масштабах морального, психологического или физического ущерба, нанесенного пережившим насилие в семье, но и о материальных потерях как отдельной личности, так и всего общества (издержки медицинского и судебного характера, компенсационные выплаты, оплата временной нетрудоспособности, содержание кризисных служб, оплата психологов, адвокатов, финансирование тренингов и обучающих программ, создание аудио- и видеоматериалов, издание информационных пособий, плакатов, буклетов и т. п.).

Давно известно, что легче предотвратить болезнь, чем потом лечить ее. Наряду с обеспечением жизнедеятельности имеющихся юридических механизмов следует

осуществлять мероприятия превентивного характера. Для российской практики первоочередного внимания заслуживает имеющийся опыт выделения средств из местных бюджетов неправительственным организациям на реализацию просветительских и образовательных программ, издание информационных материалов, проведение различных тренингов, оказание поддержки приютам, консультационным службам, медпунктам, телефонам доверия и т. п. Именно благодаря такой помощи, в первую очередь из федерального бюджета (82 % средств), а также из провинциальных и местных бюджетов, сумела выстоять и развиваться система кризисных служб Канады (в 1980 г. их было 80, а ныне — около 500) [6, с. 216].

Мировой и российский опыт показывают: без стабильного и продуманного государственного финансирования, досконального знания проблемы, достоверной статистики и реализации жесткого контроля за выполнением всех законов и мероприятий по предотвращению насилия и организацией помощи, наказанием виновных невозможно добиться ощутимого сдвига в решении задачи соблюдения права личности на свободу от всех форм насилия. Эта деятельность должна опираться на постоянную поддержку законодателей и государства, объединять все общество.

Библиографический список

1. **Гендерные проблемы современной России. М., 2006.**
2. Горшкова И. Д., Шурыгина И. И. *Насилие над женами в современных российских семьях.* М., 2003.
3. *Защита прав человека: Сб. документов уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, 2001—2003.* М., 2003.
4. Кивокурцева Н. В., Борисовская Г. А., Машкова Е. В. *Насилие в семье глазами мужчин и женщин: масштабы, причины, последствия // Интеграция гендерного подхода в социальную политику региона. Набережные Челны, 2006.*
5. Клименкова Т. *Реализация права граждан на свободу от насилия // Права женщин в России: исследования региональной практики, их соблюдения и массового сознания.* М., 1998. Т. 2.
6. *Насилие и социальные изменения: Альм. М., 2000. Ч. 2, 3.*
7. *Отчет о выполнении требований Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин / Ассоц. америк. юристов.* М., 2006.
8. *Россия: насилие в семье — насилие в обществе.* М., 2002.
9. *Справочник российских организаций, работающих с проблемой насилия в семье.* М., 2006.
10. **Углубленное исследование Генерального секретаря ООН, посвященное насилию в отношении женщин.**
<http://www.un.org/russian/events/women/iwd/2007/background.shtml>.
11. Demoscope Weekly. 2005. 5 дек. № 225/226.
12. <http://www.coe.int>.
13. <http://kcgs.org.ua/index.shtml>.
14. <http://www.mzsrrf.ru>.
15. <http://www.owl.ru/content/news/vestnik-2006/p62533.shtml>, <http://president.yandex.ru/>.
16. Institute for War and Peace Reporting. 2006. Iss. 370.
17. Monitoring OSI. Stop violence against women. 2004. <http://www.russianfederation.stopvawmonitors.org/index.php?id=250&cid=399>.
18. **Report of the Special Rapporteur on violence against women, its causes and consequences,** Yakin Ertürk.
http://www.stopvaw.org/General_Resources_on_Domestic_Violence.html.
19. **The Secretary-General's in-depth study on all forms of violence against women Resolution 58/185.** <http://www.un.org/womenwatch/daw/2006>.

И. И. Осипова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Социальное сиротство — уже не новое явление для России, имеющее тяжелые и далеко идущие последствия. На фоне едва преодолеваемой депопуляции вопрос о социальных сиротах звучит особенно болезненно. Меры государственной политики, направленные на стимулирование рождаемости, передачу детей из детских домов в приемные семьи, по сути, нивелируются расширением масштабов проблемы социального сиротства. Наряду с ростом рождаемости растет и количество социальных сирот, что свидетельствует не только о нерешенности вопроса, но и о появлении новых проблем.

В исследовании социального сиротства особенно выделяется гендерная сторона. Категория «гендер», означающая совокупность социальных характеристик пола, во-первых, помогает понять биологические и психологические особенности реагирования на ситуации различного характера. Во-вторых, данная категория привлекает к себе внимание в том случае, когда речь заходит о трансформации традиционных гендерных ролей, что выражается, например, в отказе от ребенка, несформированности чувства материнства, отцовства. В-третьих, интересно проследить особенности социально-психологического портрета социального сироты в зависимости от пола: установки, видение собственных перспектив и т. д.

Первый из перечисленных аспектов анализируется в социологической теории.

Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» сравнивал возникновение аномии — главной причины социальных проблем — у холостяков, женщин, разведенных. В результате своих исследований социолог приходит к выводу, что женщины подвержены аномии в меньшей степени. Причина, по его мнению, в том, что женщины лучше адаптируются к различного рода изменениям, дольше сохраняют социальные связи с обществом, тогда как мужчины менее приспособлены к переменам и находятся в менее тесном и продолжительном соприкосновении с ним [5]. Этим объясняется большая «устойчивость» женщин при сохранении традиционных материнских ролей. Известно, что деградация отца в большинстве случаев еще не означает краха семьи. Напротив, деградация матери как хранительницы очага (что, к счастью, случается значительно реже) чаще всего приводит к полному распаду семейной единицы.

В классических социологических теориях разделение материнской и отцовской ролей так же, как и супружеских обязанностей, обосновывалось преимущественно необходимостью разделения труда по полу. Э. Дюркгейм считал, что «супружеская солидарность» возникает на основе разделения труда между полами. В те же периоды развития обществ, когда «оба пола были слабо дифференцированы», существовали «материнские семьи», в которых «отношения между детьми и матерью очень определенны, но отношения между супругами весьма слабы» [4, с. 60].

Р. Мертон предложил типологию «девиантного поведения» мужей и описал различные причины отклонения их поведения от предписанной традиционной роли добытчика и отца. С его точки зрения, отклоняющееся поведение — следствие рассогласованности между порожденными социальной структурой и культурой целями и социально организованными средствами их достижения. Типы отклоняющегося поведения Р. Мертон различает в связи с разным отношением людей к общественно одобряемым целям и нормативным средствам их достижения [6, с. 105]. В этом случае социальное сиротство предстает как следствие отсутствия отеческого воспитания в силу утраты

приемлемых возможностей для обеспечения собственных детей. Подобная ситуация вызывает к жизни деструктивные формы преодоления ситуации, такие, как ретризм, или банальный уход от реальности.

Говоря о трансформации традиционных ценностей в гендерном разрезе, можно отметить, что история России 90-х годов XX века разрушила стереотипные представления о мужской и женской природе. В аномической ситуации постсоветского общества, его нормативной и ценностной систем женщина проявила себя стрессоустойчивой, гибкой к изменениям, обладающей лучшими навыками адаптации. Благодаря этому в современном обществе изменились семейные роли мужчины и женщины, женщины отошли от традиционно женских обязанностей в семье, перестали быть хранительницами очага, заниматься преимущественно воспитанием детей и домашним хозяйством. Эти функции во многих случаях были переложены на родственников, мужчин, общественные институты. Как результат — переходный период в российской истории конца 90-х годов XX века дал резкий скачок безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, отказов от детей и детоубийств.

Снижение воспитательных функций матерей, снятие ими с себя ответственности за воспитание детей в пользу удовлетворения жизненных потребностей повлекли за собой ослабление института материнства, что, в свою очередь, привело к возникновению социального сиротства. Согласно проведенному нами исследованию, в 100 % случаев определения детей на воспитание в сиротские учреждения причиной лишения родителей прав были алкоголизм матери и отсутствие вследствие этого контроля, ухода за детьми, их воспитания.

Разрушение института материнства в России — процесс длительный, истоки которого прослеживаются со времен революции 1917 года. Т. А. Гурко, анализируя литературу по данной тематике, пишет, что А. Коллонтай в русле идеологии марксизма представляла воспитание детей делом государственным, поскольку оба родителя заняты строительством коммунизма. Кроме того, из любви матери к своему ребенку должна вырасти любовь матерей ко всем детям, которые в этом случае словно обобществлялись. Вопрос об отцовстве в марксистском феминизме не ставился вовсе. В начале 70-х годов прошлого столетия социолог А. Оэкли подвергла сомнению мифы, окружающие институт материнства, согласно которым «все женщины испытывают потребность быть матерями, все женщины нуждаются в своих детях, все дети нуждаются в своих матерях». Материнство, по ее мнению, должно быть делом выбора, и женщины должны иметь возможность заниматься другими видами деятельности дополнительно или вместо рождения и воспитания детей. Так, суррогатное материнство будет использоваться для эксплуатации женщин третьего мира или бедных женщин, которые не смогут реализовать себя в роли матери. А. Рич полагает, что институт материнства представляет собой идеально-типический конструкт, резко отличающийся от реального положения дел. Одновременно женщины ограничены в выборе других жизненных сценариев. Н. Чодоров и Д. Диннерстайн предполагают, что мужское доминирование над женщинами является результатом более трудного и болезненного, по сравнению с девочками, отделения мальчиков от матерей по мере взросления. Для института материнства характерно, что девочки, имея пример для подражания при создании собственной семьи, могут обеспечить рождение и воспитание детей, в то время как для мальчиков это становится более проблематичным. В итоге доминирующим чувством мужчин по отношению к женщинам становится ненависть.

Представители феминистских направлений считают, что непрестижность и низкая оплата труда материнства является свидетельством гендерной основы разделения труда. В идеале предполагается, что отцов в социальном значении этого слова вообще не должно быть. «Это будут матери обоих полов, которые разделяют заботу о детях — практически, эмоционально, экономически и социально» [3, с. 24—28]. Феминистские воззрения окончательно поставили под сомнение легитимность материнства как исторически и эволюционно обусловленного явления.

Таким образом, кризис моногамной семьи, сопровождающийся ростом количества материнских семей и ослаблением отцовского участия в воспитании детей, обусловлен универсализацией гендерных ролей. Так как состояние анонии характеризуется разрывом основных социальных связей, дезинтеграцией в существующей системе, невозможностью принятия определенных ценностей и норм, наиболее подверженными «безнормности», вероятнее всего, станут люди со слабыми адаптивными возможностями, повышенной эмоциональностью, неустойчивым поведением. Все это сказывается на трансформации установок относительно материнских и отцовских обязанностей и практике их осуществления.

Наиболее актуальные данные, касающиеся предмета нашей работы, были получены в ходе международного исследования «Ценность детей и межпоколенные отношения», в котором приняла участия и Россия¹. Этот проект был полностью посвящен изучению

¹ В ходе международного исследовательского проекта «Ценность детей и межпоколенные отношения» (научный руководитель — проф. Б. Наук, Германия), в котором участвовали 15 стран Европы, Азии, Америки и Африки, в России (в

межкультурных особенностей родительско-детских отношений в трех поколениях: бабушки, матери, дети-подростки. Основная идея состояла в том, что личность родителей, поведение ребенка и социокультурный контекст осуществления родительства представляют собой единый комплекс. Изучение трех поколений одной семьи позволяет более глубоко рассмотреть эволюционные изменения во взаимоотношениях родителей и детей в течение жизни. Кроме того, в данном проекте изучалась связь между ценностью детей — основополагающим элементом в формировании социального сиротства — и более общими ценностными ориентациями индивидов и удовлетворенностью жизнью. Качество отношений между поколениями рассматривается как совокупность установок и убеждений родителей, родительских целей и ожиданий, родительского поведения, характера взаимной эмоциональной и материальной поддержки поколений [8]. В этой связи по-новому можно взглянуть на социологические теории, объясняющие различия и трансформацию гендерных ролей как основу социального сиротства.

Традиционные представления о мужских и женских ролях, являющиеся глубинным элементом культуры, ставятся под сомнение, вследствие чего начинает меняться и взгляд на ценность детей как основополагающую составляющую материнства. Традиционные женские качества также подвергаются серьезному пересмотру: материнская нежность и доброта замещаются карьеризмом, настойчивостью и жесткостью, что, в свою очередь, ведет к сознательному отказу от материнства или пренебрежению своими материнскими обязанностями.

Данный тезис выводит нас на новую проблему, требующую особого внимания со стороны государства. Речь идет об осознанном отказе от материнства, причиной которого является не только предпочтение карьеры семье, но и ранние половые связи несовершеннолетних, влекущие отказ от новорожденных детей и в конечном итоге порождающие социальное сиротство.

В нашей стране изучение явления отказа от материнства, в том числе как выражения универсализации гендерных ролей, осуществляется относительно недавно [1]. С начала 1990-х годов количество случаев материнского отказа от новорожденных в России увеличивалось с каждым годом. Число отказных детей, принятых в детские дома, в Москве за 1988—1994 годы выросло в 2,1 раза. Для сравнения: за этот же период рождаемость уменьшилась в 1,5 раза. Согласно ежегодным отчетам, поступающим в Минздрав РФ, в 1999 году только в одном родильном доме Москвы появились на свет 2943 живых ребенка, из которых 404 (13,73 %) оказались отказными (включая так называемых подкидышей, т. е. младенцев, матери которых оставляют родильный дом, не оформив официальных документов об отказе). В 2000 году в этом же роддоме родилось 2910 младенцев, из которых 345 (11,86 %) отказных. При этом стоит отметить, что замещающая семья далеко не всегда является приемлемой альтернативой. Среди воспитанников детских домов 21 % составляют отказные дети, из них 10 % рождены несовершеннолетними матерями. По данным Минздрава РФ, в России каждый год регистрируется 12—13 тыс. отказов от новорожденных детей [2].

Понимая основополагающий характер материнского поведения, необходимо задуматься о причинах явления, его масштабах, а также проанализировать связь с социально-демографическими характеристиками матерей-отказниц. В соответствии с проведенным в 2005 году исследованием мотивов отказов от новорожденных детей в родильных домах Москвы, получены следующие данные.

У большинства опрошенных отказниц не было образца нормальных семейных отношений, которые могли бы впоследствии вызвать желание создать хорошую семью. В большей части семей (58 %) наиболее распространенными воспитательными мерами были крик, побои; при этом били детей 1 % отцов и 13 % матерей. Отметим, что модель семейного

Нижегородской области, руководитель российской части исследования — проф. З. Х. Саралиева), подключившейся к этому кросскультурному исследованию в 2006 году, было опрошено 300 матерей дошкольников, 300 матерей подростков, 300 подростков и 100 бабушек подростков по материнской линии.

воспитания передастся и детям, поскольку респондентки считают, что детей следует бить. Характерно также, что образовательный уровень родительских семей очень низок. Полное среднее образование имели только 50 % матерей. 18 % отказниц долгое время не работали, 6 % злоупотребляли алкоголем.

По данным многих исследователей, причинами отклоняющегося поведения у детей являются холодные, индифферентные или отстраненные взаимоотношения с матерью в раннем детстве. Отсутствие или недостаток материнской любви придает жизни ребенка отрицательный смысл, искажая все первоначальные ощущения. Дефицит родительской любви оставляет самые глубокие раны в сознании человека.

Уровень общения ребенка со взрослым во многом определяет характер его контактов с другими детьми. Если сравнивать особенности общения детей, растущих в семье и вне семьи, то можно увидеть серьезные отличия в развитии общения как со взрослыми, так и с детьми. Особенно они заметны в личностном общении, в основе которого лежит потребность во взаимопонимании и сопереживании. Главной причиной таких отличий являются различия в условиях жизни и воспитания детей в семье и вне семьи, которые связаны, прежде всего, с практикой общения ребенка со взрослым. Так, в семье ребенок получает больше внимания со стороны взрослых. Воздействие взрослого адресовано ребенку индивидуально. В условиях детского дома воздействие взрослого, как правило, адресовано группе детей, а не каждому ребенку в отдельности.

Около трети респонденток отмечают плохие отношения с собственной матерью, что свидетельствует о дефиците у отказниц материнского влияния. 50 % респонденток росли без отца, развод родителей в возрасте до 12 лет пережили 18 % женщин. 23 % оценивают свои отношения с отцами как плохие или очень плохие.

Среди мотивов отказа от ребенка называются давление со стороны родителей, отказ в предоставлении материальной помощи или помощи в воспитании ребенка. Другая группа мотивов отказа, выдвигаемых опрошенными, связана с их материальным положением. Около половины отказниц находятся на иждивении у родственников. Только 15 % рассматривают в качестве основного средства существования заработную плату на постоянном месте работы. 55 % отказниц считают свое материальное положение ниже среднего уровня в стране².

Неотъемлемым элементом анализа гендерных аспектов социального сиротства должен стать анализ формирования чувства материнства и отцовства. Дети-сироты в большей степени, чем кто-либо, входят в группу риска по вторичному социальному сиротству. Причины этого не столько материальные, сколько психологические. Для того чтобы девочка стала в будущем примерной матерью, необходимо чтобы в ее раннем детстве была сформирована глубокая эмоциональная привязанность к матери (с трех-пяти лет начинается отчуждение). Чувства материнства и отцовства формируются на основе материнского и отцовского инстинктов.

Материнский инстинкт — основополагающий в жизни женщины и направлен на вынашивание потомства и заботу о нем. Отцовский инстинкт

² Результаты исследования МГСУ 2005 года в родильных домах г. Москвы в рамках программы «Профилактика раннего социального сиротства» (руководитель — А. В. Романова).

менее устойчив, более сексуально детерминирован и ориентирован главным образом на защиту матери и потомства. Как материнский, так и отцовский инстинкт — это прежде всего преломление инстинктов самосохранения и продолжения рода. Не подлежит сомнению социальная обусловленность инстинкта продолжения рода, поскольку человек может выжить только в сообществе и на него сильное влияние оказывает пример родителей и нормы, принятые в сообществе. Инстинкты материнства и отцовства альтруистичны по своему содержанию, подразумевают жертвенность и бескорыстие.

В самом общем виде материнство можно определить как исторически сложившийся механизм воспроизводства человека, являющийся социокультурным феноменом. Неготовность к материнству — сложное социально-психологическое явление. Материнство является важнейшей сущностной детерминантой системы жизненных ценностей женщины, определяющей и координирующей ее деятельность, важнейшей формой ее самореализации [7].

Можно сделать следующие выводы. Гендерные аспекты социального сиротства проявляются как симптомы аномических процессов, в результате которых происходит унификация традиционных гендерных ролей. Это, в свою очередь, ведет к извращению основных семейных функций, обеспечивающих репродукцию и социализацию. Приведенные результаты эмпирических исследований, отражающие увеличение количества социальных сирот, подтверждают данный тезис. Проблематизация традиционных гендерных стереотипов достигает своего апогея в феминистских исследованиях.

Нами был сделан акцент на социально-психологических характеристиках матерей-отказниц. Основными факторами, обрекшими их детей на участь социальных сирот, были отсутствие положительного опыта материнства, а также отсутствие отеческого участия в процессе воспитания и социализации. Данные модели поведения достаточно устойчивы, поскольку имеют тенденцию к воспроизведению в отношении собственных детей.

Пути решения проблемы преодоления социального сиротства с точки зрения гендерных аспектов могут стать популяризация традиционного распределения семейных ролей, внимание к процессу социализации будущих матерей, повышенное внимание к институтам материнства и отцовства.

Библиографический список

1. Брутман В. И. Природа раннего социального сиротства и меры его предупреждения. М.; Сыктывкар, 1994.
2. Власова И., Петелин Г. Лишние дети // Новые известия. 2003. № 61.
3. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М., 2003.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.
6. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социол. исслед. 1992. № 3.
7. Семья Г. В. Социально-психологические проблемы сиротства и стратегия помощи. <http://www.dmp.mgopu.ru/data/1402.doc> (дата обращения: 12.03.2008 г.).

- 8. Ценность детей и межпоколенные отношения: Сб. науч. ст. / Под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2008.**

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

 Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. 246 с. 10 ил.

Анализируется роль гендерных стереотипов в политических процессах в современной России. Каким образом политик наделяется полом? Как репрезентации мужественности и женственности становятся аргументом в борьбе за власть? Какое воздействие стереотипные представления о мужчинах и женщинах оказывают на рейтинг политических партий? Каким образом гендерные стереотипы используются для делегитимации политических противников? Как политический дискурс, в свою очередь, воспроизводит социальное неравенство в сфере гендерных отношений? Ответам на эти вопросы посвящена книга.

**Предназначается социологам, политологам, психологам, политтехнологам, имиджмейкерам, культурологам, историкам.
Стоимость книги — 150 рублей. Заказы можно присылать по адресу: riabova2001@inbox.ru**

 Рябов О. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover, 2007.

«Россия-Матушка» — один из наиболее известных символов русскости в России и за рубежом. Будучи важным концептом русского национализма, он выполняет функцию «символического пограничника» между Россией и Западом.

В монографии исследуется история «России-Матушки» в XX веке, в том числе использование этого символа в основных военных конфликтах столетия (Русско-японская война, Первая и Вторая мировые войны, Гражданская война, Холодная война). Книга показывает роль мифологии «России-Матушки» в определении русскости, в продуцировании Своих и Чужих, в конструировании внутренних и внешних Врагов, в легитимации и делегитимации власти, в поддержании и корректировке гендерного порядка в России. Исследование анализирует дискурсивную борьбу вокруг материнского символа России в различных направлениях русского национализма, которая обуславливает полисемантичность этого символа и гетерогенность национальной идентичности в целом. В отличие от других публикаций о «России-Матушке», эта книга рассматривает данный символ в кросскультурном контексте, интерпретируя его через призму дискурса Модерна, делящего мир на «Запад и Все Остальное».

Приобрести книгу можно по следующим адресам:

http://shop.strato.de/epages/Store8.sf/de_DE/?ObjectPath=/Shops/61235722/Product/s/978-3-89821-487-2;

<http://www.amazon.com/Rossia-Matushka-Natsionalizm-Post-Soviet-Politics-Society/dp/3898214877>

Аннотации

Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России

«Очерк женского движения в России» — одно из немногих публицистических произведений XX века, достаточно полно раскрывающих историю возникновения и развития отечественного женского движения. Его автором является Анна Николаевна Шабанова, потомственная дворянка, слушательница Высших женских курсов, первая женщина — детский врач, с 1889 года председательница Русского женского взаимоблаготворительного общества. Отражена хронология развития женского движения, предпринята попытка разработать концепцию его либерально-демократического направления, подробно освещена работа по проведению Первого Всероссийского женского съезда.

Ключевые слова: история женского движения.

Хасбулатова О. А. Проблемы равноправия полов в трудах В. М. Хвостова (начало XX века) Рассматриваются взгляды профессора Московского университета В. М. Хвостова на проблему равноправия полов и концептуальные основы женского движения, которые нашли отражение в его фундаментальных трудах, изданных в 1905—1914 годах. Обосновываются методологические подходы ученого к разработке основ социологии пола. Подчеркивается актуальность научных обобщений В. М. Хвостова для современной гендерной теории.

Ключевые слова: женский вопрос как социальный вопрос, женщина и человеческое достоинство, женское движение, саморазвитие личности, права личности, демократизация общественного строя.

Айвазова С. Г. Первый Всероссийский женский съезд: дискуссия о равноправии В статье анализируются основные направления развернувшейся на Первом Всероссийском женском съезде дискуссии о природе власти, о характере социальных отношений между женщинами и мужчинами, а также о том, каким образом надлежит включать проблематику прав женщин в общий контекст социальных преобразований в России. В качестве основного источника использованы «Труды Первого Всероссийского женского съезда» — самого полного и репрезентативного документа по истории и теории российского феминизма дореволюционной эпохи.

Ключевые слова: власть, патриархат, права женщин, Первый Всероссийский женский съезд, равноправие, феминизм.

Юкина И. И. Всероссийские женские съезды как точки роста феминистского движения в России

Статья посвящена анализу феминистской переинтерпретации социальных проблем женщин, которые легли в основу решений и резолюций двух всероссийских женских съездов 1910 и 1912 годов, организованных российским феминистским движением первой волны. Описаны практики и стратегия движения по достижению поставленных перед ним целей.

Ключевые слова: Первый Всероссийский женский съезд, Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами, Первый Всероссийский съезд по образованию женщин, феминистская идеология, институционализация женского и феминистского движения, культура среднего класса, идеология индивидуализма, самодостаточная и достигающая женская личность, гражданские права и свободы женщин в экономической, культурной, общественной и семейной сферах.

Шведова Н. А. Столетний юбилей: проблемы остаются

Статья посвящена изучению исторического опыта I Всероссийского женского съезда. Анализируются механизмы достижения гендерного равенства, формируемые международным сообществом. Делается вывод о необходимости усиления мер в этой сфере на национальном уровне.

Ключевые слова: гендерное равенство, национальный механизм гендерного равенства, дискриминация по признаку пола, женское движение.

Михайлова Т. Л. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу

Статья представляет исследование женской субъективности в контексте современной коммуникативистики через анализ неречевого дискурса. Автор предлагает использовать язык семиотики в исследовании женского молчания как маркированной формы женской идентичности. Инструментарий семиотики опробован на анализе авторской поэзии как варианта ego-документа.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, андроцентризм, молчание как текст, властный дискурс.

Забелина Т. Ю. Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или «личное дело»?

На основе сопоставления данных из различных российских источников показывается, что насильственные действия, совершаемые дома, направлены преимущественно против женщин. Делается вывод о том, что межведомственная модель реагирования на случаи домашнего насилия наиболее эффективна и способствует развитию сотрудничества различных государственных учреждений, НКО, экспертов в этой области.

Ключевые слова: преступления, связанные с насильственными действиями, насилие в семье, домашнее насилие, кризисные службы (центры), Фонд ООН в области народонаселения, пережившие насилие, женские неправительственные организации, межведомственная модель реагирования на случаи насилия в семье.

Осипова И. И. Гендерные аспекты социального сиротства

Статья посвящена анализу гендерных аспектов социального сиротства. Основными темами исследования являются трансформации традиционных гендерных ролей, особенности реагирования на социальные изменения, порождающие социальное сиротство и обусловленные гендерной спецификой. Рассматривается гендерный аспект воспитания и социально-психологический портрет матери-отказницы.

Ключевые слова: гендер, трансформация гендерных ролей, социальное сиротство,

отцовство, материнство.

Summaries

Shabanova A. N. Studies of Women's Movement in Russia

«Studies of Women's Movement in Russia» is one of several publicistic works of the XX century which fully covers the history of origin and development of native women's movement. The author of this work is Anna Nikolayevna Shabanova, hereditary noblewoman, student of the higher courses for women, the first woman who made a career of pediatrician. Since 1889 she was the chairwoman of Russian women's inter-beneficent society.

Here the chronology of women's movement development is studied and attempt to work out a concept of its liberal-democratic line is made. The author analyzes the work which has been done during the first All-Russian women's congress.

Key words: the history of women's movement.

Khasbulatova O. A. Problems of Gender Equality in the Works of V. M. Khvostov (the Beginning of the XX Century)

The views of Moscow University professor V. M. Khvostov on the problems of gender equality and conceptual basics of women's movement are examined. These views are reflected in his fundamental works published in 1905—1914 years. Scientist's methodological approaches to the development of gender sociology basics are demonstrated. The author stresses the topicality of scientific generalizations made by professor Khvostov for modern gender theory.

Key words: women's question as social question, woman and human dignity, women's movement, self-development of personality, individual rights, democratization of social order.

Ajvazova S. G. The First All-Russian Women's Congress: Discussion about Equality

The article analyzes basic lines in discussion which was held during the First All-Russian women's congress. The discussion was devoted to the nature of power, the character of social relationships between men and women. The question — how to include the problems of women's rights into the common context of social transformations in Russia — was also discussed. «The Proceedings of the First Women's Congress» were used as the basic source of information. It is the most profound and representative document concerning the history and theory of Russian feminism of pre-revolutionary epoch.

Key words: power, patriarchy, women's rights, the First All-Russian women's congress, equality, feminism.

Yukina I. I. All-Russian Women's Congresses as Growing Points of Feminist Movement in Russia

The article is devoted to the analysis of feminist reinterpretation of women's social problems which served as the basis for the decisions and resolutions of two All-Russian women's congresses of 1910 and 1912 organized by Russian feminist movement of the first wave. The practice and strategy of movement on the way to their goals' achievement are described.

Summaries

Key words: the First All-Russian Women's Congress, the First All-Russian congress on combating women's trade, the First All-Russian congress on women's education, feminist ideology, institutionalization of women's and feminist movement, middle class culture, ideology of individualism, all-sufficient and achieving women's personality, civil rights and freedoms of women in economic, cultural, public and family sphere.

Shvedova N. A. Centenary Anniversary: the Problems Remain

The article is devoted to the study of historical experience of the First All-Russian women's congress. The analysis of mechanisms of gender equality achievement formed by international community is made. The conclusion about the necessity of efforts' strengthening on the national level in this sphere is drawn.

Key words: gender equality, national mechanism of gender equality, gender discrimination, women's movement.

Mikhajlova T. L. Women's Silence as a Binary Opposition to the Men's Authoritative Discourse

The article contains the investigation of women's subjectivity in the context of modern communicative studies through the analysis of nonverbal discourse. The author suggests to use the language of semiotics in the research of women's silence as a marked form of women's identity. The tools of semiotics are tested through the analysis of author's poetry as a variant of ego-document.

Key words: binary opposition, androcentrism, silence as text, authoritative discourse.

Zabelina T. J. Domestic Violence against Women: National Problem or «Personal Affair»?

Though comparison of facts from various Russian sources it is shown that violent acts committed at home are mostly directed against women. The author draws the conclusion that interdepartmental model of response to the acts of domestic violence is the most effective one. This model promotes further development of cooperation between different state institutions, NGO's, experts in this sphere.

Key words: perpetration connected with violent acts, family violence, domestic violence, crisis service (centers), UN population fund, suffered from violence, women's nongovernmental organizations, interdepartmental model of response to the acts of violence in family.

Osipova I. I. Gender Aspects of Social Orphanage

The article is devoted to the analysis of gender aspects of social orphanage. The main topics of research are transformation of traditional gender roles, peculiarities of response to social changes which entail social orphanage and are caused by gender specificity. The gender aspect of upbringing is examined. The socio-psychological portrait of mothers who abandon their children is studied.

Key words: gender, transformation of gender roles, social orphanage, paternity, maternity.

Авторы номера

АЙВАЗОВА
Светлана Григорьевна

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН.
aivazova@mtu-net.ru

ЗАБЕЛИНА
Татьяна Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
Московский гуманитарный университет.
e-mail: tatiza08@gmail.com

МИХАЙЛОВА
Татьяна Леонидовна

старший преподаватель кафедры ССО,
маркетинга и коммуникации,
Нижегородский технический университет
им. Р. Е. Алексеева.

filosof6@nntu.nnov.ru.

ОСИПОВА
Ирина Ильинична

кандидат социологических наук,
докторант кафедры общей социологии
и социальной работы факультета социальных наук,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
директор ГОУ «Детский дом № 37» (Москва)

ХАСБУЛАТОВА
Ольга Анатольевна

доктор исторических наук, профессор,
первый заместитель Председателя
Правительства Ивановской области.
E-mail: oax@gov37.ivanovo.ru

ШВЕДОВА
Надежда Александровна

доктор политических наук,
руководитель
Центра социально-политических
исследований
Института США и Канады
Российской академии наук (ИСКРАН)

ЮКИНА
Ирина Игоревна

кандидат социологических наук, доцент,
зав. кафедрой, Невский институт языка
и культуры (Санкт-Петербург),
irinayukina@mail.ru

С о д е р ж а н и е

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ЖЕНСКОГО СЪЕЗДА

Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России	4
Хасбулатова О. А. Проблемы равноправия полов в трудах В. М. Хвостова (начало XX века)	26
Айвазова С. Г. Первый Всероссийский женский съезд: дискуссия о равноправии	31
Юкина И. И. Всероссийские женские съезды как точки роста феминистского движения в России	46
Шведова Н. А. Столетний юбилей: проблемы остаются	53

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Михайлова Т. Л. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу	62
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Забелина Т. Ю. Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или «личное дело»?	77
Осипова И. И. Гендерные аспекты социального сиротства	86
<i>На книжную полку</i>	92
<i>Аннотации</i>	93
<i>Авторы номера</i>	97

Contents

TO THE CENTENARY OF THE FIRST WOMEN'S CONGRESS

Shabanova A. N. Studies of Women's Movement in Russia	4
Khasbulatova O. A. Problems of Gender Equality in the Works of V. M. Khvostov (the Beginning of the XX Century)	26
Ajvazova S. G. The First All-Russian Women's Congress: Discussion about Equality 31	
Yukina I. I. All-Russian Women's Congresses as Growing Points of Feminist Movement in Russia	46
Shvedova N. A. Centenary Anniversary: the Problems Remain	53

GENDER STUDIES: METHODOLOGY AND METHODS

Mikhajlova T. L. Women's Silence as a Binary Opposition to the Men's Authoritative Discourse	62
---	----

SOCIAL POLITICS AND SOCIAL WORK

Zabelina T. J. Domestic Violence against Women: National Problem or «Personal Affair»?	77
Osipova I. I. Gender Aspects of Social Orphanage	86
<i>For the bookshelf</i>	92
<i>Summaries</i>	93
<i>Authors of the number</i>	97

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

**главный редактор журнала
«Женщина в российском обществе»,
доктор исторических наук, профессор
Хасбулатова**

О. А.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: УДК, ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, для научных статей — аннотация **объемом 10—15 строк и ключевые слова; текст статьи (сообщения).**

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.